

Том 9
№ 3 2018
Сентябрь

Модернизация
Инновации
Развитие

Modernization. Innovation. Research

Научно-практический журнал

DOI: 10.18184/2079-4665.2018.9.3

ISSN 2411-796X (Online)

ISSN 2079-4665 (Print)

Модернизация Инновации Развитие

Том 9

№ 3

СЕНТЯБРЬ

2018

Scientific and practice-oriented journal

DOI: 10.18184/2079-4665.2018.9.3

ISSN 2411-796X (Online)

ISSN 2079-4665 (Print)

Modernization Innovation Research

Vol. 9
Issue 3

SEPTEMBER

2018

Научно-практический журнал

УЧРЕДИТЕЛИ

ООО Издательский Дом «Наука»

109044, Россия, г. Москва, ул. Динамовская, д. 1а, оф. 519

НП «Международный стратегический
инновационно-технологический альянс»

119285, Россия, г. Москва, ул. Пудовкина, 4

ИЗДАТЕЛЬ

ООО Издательский Дом «Наука»

109044, Россия, г. Москва, ул. Динамовская, д. 1а

НАУЧНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ

Институт народнохозяйственного прогнозирования
Российской Академии Наук (ИНП РАН)

117418, Россия, г. Москва, Нахимовский проспект, 47

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА

109044, Россия, г. Москва, ул. Динамовская, д. 1а, оф. 519

Телефон: +7 (499) 271-6724

e-mail: info@idnayka.ru, article@idnayka.ru

<http://www.mir-nayka.com>

Scientific and practice-oriented journal

FOUNDERS

Publishing House "Science"

Office 519, Dinamovskaya str., 1a,
109044, Moscow, Russian Federation

NP "ISITA"

Pudovkina str. 4, 11 9285, Moscow,
Russian Federation

PUBLISHER

Publishing House "Science"

Dinamovskaya str., 1a, 109044, Moscow, Russian Federation

SCIENTIFIC SUPPORT

Institute of Economic Forecasting (IEF RAS)

47, Nakhimovsky prospect, 117418, Moscow,
Russian Federation

EDITORS OFFICE ADDRESS

Office 519, Dinamovskaya str., 1a, 109044, Moscow, Russian Federation

Tel.: +7 (499) 271-6724

МОДЕРНИЗАЦИЯ

ИННОВАЦИИ

РАЗВИТИЕ

«МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)»

Научно-практический рецензируемый журнал

Научно-практический журнал «МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)» публикует научные материалы как теоретического, так и эмпирического характера по всем направлениям экономической науки. На страницах журнала рассматриваются проблемы социально-экономического развития России и ее регионов, варианты текущих, среднесрочных и долгосрочных прогнозов народного хозяйства и секторов экономики, вопросы структурно-инвестиционной, социальной, финансовой и внешнеэкономической политики, экономические стратегии, процессы глобализации, модернизация в отраслях народного хозяйства.

Научное сопровождение журнала: Институт народнохозяйственного прогнозирования Российской Академии Наук (ИНП РАН).

Журнал издается при поддержке Института менеджмента и маркетинга Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ИММ РАНХиГС).

Журнал «МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)» рекомендован **ВАК Минобрнауки России** для публикации научных работ, отражающих основное научное содержание кандидатских и докторских диссертаций.

Журнал включен в **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**. Полнотекстовые версии статей, публикуемых в журнале, доступны на сайте Научной электронной библиотеки **eLIBRARY.RU** (<http://elibrary.ru>).

В настоящее время журнал присутствует и индексируется в более чем в 15 российских и международных наукометрических базах данных и специализированных ресурсах.

Журнал является членом Комитета по этике научных публикаций,

Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ),

Международной ассоциации по связям издателей (Publishers International Linking Association, Inc. – PILA)

Журнал придерживается лицензии «**Creative Commons Attribution 4.0 License**».

Все материалы журнала доступны бесплатно для пользователей.

Авторы имеют право распространять свои материалы без ограничений, но со ссылкой на журнал.

<http://www.mir-nayka.com>

МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)

Журнал издается с января 2010 года

Зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати,

телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

Свидетельство ПИ № ФС77-38695 от 21 января 2010 г.

Выходит 1 раз в квартал

Подписной индекс в каталоге агентства «Роспечать» 65042

Журнал рекомендован ВАК Минобрнауки России для публикации научных работ, отражающих основное научное содержание кандидатских и докторских диссертаций

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

ООО Издательский Дом «Наука»

Генеральный директор: С. Ш. Евдокимова

Директор по развитию: Е. Л. Иванова

Шеф-редактор: А. А. Гусаренко

Контент-менеджер: И. М. Гурова

Юрист: В. Н. Иванов

Подписано в печать 28.09.2018

Электронная версия журнала: <http://www.mir-nayka.com>, <http://www.elibrary.ru>

Перепечатка материалов и использование их в любой форме, в том числе и в электронных СМИ, возможны только с письменного разрешения редакции.

Редакция приносит извинения за случайные грамматические ошибки.

© ООО Издательский дом «Наука»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

КОМКОВ Николай Иванович, заведующий лабораторией организационно-экономических проблем управления научно-техническим развитием, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (ИНП РАН), доктор экономических наук, профессор, Scopus ID: 25655112100, komkov_ni@mail.ru (Москва, Россия)

Зам. главного редактора

БОБРЫШЕВ Артур Дмитриевич, профессор учебного отдела аспирантуры, ФГУП «ЦНИИ «Центр», доктор экономических наук, профессор, Scopus ID: 55345366400, 3646410@mail.ru (Москва, Россия)

ИВАЩЕНКО Наталия Павловна, заместитель декана экономического факультета, заведующий кафедрой экономики инноваций, МГУ им. Ломоносова, доктор экономических наук, профессор, Scopus ID: 35111334600, nivashenko@mail.ru (Москва, Россия)

Члены редакционной коллегии

АКАЕВ Аскар Акаевич, Иностраннный член РАН (Кыргызстан), главный научный сотрудник, Институт математических исследований сложных систем МГУ им. Ломоносова, доктор технических наук, профессор, Scopus ID: 57125020600, askarakaev@mail.ru (Москва, Россия)

БАЙЗАКОВ Сайлау Байзакович, научный руководитель АО «Институт экономических исследований» при Министерстве экономики и бюджетного планирования Республики Казахстан, доктор экономических наук, профессор, Scopus ID: 56741276400, baizakov37@mail.ru (Астана, Республика Казахстан)

БУРКАЛЬЦЕВА Диана Дмитриевна, профессор кафедры «Финансы предприятий и страхования», Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, доктор экономических наук, доцент, Scopus ID: 57191192862, di_a@mail.ru (Симферополь, Россия)

ВЕСЕЛОВСКИЙ Михаил Яковлевич, заведующий кафедрой управления, ГБОУ ВО Московской области «Технологический университет», доктор экономических наук, профессор, Scopus ID: 56087785600, unitech@unitech-mo.ru (Королев, Россия)

ДИДЕНКО Николай Иванович, заместитель заведующего по научной работе кафедры мировой и региональной экономики, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, доктор экономических наук, профессор, Scopus ID: 56105001600, didenko.nikolay@mail.ru (Санкт-Петербург, Россия)

ИЗМАЙЛОВА Марина Алексеевна, профессор Департамента Корпоративных финансов и корпоративного управления, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, доктор экономических наук, доцент, Scopus ID: 57189310428, m.a.izmailova@mail.ru (Москва, Россия)

КОСИНЬСКИ Эрык, доктор юриспруденции, Университет имени Адама Мицкевича в Познани (Познань, Польша), приглашенный профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Международная Высшая школа управления (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ЛЕОНТЬЕВА Лидия Сергеевна, профессор кафедры предпринимательства и логистики, РЭУ им. Г.В. Плеханова, доктор экономических наук, профессор, Scopus ID: 57202513712, lldom@mail.ru (Москва, Россия)

ПАЛАТКИН Иван Викторович, директор Пензенского казачьего института технологий (филиал) ФГБОУ ВПО «МГУТУ имени К.Г. Разумовского (Первого казачьего университета)», доктор экономических наук, ivpalatkin@bk.ru (Пенза, Россия)

САФИУЛЛИН Азат Рашитович, заведующий кафедрой проектного менеджмента и оценки бизнеса, Казанский (Приволжский) федеральный университет, доктор экономических наук, доцент, Scopus ID: 55982236800, safiullin.ar@gmail.com, azat.safiullin@tatar.ru (Казань, Россия)

СЕКЕРИН Владимир Дмитриевич, заведующий кафедрой экономики высокотехнологичного производства, Институт проблем управления им. В. А. Трапезникова Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор, Scopus ID: 56088643300, bcintermarket@yandex.ru (Москва, Россия)

Ответственный секретарь

ГУРОВА Ирина Михайловна, к. э. н., Институт менеджмента и маркетинга РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (ИММ РАНХиГС), i-m-g@yandex.ru (Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Главный редактор

ИВАНТЕР Виктор Викторович, академик РАН, научный руководитель, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (ИНП РАН), доктор экономических наук, профессор, Scopus ID: 16425878700, vvivanter@ecfor.ru (Москва, Россия)

Зам. главного редактора

ПОРФИРЬЕВ Борис Николаевич, академик РАН, директор, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (ИНП РАН), доктор экономических наук, профессор, Scopus ID: 6603270384, b_porfrie@mail.ru (Москва, Россия)

ЖУКОВ Евгений Алексеевич, почетный профессор, Московская международная высшая школа бизнеса «МИРБИС» (Институт), доктор экономических наук, evgenii.zhukov@mail.ru (Москва, Россия)

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ГЮРДЖАН Ара Смбатович, профессор кафедры управления Ереванского государственного университета, доктор экономических наук, профессор, ag@president.am (Ереван, Армения)

ДМИТРИЕВСКИЙ Анатолий Николаевич, академик РАН, научный руководитель, Институт проблем нефти и газа РАН (ИПНГ РАН), доктор геолого-минералогических наук, профессор, Scopus ID: 6603259385, A.Dmitrievsky@ipng.ru (Москва, Россия)

КАРЛИК Александр Евсеевич, проректор по научной работе, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, доктор экономических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Scopus ID: 56227550900, karlik1@mail.ru (Санкт-Петербург, Россия)

КНАУПЕ Ханс-Иоахим, доктор экономики, профессор, Академия Международной экономики (Берлин, Германия)

МИНДЕЛИ Леван Элизбарович, член-корр. РАН, научный руководитель, Институт проблем развития науки РАН, доктор экономических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, l.mindeli@issras.ru (Москва, Россия)

МИШИН Юрий Владимирович, профессор кафедры математических методов в экономике и управлении Государственного Университета Управления (ГУУ), доктор экономических наук, профессор, myv1@rambler.ru (Москва, Россия)

СЕНИН Александр Сергеевич, директор Института менеджмента и маркетинга, РАНХиГС при Президенте РФ, доктор экономических наук, профессор, senin@ranepa.ru (Москва, Россия)

СМИРНОВА Ольга Олеговна, заместитель председателя Совета по изучению производительных сил ФГБОУ ВО «Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации», доктор экономических наук, доцент, Scopus ID: 56719162500, 7823091@bk.ru (Москва, Россия)

ЭКСПЕРТНЫЙ СОВЕТ

АЛФЕРОВ Валерий Николаевич, доцент Департамента менеджмента Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат экономических наук, доцент, expertavn@bk.ru (Москва, Россия)

БИГУАА Батал Геннадьевич, руководитель аппарата Комитета Государственной Думы ФС РФ по делам национальностей, кандидат юридических наук (Москва, Россия)

БУРУКИНА Ольга Алексеевна, директор Центра международного студенческого рекрутинга НИУ Высшая школа экономики; профессор кафедры «Системный анализ в экономике» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат филологических наук, доцент, магистр юриспруденции, магистр менеджмента, obur@mail.ru (Москва, Россия)

ВЫБОРНЫЙ Анатолий Борисович, депутат Государственной Думы ФС РФ, заместитель председателя Комитета Государственной Думы ФС РФ по безопасности и противодействию коррупции (Москва, Россия)

КАТУЛЬСКИЙ Евгений Данилович, главный научный сотрудник ФГБУ «Всероссийский научно-исследовательский институт труда» Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Scopus ID: 57194697861, sh-darina@yandex.ru (Москва, Россия)

УСМАНОВА Талья Хайдаровна, главный научный сотрудник лаборатории организационно-экономических проблем управления научно-техническим развитием Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, доктор экономических наук, Utx.60@mail.ru (Москва, Россия)

ШУБАЕВА Вероника Георгиевна, декан факультета экономики и финансов Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук, профессор, shubaeva.v@unpesop.ru (Санкт-Петербург, Россия)

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ

Научно-практический журнал «МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)» входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов ВАК, рекомендуемых для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Все статьи журнала «МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)» находятся в открытом доступе – на сайте издания (<http://www.mir-nayka.com>), в Научной электронной библиотеке (<http://elibrary.ru>) и прочих наукометрических ресурсах. Допускается свободное воспроизведение материалов журнала в личных целях и свободное использование в информационных, научных, учебных или культурных целях в соответствии со ст. 1273 и 1274 гл. 70 ч. IV Гражданского кодекса РФ. Иные виды использования возможны только после заключения соответствующих письменных соглашений с правообладателем.

Редакционная политика журнала базируется на современных юридических требованиях в отношении авторского права, законности и плагиата, поддерживает Кодекс этики научных публикаций и принципы работы редакторов и издателей, разработанные Международным Комитетом по публикационной этике (COPE)

Все статьи проверяются на плагиат. В случае обнаружения многочисленных заимствований редакция действует в соответствии с правилами COPE.

Рукописи, поступившие в редакцию журнала, проходят обязательное двустороннее анонимное («двойное слепое») рецензирование (рецензент и автор не знают имен друг друга). При принятии решения о публикации единственным критерием является качество работы – оригинальность, важность и обоснованность результатов, ясность изложения. На основании анализа статьи принимается решение о рекомендации ее к публикации (без доработки или с доработкой), либо об отклонении. В случае несогласия автора статьи с замечаниями рецензентов его мотивированное заявление рассматривается редакционной коллегией.

Статьи в журнале публикуются после получения положительных рецензий, как без оплаты, так и с возмещением затрат за редакционно-издательские услуги. Бесплатно (за счет средств журнала) размещаются материалы авторов, специально приглашенных научно-редакционным советом и/или редакционной коллегией (главным редактором), а также статьи аспирантов дневной формы обучения. Стоимость возмещения редакционно-издательских затрат составляет от десяти тысяч рублей, в зависимости от необходимого объема работы с конкретной статьей.

Общие правила публикации (подробнее см. <http://www.mir-nayka.com>):

Авторы гарантируют, что статья является оригинальным произведением, и они обладают исключительными авторскими правами на нее. Все Авторы обязаны раскрывать в своих рукописях финансовые или другие существующие конфликты интересов, которые могут быть восприняты как оказавшие влияние на результаты или выводы, представленные в работе.

При подаче статьи Авторы соглашаются с положениями предоставляемого редакцией Авторского договора.

Для публикации научной статьи Авторы должны надлежащим образом оформить и представить в электронном виде необходимые материалы: рукопись статьи и сопроводительные документы к ней. Рукописи должны быть оформлены строго в соответствии с «Правилами оформления рукописи научной статьи», представленными на сайте журнала, тщательно структурированы, выверены и отредактированы Авторами.

Структура статьи (подробнее см. <http://www.mir-nayka.com>):

1. Коды УДК и международного классификатора JEL.
2. ФИО авторов и аффилиация (на русском и английском языках).
3. Название статьи – не более 10-ти слов (на русском и английском языках).
4. Аннотация – не менее 200–250 слов; должны быть четко обозначены следующие составные части (на русском и английском языках):
 - 1) Цель (Purpose);
 - 2) Метод или методология проведения работы (Methods);
 - 3) Результаты работы (Results);
 - 4) Выводы (Conclusions and Relevance).
5. Ключевые слова – 5–10 слов (на русском и английском языках).
6. Благодарности / Признательность (на русском и английском языках).
7. Конфликт интересов (на русском и английском языках).
8. Основной текст статьи – излагается в определенной последовательности с соответствующими подзаголовками (на русском и английском языках):
 - 1) Введение (Introduction) – 1–2 стр.;
 - 2) Обзор литературы и исследований (Literature Review) – 1–2 стр.;
 - 3) Материалы и методы (Materials and Methods) – 1–2 стр.;
 - 4) Результаты исследования (Results) – основной раздел, сопровождается иллюстрациями (таблицами, графиками, рисунками);
 - 5) Выводы (Conclusions and Relevance).
9. Список литературы – для оригинальной научной статьи не менее 25–30 источников, для научного обзора не менее 50–80 источников (на русском и английском языках).
10. Вклад соавторов (на русском и английском языках).

Более подробная информация о журнале для авторов и читателей:

<http://www.mir-nayka.com>

ISSN 2079-4665 (Print)

ISSN 2411-796X (Online)

MIR (Modernization. Innovation. Research)

Scientific and practical peer-reviewed journal

The journal "MIR [World] (Modernization. Innovation. Research)" publishes both theoretical and empirical Research in all spheres of Economic. The journal deals with the problems of socio-economic development of Russia and its regions, short-, medium- and long-term forecasts of economic development and its sectors, the issues of structural investment, social, financial and foreign policies, economic strategies, the processes of globalization and modernization in the sectors of National economy.

The scientific support of journal: the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences (IEF RAS).

The journal is published with the financial support of the Institute of Management and Marketing of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA).

The journal is included in the list of peer-reviewed journals established by the Highest Certification Commission (HCC) of Russian Federation [Vysshaya attestatsionnaya komissiya (VAK) Rossijskoj Federacii].

All articles of the journal are publicly available – on the websites of the journal and the Scientific Electronic Library (<http://elibrary.ru>). The journal is included in the Russian Science Citation Index (RSCI: see http://elibrary.ru/project_risc.asp).

The journal is present and indexed in more than 15 Russian and International science-based databases and specialized resources.

All materials of the journal "MIR (Modernization. Innovation. Research)" are published by using the license **Creative Commons Attribution 4.0 License**, allowing loading and distributing works on the assumption of indicating the authorship. The works may not be changed in any way or used for commercial interests.

The authors of the materials published in the journal have every right to distribute them without restrictions, but with reference to the journal.

<http://www.mir-nayka.com>

MIR (Modernization. Innovation. Research)

Published since January 2010

Registration Certificate ПИ № ФС77-38695 of January 21, 2010
by the Ministry of Press, Broadcasting and Mass Communications of the Russian Federation

Goes out trimestral

Subscription index in catalogue of agencies "Rospechat" 65042

The journal is recommended by VAK (the Higher Attestation Commission) of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation to publish scientific works encompassing the basic matters of theses for advanced academic degrees

Included in the Russian Science Citation Index (RSCI)

Publishing House "Science"

Director General: Svetlana Sh. Evdokimova

Research Director: Ekaterina L. Ivanova

Executive Editor: Anna A. Goussarenko

Content Manager: Irina M. Gurova

Head Lawyer: Viktor N. Ivanov

Published September 28, 2018

Scientific electronic library: <http://www.elibrary.ru>Online: <http://www.mir-nayka.com>, <http://www.idnayka.ru>

This publication may not be reproduced in any form without permission.

All accidental grammar and/or spelling errors are our own.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief

KOMKOV Nikolai I., Dr. Sci. (Econ.), Prof., Institute of Economic Forecasting (IEF RAS), Scopus ID: 25655112100, komkov_ni@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

Deputy editor-in-chief

BOBRY SHEV Artur D., Dr. Sci. (Econ.), Prof., Central Research and Development Institute of the ship-building industry "Center", Scopus ID: 55345366400, 3646410@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

IVASHCHENKO Nataliya P., Dr. Sci. (Econ.), Prof., Lomonosov Moscow State University, Scopus ID: 35111334600, nivashenko@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

Members of Editorial Board

AKAEV Askar A., Dr. Sci. (Eng.), Prof., Foreign Member of the Russian Academy of Sciences (Kyrgyzstan), Lomonosov Moscow State University, Scopus ID: 57125020600, askarakaev@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

BAIZAKOV Sailau B., Dr. Sci. (Econ.), Prof., Economic Research Institute (Astana, Republic of Kazakhstan), baizakov37@mail.ru (Astana, Republic of Kazakhstan)

BURKALTSEVA Diana D., Dr. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Scopus ID: 57191192862, di_a@mail.ru (Simferopol, Russian Federation)

VESELOVSKII Mikhail Ya., Dr. Sci. (Econ.), Prof., University of Technology, Scopus ID: 56087785600, unitech@unitech-mo.ru (Korolev, Russian Federation)

DIDENKO Nikolai I., Dr. Sci. (Econ.), Prof., Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Scopus ID: 56105001600, didenko.nikolay@mail.ru (Saint-Petersburg, Russian Federation)

IZMAILOVA Marina A., Dr. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Financial University under the Government of the Russian Federation, Scopus ID: 57189310428, m.a.izmailova@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

KOSIŃSKI Eryk, Prof. UAM dr hab., Chair of Public Economic Law, Faculty of Law and Administration of the Adam Mickiewicz University in Poznan, Poznan University of Technology, erykk@amu.edu.pl (Poznan, Poland)

LEONT'EVA Lidiya Sergeevna, Dr. Sci. (Econ.), Prof., Plekhanov Russian University of Economics, Scopus ID: 57202513712, lldom@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

PALATKIN Ivan V., Dr. Sci. (Econ.), K.G. Razumovsky Moscow State University of technologies and management (the First Cossack University) (Penza branch), ivpalatkin@bk.ru (Penza, Russian Federation)

SAFIULLIN Azat R., Dr. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Kazan Federal University, Scopus ID: 55982236800, safiullin.ar@gmail.com, azat.safiullin@tatar.ru (Kazan, Russian Federation)

SEKERIN Vladimir D., Dr. Sci. (Econ.), Prof., V. A. Trapeznikov Institute of Control Sciences of Russian Academy of Sciences, Scopus ID: 56088643300, bcintermarket@yandex.ru (Moscow, Russian Federation)

Executive Secretary

GUROVA Irina M., Cand. Sci. (Econ.), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, i-m-g@yandex.ru (Moscow, Russian Federation)

SCIENTIFIC EDITORIAL COUNCIL

Editor-in-chief

IVANTER Viktor V., Academician, Dr. Sci. (Econ.), Prof., Institute of Economic Forecasting (IEF RAS), Scopus ID: 16425878700, vvivanter@ecfor.ru (Moscow, Russian Federation)

Deputy Editors

PORFIRYEV Boris N., Academician, Dr. Sci. (Econ.), Prof., Institute of Economic Forecasting (IEF RAS), Scopus ID: 6603270384, b_porfiriev@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

ZHUKOV Evgenii A., Dr. Sci. (Econ.), Moscow International Higher Business School MIRBIS, evgenii.zhukov@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

Members of Scientific Editorial Council

GYURDZHAN Ara S., Dr. Sci. (Econ.), Prof., Yerevan State University, ag@president.am (Yerevan, Republic of Armenia)

DMITRIEVSKY Anatoly N., Academician, Dr. Sci. (G.-M.), Prof., Russian Academy of Sciences Oil and Gas Research Institute, Scopus ID: 6603259385, A.Dmitrievsky@ipng.ru (Moscow, Russian Federation)

KARLIK Aleksandr E., Dr. Sci. (Econ.), Prof., St. Petersburg State University of Economics, Scopus ID: 56227550900, karlik1@mail.ru (Saint-Petersburg, Russian Federation)

KNAUPE Hans-Joachim, Prof. Dr., Akademie für Internationale Wirtschaft (Berlin, Germany)

MINDELI Levan E., Correspondent Member of RAS, Dr. Sci. (Econ.), Prof., Institute for the Study of Science of Russian Academy of Sciences, l.mindeli@issras.ru (Moscow, Russian Federation)

MISHIN Yurii V., Dr. Sci. (Econ.), Prof., State University of Management, myv1@rambler.ru (Moscow, Russian Federation)

SENIN Aleksandr S., Dr. Sci. (Econ.), Prof., Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, senin@ranepa.ru (Moscow, Russian Federation)

SMIRNOVA Olga O., Dr. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Russian Foreign Trade Academy Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Scopus ID: 56719162500, 7823091@bk.ru (Moscow, Russian Federation)

Members of Expert Council

ALFEROV Valerii N., Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Financial University under the Government of the Russian Federation, expertavn@bk.ru (Moscow, Russian Federation)

BIGUAA Batal G., Cand. Sci. (Jur.), Assoc. Prof., State Duma (Moscow, Russian Federation)

BURUKINA Ol'ga A., Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Higher School of Economics; Prof. Financial University under the Government of the Russian Federation, obur@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

VYBORNY Anatoly B., State Duma Deputy (Moscow, Russian Federation)

KATUL'SKII Evgenii D., Dr. Sci. (Econ.), Prof., Federal State Institution All-Russian scientific-research institute for labour protection and economics under the Ministry for Public Health and Social Development, sh-darina@yandex.ru (Moscow, Russian Federation)

USMANOVA Tal'iya Kh., Dr. Sci. (Econ.), Russian Academy of Sciences, Institute of Economic Forecasting (IEF RAS), Utx.60@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

SHUBAEVA Veronika G., Dr. Sci. (Econ.), Prof., Dean of Department of Economics and Finance of Saint-Petersburg State University of Economics, shubaeva.v@unecon.ru (Moscow, Russian Federation)

INFORMATION FOR AUTHORS AND READERS OF THE JOURNAL

The journal "MIR (Modernization. Innovation. Research)" = "MIR (Modernizatsija. Innovatsii. Razvitie)" is a Russian scientific publication included in the list of peer-reviewed journals established by the Highest Certification Commission (HCC) of Russian Federation [Vysshaya attestatsionnaya komissiya (VAK) Rossijskoj Federatsii].

All articles of the journal are publicly available – on the websites of the journal and the Scientific Electronic Library (<http://elibrary.ru>). A free reproduction of material of the journal for personal use and a free using of material of the journal for information, research, educational or cultural purposes are permitted in accordance with Art. 1273–1274 of Ch. 70 of Part IV of the Civil Code of the Russian Federation. Other variants of using are only possible after the signing of appropriate agreements with the copyright holders (the management of the journal and the authors of the articles of the journal).

All articles are checked for plagiarism. If plagiarism is identified, the COPE guidelines on plagiarism will be followed.

Decisions on the publication of articles are made on the basis of the "double-blind peer-review". This means that during the process of reviewing, personal data of reviewers and authors shall be withheld. Each article is reviewed by two acknowledged specialists in the subject matter. The criteria of quality of manuscript are originality, significance of the results and its validity, clarity of text. If the author is a supporter of any socio-political movement or adherent of any religion and this fact is reflected in his / her article, it has no effect on the results of reviewing of the article. The Editorial Board informs an author about accept the article for publication. The Editorial Board sends to author comments from reviewers and editors. In accordance with the remarks author should edit the article. In case of rejection, the editorial Board sends the author a reasoned refusal.

Articles are published in the journal after an approval of them by reviewers as without pay and with reimbursement of publishing expenses of journal. The materials of authors invited by the Editorial Board (editor in chief) are published free (at the expense of journal). Manuscripts of postgraduate students are published free too. In other cases a reimbursement of publishing expenses is 10.000 RUB and more (at the expense of author or his/her sponsor).

General Publishing Rules (<http://www.mir-nayka.com>):

To publish a scientific article, the author(s) should submit a manuscript and other needed documents in exact accordance with the following requirements. The Editorial Board reserves the right to reject works that do not conform to the journal's publishing rules.

The authors shall guarantee that the submitted manuscript is the original work and all copyrights on it belong to him / her. The author transfers the rights on using the manuscript the publisher. All authors should disclose in their manuscript any financial or other substantive conflict of interest that might be construed to influence the results or interpretation of their manuscript. All sources of financial support for the project should be disclosed.

The author agrees to the terms of the enclosed Authors Agreement by submission of the article.

The Editorial Board does request authors of manuscripts submit them only after carefully editing. All authors' ideas should be clearly and consistently structured.

The structure of article (<http://www.mir-nayka.com>):

1. A code of UDC and a code of JEL classification system.
2. A full name of author, ORCID, ResearcherID, Scopus ID; academic degrees and titles; a place of work(s) / study with indication of the position(s) / course and specialization(s); an address and a telephone of organization.
3. A heading of the article.
4. An abstract (not less than 250 words): it should be correctly structured and include the following sections:
 - 1) Purpose;
 - 2) Methods of research;
 - 3) Results;
 - 4) Conclusions and Relevance.
5. Keywords (up to 10 words).
6. Acknowledgements.
7. Conflict of Interest.
8. A text of article: it must contain sections with such headings as:
 - 1) Introduction;
 - 2) Literature Review;
 - 3) Materials and Methods;
 - 4) Results;
 - 5) Conclusions and Relevance.
9. A list of references. We recommend using of not less than 25–30 sources in an original research article, and not less than 50–80 in scientific review.
10. Contribution of Authors.

Detailed information about the journal for authors and readers:

see <http://www.mir-nayka.com>.

ISSN 2079-4665 (Print)

ISSN 2411-796X (Online)

СОДЕРЖАНИЕ

МОДЕРНИЗАЦИЯ

Карлик А. Е., Платонов В. В., Яковлева Е. А., Павлова О. С.

Модифицированный навигатор интеллектуального капитала для принятия решений
в информационно-сетевой экономике 338

Лексин В. Н., Порфирьев Б. Н.

Модернизация институционально-правовых оснований развития российской Арктики 351

Стапран Д. А.

Эволюция аутсорсинговых отношений в российской нефтегазовой отрасли 364

ИННОВАЦИИ

Тихонов А. В., Богданов В. С., Мерзляков А. А., Гусейнова К. Э.

Проблемы разработки и реализации стратегических программ научно-технологического развития
в регионах РФ: социально-организационные барьеры 380

Курюкин А. Н.

Экономическое правосознание россиян: внутренние и внешние факторы 416

РАЗВИТИЕ

Измайлова М. А.

Влияние агентских отношений на эффективность корпоративного управления
и стратегическое развитие компаний 430

Борисова И. С.

Варианты развития экономики региона при наличии преобладающего вида хозяйственной деятельности
на примере Липецкой области 443

Алферов В. Н., Коригова М. М.

Развитие концепции субсидиарной ответственности как инструмента повышения эффективности
института банкротства и обеспечения экономической безопасности страны 460

Байтурсунов А. А.

Институциональные основы системы стимулирования малого и среднего предпринимательства
в Республике Казахстан 475

CONTENTS

MODERNIZATION

Karlik A. E., Platonov V. V., Jakovleva E. A., Pavlova O. S. Intellectual capital Augmented Navigator for Decision Making in the Information and Networked Economy	338
Leksin V. N., Porfryev B. N. Modernization of Institutional and Legal Bases for the Development of the Russian Arctic	351
Stapran D. A. Evolution of Outsourcing Relations in the Oil & Gas Industry of Russia	364

INNOVATION

Tikhonov A. V., Bogdanov V. S., Merzlyakov A. A., Guseinova K. E. Development and Implementation Problems of Scientific and Technological Progress Strategic Programs in the Russian Federation Regions: Social and Organizational Barriers	380
Kuriukin A. N. The Economic Legal Awareness of Russians: Internal and External Factors	416

RESEARCH

Izmailova M. A. The Effect of Agency Relationship on the Efficiency of Corporate Management and Strategic Development of Companies	430
Borisova I. S. Variants of Development of the Economy Region in the Presence of the Prevailing Type of Economic Activity on the Example of the Lipetsk Region	443
Alferov V. N., Korigova M. M. Development of the Concept of Subsidiary Liability as a Tool to Increase the Effectiveness of the Institution of Bankruptcy and Ensure the Economic Security of the Country	460
Baitursunov A. A. Institutional Framework of the Incentive System for Small and Mediumsized Enterprises in the Republic of Kazakhstan	475

УДК 338.3
JEL: O34

DOI: 10.18184/2079-4665.2018.9.3.338-350

Модифицированный навигатор интеллектуального капитала для принятия решений в информационно-сетевой экономике

Александр Евсеевич Карлик¹, Владимир Владимирович Платонов²,
Елена Анатольевна Яковлева³, Оксана Сергеевна Павлова⁴

¹⁻⁴ Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия
191023, г. Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 21

E-mail: karlik1@mail.ru¹, vladimir.platonov@gmail.com², helen7199@gmail.com³, pavlovaoksanas@gmail.com⁴

Поступила в редакцию: 28.07.2018; одобрена: 07.09.2018; опубликована онлайн: 28.09.2018

Аннотация

Цель: Исследование, представленное в данной статье, направлено на совершенствование методического инструментария оценки интеллектуального капитала для применения в условиях цифровизации и развития информационно-сетевой экономики.

Методология проведения работы: Статья подготовлена с использованием системного подхода, совокупности общетеоретических методов, структурно-логического моделирования, логической и эмпирической проверки концепций, графических методов представления информации.

Результаты работы: Развита структурно-логическая модель навигатора интеллектуального капитала для учета всей совокупности ресурсов предприятия в условиях информационно-сетевой экономики, включая ресурсы, связанные с сетевым взаимодействием и применением новых производственных и управленческих технологий. Выявлены недостатки и ограничения существующей модели навигатора интеллектуального капитала и предложены решения по их устранению. В структурно-логическую модель введен новый контур, приводящий ее в соответствие с учетом ресурсов предприятия в бухгалтерском балансе. Уточнены содержание, иерархия и взаимосвязь составляющих материальных и нематериальных ресурсов. В модифицированную модель навигатора введена составляющая ноу-хау, дифференцированная на производственные и организационно-управленческие технологии, а также введены категории «бренд» и «бизнес-модель», реализующие принцип эмерджентности системного подхода.

Выводы: Навигатор интеллектуального капитала является перспективным методическим инструментом комплексного учета материальных и нематериальных ресурсов предприятия и презентации информации для обоснования управленческих решений, преодолевающим ограничения традиционной бухгалтерской модели. Эти ограничения стали особенно существенными в условиях становления информационно-сетевой экономики и углубления цифровизации. Вместе с тем, исходная структурно-логическая модель навигатора интеллектуального капитала обладает рядом недостатков, не позволяющих в полной мере использовать ее для обоснования управленческих решений. Модифицированный навигатор приводит оценку интеллектуального капитала в соответствии с принципами бухгалтерского учета, устраняет внутренние противоречия, препятствующие последовательному учету интеллектуальной собственности в исходном навигаторе, а также развивает структурно-логическую модель для более полного учета нематериальных ресурсов, связанных с функционированием информационно-сетевой экономики.

Ключевые слова: интеллектуальный капитал, информационно-сетевая экономика, ноу-хау, оценка бизнеса, нематериальные активы

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований: проект № 18-010-00971

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов, в том числе, связанного с финансовой поддержкой РФФИ (проект № 18-010-00971)

Для цитирования: Карлик А. Е., Платонов В. В., Яковлева Е. А., Павлова О. С. Модифицированный навигатор интеллектуального капитала для принятия решений в информационно-сетевой экономике // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2018. Т. 9. № 3. С. 338–350. DOI: 10.18184/2079-4665.2018.9.3.338-350

© Карлик А. Е., Платонов В. В., Яковлева Е. А., Павлова О. С., 2018

Intellectual Capital Augmented Navigator for Decision Making in the Information and Networked Economy

Aleksander E. Karlik¹, Vladimir V. Platonov²,
Elena A. Jakovleva³, Oksana S. Pavlova⁴

¹ Saint-Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg, Russian Federation
21 Sadovaya str., Saint-Petersburg, 191023

E-mail: karlik1@mail.ru¹, vladimir.platonov@gmail.com², helen7199@gmail.com³, pavlovaoksan@gmail.com⁴

Submitted 28.07.2018; revised 07.09.2018; published online 28.09.2018

Abstract

Purpose: the study presented in this article is aimed at improving the methodological tools for assessing intellectual capital, taking into account changes caused by the emerging of the information and network economy and deepening of digitalization.

Methods: the article is prepared using a system thinking, a set of general theoretical and economic methods, structural-logical modeling and graphical methods for presentation of information.

Results: a structural and logical model of the navigator of intellectual capital is developed to take into account the complete set of resources of the enterprise operating in the information and network economy, including resources related to network interaction and the application of new production and management technologies. The shortcomings of the limitation of the existing model of the intellectual capital navigator have been identified and the approaches for their elimination have been substantiated. A new design of the structural and logical model has been developed to match the intellectual capital navigator with the accounting model of the corporate balance sheet. The content, hierarchy and interrelationships of the tangible and intangible resources are refined. The augmented model of the intellectual capital navigator incorporates know-how concept consisting of the production and organizational-management know-how, as well as it includes the concepts of "brand" and "business model" in accordance with the principle of emergence of a system thinking to meet the challenge of complexity.

Conclusions and Relevance: the intellectual capital navigator is a promising methodological tool for the comprehensive accounting of the corporate tangible and intangible resources and presenting of information for management decision-making in order to overcome the limitations of the traditional accounting model. These limitations became especially significant with the emerging of the information and network economy and the deepening of digitalization. At the same time, the initial structural and logical model of the intellectual capital navigator has some shortcomings that do not allow to apply in full extent to decision-making. The modified intellectual capital navigator eliminates the most significant shortcomings associated with the non-conformity of the model to accounting principles, its internal contradictions that hamper the consistent accounting of the parts of intellectual property, and develops a structural and logical model for better accounting of intangible resources associated with the interaction of entities in the information and network economy.

Keywords: intellectual capital, information-network economy, know-how, business valuation, intangible assets

Acknowledgments. The article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research: Project No.18-010-00971

Conflict of Interest. The authors declares that there is no Conflict of Interest, including those related to the financial support of the Russian Foundation for Basic Research: Project No.18-010-00971

For citation: Karlik A. E., Platonov V. V., Jakovleva E. A., Pavlova O. S. Intellectual Capital Augmented Navigator for Decision Making in the Information and Networked Economy. *MIR (Modernizatsiia. Innovatsii. Razvitie) = MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2018; 9(3):338–350. DOI: 10.18184/2079–4665.2018.9.3.338–350

Введение

Экономика современного предприятия более сложная, чем предприятия середины прошлого века, когда утвердилась парадигма анализа эффективности и результативности деятельности на основе финансового анализа. Эта парадигма была основана на соотнесении результата, выраженного в денежной форме, со стоимостной оценкой ресурсов, потребовавшихся для получения этого результата. Она подразумевала оценку задействованных ресурсов (активов баланса и их зеркального отражения – источников средств) и оценку безвозвратных затрат ресурсов – расхо-

дов. Формирование такой парадигмы началось еще в XIV веке, а с появлением в первой половине XX века важнейших инструментов и показателей, реализующих данную парадигму, ученые и практики получили, казалось бы, совершенную методологию, позволяющую анализировать эффективность деятельности предприятия. В качестве примеров можно привести детерминированный факторный анализ и коэффициенты рентабельности. Более того, при задействовании целевых и плановых показателей традиционный финансовый анализ мог достаточно успешно применяться для определения результативности.

В чем же состояло усложнение экономики предприятия в последней четверти XX века, сделавшее традиционную парадигму устаревшей? Возросло значение нематериальных факторов, таких как бренд, системы управления и организации, корпоративная культура, уникальные компетенции и навыки персонала. Учесть их через объем и расход задействованных ресурсов в большинстве случаев оказалось проблематично. Кроме того, возрос вес уникального производственного ноу-хау, сформировавшегося внутри предприятия, в финансовом эффекте относительно задействованных машин и оборудования. Иными словами, при механизированном и автоматизированном конвейерном производстве, господствовавшем на предыдущем технологическом укладе, финансовая отдача, в основном, определялась техническим уровнем и объемом используемых машин и оборудования. Для их оценки существует стоимость приобретения a , для более точного анализа, восстановительная стоимость. В информационно-сетевой экономике, при кастомизации – производстве продукции под потребности конкретных заказчиков, с использованием гибких производственных технологий, финансовый эффект, в значительной степени, определяется знаниями, навыками и умениями разрабатывать продукт для отдельного клиента и производить заказ с использованием имеющегося оборудования. Эти знания, навыки и умения составляют ноу-хау – секреты производства, позволяя производить «то, что надо и как надо», максимизируя результат, минимизируя затраты и, тем самым, обеспечивая финансовый эффект. Однако, оценить ноу-хау в стоимостной форме крайне сложно, как и показать на балансе то, что держится в секрете. Поэтому, потребовался подход к учету возросшей сложности объекта анализа и управления, а более конкретно, такого проявления сложности хозяйственного объекта, как гетерогенность – разнородность ресурсов.

Ответом на такую потребность стало появление к концу XX века ресурсно-ориентированного подхода и школы интеллектуального капитала. Теоретически ресурсно-ориентированный подход обладал большим потенциалом для учета нематериальных факторов, но он был более сложным, менее сформировавшимся, с наличием ряда противоречивых и спорных моментов, чем более простая методология школы интеллектуального капитала. В практическом плане, когда речь идет об анализе и управлении сложными хозяйственными системами простота является преимуществом, поскольку одним из важнейших путей справиться со сложностью, комплексностью является абстракция. Этим объясняется популярность сформировавшейся к середине 1990-х годов школы интеллектуального капитала.

Обзор литературы и исследований. Школа интеллектуального капитала возникла именно по запросу практики, когда крупнейшая шведская страховая компания Скандия назначила Лейфа Эдвинссона директором по интеллектуальному капиталу с задачей обосновать стратегические решения, связанные с инвестированием в нечто невидимое в активах бухгалтерского баланса, но являющееся важнейшим фактором эффективности и развития компании. В результате возникла достаточно редкая ситуация. Был сразу сформирован не только методологический подход к учету интеллектуального капитала, но и реализующий его методический, управленческий инструмент – навигатор интеллектуального капитала [1, 2]. Он приобрел популярность во многих странах, на русский язык были переведены работы самого Лейфа Эдвинссона и других крупных представителей данной школы – Горана Рууса, Энни Бругинг, Томаса Стюарта [2–6]. Появились многочисленные публикации российских ученых по данной проблематике, в том числе, посвященные навигатору интеллектуального капитала [7–9].

Почему сейчас понадобилось модифицировать и развить навигатор интеллектуального капитала? Для этого есть две основные причины. Во-первых, это произошло как бы самопроизвольно. В ходе использования на практике навигатора интеллектуального капитала авторами данной статьи, его приходилось видоизменять или дополнять определенными блоками. Сначала это делалось под конкретные задачи, но постепенно стала проявляться более общая модифицированная логическая структура, которую было удобнее брать за основу. Во-вторых, утверждение цифровой экономики и развитие методов стратегического анализа, происходящее буквально у нас на глазах, привело к существенному изменению для данного подхода, по сравнению с 90-ми годами, когда сформировался навигатор интеллектуального капитала. Это существенное изменение следующее. Одна из ключевых посылок в построении структурно-логической модели, которую представлял собой первоначальный навигатор, заключалась в том, что видимая часть ресурсов предприятия измеряется количественно и показывается в денежной форме. Другая часть остается невидимой – ее называли «интеллектуальный капитал», который приходится учитывать на основе лишь качественной информации. В рамках информационно-сетевой и цифровой экономики ситуация принципиально меняется, так как при сетевом взаимодействии экономических субъектов и цифровизации бизнес-процессов постоянно генерируются количественные данные. Они представляют собой огромные массивы неструктурированных или слабоструктурированных данных, получивших название «большие данные»

(при написании на русском путем транслитерации – «биг дата»). Из таких данных может извлекаться количественная информация о нематериальных факторах, относящихся к интеллектуальному капиталу. Предлагаемая структурно-логическая модель модифицированного навигатора интеллектуального капитала разработана для того, чтобы учесть указанные изменения и быть актуальной в современных условиях.

Материалы и методы. Эмпирической базой для построения навигатора являются материалы программ инновационного развития, количественная и качественная информация официальной отчетности российских компаний, а также первичные источники цифровых данных, связанные с функционированием хозяйственных субъектов в информационно-сетевой экономике.

В качестве методического инструмента для обработки данных и получения научно обоснованных результатов выбрано построение *навигатора* – структурно-логической модели, выполняющей роль концептуального фильтра для извлечения информации об уникальных нематериальных ресурсах предприятий в информационно-сетевой экономике.

Результаты исследования

Представленный в данной статье методический подход развит, прежде всего, на основе теоретических положений, сформулированных в научных трудах представителей «школы интеллектуального капитала»¹, а также ученых, разработавших методологию ресурсно-ориентированного подхода в применении к условиям информационно-сетевой экономики.

Информационно-сетевая экономика тесно переплетается с цифровой экономикой. Последнее понятие ввел в середине 1990-х годов Н. Негропonte, согласно которому «цифровая экономика» – экономика, производящая цифровые продукты, не имеющие веса, потребности в сырье, но которые мгновенно перемещаются в любую точку мира [10]. Согласно Негропonte, в связи с этими свойствами, цифровые продукты более совершенны, чем реальные вещи. Мы считаем такую постановку вопроса неверной²: о подобном превосходстве можно ставить вопрос, когда речь

идет о товарах-заменителях (например, книга на печатном носителе и электронная книга, аналоговая и цифровая аудиозапись). В отношении остальных товаров такая постановка вопроса принципиально ошибочна. В качестве примеров можно привести продовольствие и пассивную часть основных средств. Когда мы не рассматриваем товары-заменители, рост благосостояния под влиянием цифровой экономики происходит тогда, когда цифровые продукты обеспечивают рост производительности материальных факторов производства или полезности потребительских товаров. В качестве примеров можно привести станки с ЧПУ и цифровое телевидение. Поэтому цифровую экономику следует рассматривать в качестве элемента общей экономической системы, во взаимосвязи с материальными и нематериальными факторами производства. Этому пониманию соответствует определение цифровой экономики в Программе «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации – как экономики, в которой «данные в цифровой форме являются ключевым фактором производства во всех сферах социально-экономической деятельности, что повышает конкурентоспособность страны, качество жизни граждан, обеспечивает экономический рост и национальный суверенитет»³. Навигатор интеллектуального капитала – один из управленческих инструментов для решения задачи такого системного рассмотрения на уровне предприятия.

Тесно взаимосвязанным, но отличным от цифровой экономики, является понятие «информационно-сетевая экономика». Понятие информационного общества и сетевой экономики ввел М. Кастельс [11] примерно в то же время, когда Н. Негропonte ввел понятие «цифровая экономика». *Информационно-сетевая экономика* означает создание продуктов и услуг в рамках кооперационных сетей и цепочек ценности на основе применения информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ). Такая экономика возникла из-за революции в ИКТ, позволившей размещать факторы производства вне границ фирмы в глобальном и локальном масштабе, с минимальными транзакционными издержками комбинировать материальные и интеллектуальные ресурсы разных хозяйственных субъектов. Сетевая экономика существовала со времен примитивных обществ и, возможно, даже

¹ См. подробнее: *Платонов В.В.* Финансовые аспекты оценки интеллектуального капитала // *Финансы и бизнес.* 2006. № 1. С. 98–111

² *Карлик А.Е., Кречко С.А., Платонов В.В.* Промышленная кооперация стран-членов ЕАЭС в перспективе цифровой экономики // *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие).* 2017. Т. 8. № 3 (31). С. 384–395

³ Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утверждена Распоряжением Правительства РФ № 1632-р от 28.07.2017

предшествовала рыночному обмену, но начать возвращать себе позиции как доминирующая форма организации она смогла только с повсеместным внедрением ИКТ, в подавляющем количестве случаев, основанных на цифровых технологиях. Резюмируя вышесказанное, цифровая экономика может не быть сетевой – например, компьютер с ЧПУ, не подключенный в межфирменную систему. Межфирменное сетевое взаимодействие может не основываться на цифровых технологиях, как имеет место в традиционных территориальных кластерах. Однако наиболее часто цифровая и информационно-сетевая экономика представляют собой единый феномен, обеспечивающий синергический эффект. Этим обстоятельством, а не только модой, следует объяснить внесение цифровой экономики в приоритеты национального развития в большинстве ведущих стран, в том числе в России⁴. Для понимания значения интеллектуального капитала в цифровой экономике принципиально важно то, что при цифровизации информация превращается в ключевой ресурс, как в нематериальном производстве, так и в реальном секторе экономики. Цифровая экономика, по своей природе, генерирует принципиально больший объем данных – например, данные о функционировании около 200 систем пригородной электрички в режиме реального времени поступают в головной офис разработавшей ее компании из любой точки пространства. Цифровизация создает принципиально новые возможности для анализа факторов производства и для обоснования управленческих решений, превращая информацию в ключевой ресурс, но, одновременно, создает проблему *информационной перегрузки*. Источником проблемы является то, что для извлечения информации необходимо обрабатывать все большие массивы данных, а узким местом оказывается человек, его когнитивные особенности. Технически задачу роста объемов информации призваны решать удваивающиеся каждые полтора года по закону Мура-Хауса мощности по обработке информации, но в сложной системе при ликвидации одного узкого места всегда возникает другое, в данном случае, когнитивные способности человека. Они не могут расти по экспоненциальному закону. *Прикладные инструменты на основе структурно-логических моделей* призваны помогать человеку, поддерживая процесс принятия управленческих решений в условиях информационной перегрузки и неопределенности, свойственной сложным и постоянно усложняющимся хозяйственным объектам.

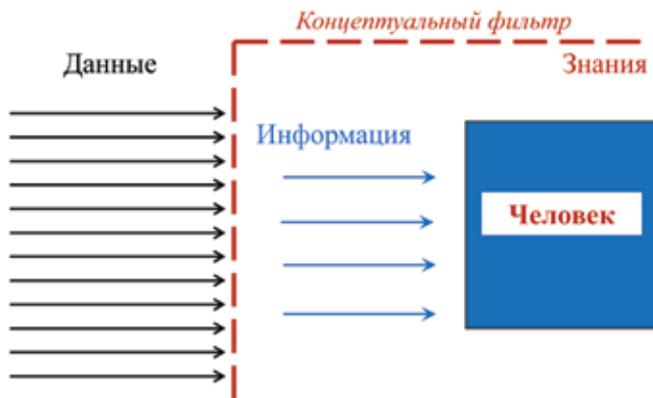
В научной литературе разделяются три ключевых понятия: «данные», «информация», «знания», также существует иерархия «данные – информация – знания – мудрость» [12]. Согласно одному из пионеров в области системного мышления, Расселю Акоффу [13], эти понятия имеют следующее содержание:

- 1) *данные* – символы, которые представляют собой свойства объектов, событий и среды вокруг них;
- 2) *информация* извлекается из данных и представляет собой описания, отвечая на вопросы, начинающиеся с таких слов, как: кто, что, как много. Информационные системы создают, хранят, извлекают и обрабатывают данные;
- 3) *знания* являются ноу-хау, позволяющим трансформировать информацию в инструкции. Знания получают либо на основе таких инструкций, либо из опыта.

Назначение *структурно-логической модели* как инструмента менеджмента заключается в сохранении знаний в форме подобных инструкций. Структурно-логические модели особенно актуальны при анализе сложных хозяйственных систем, которые являются основным объектом стратегического менеджмента. *Навигатор* является частным случаем структурно-логической модели, в которой знание представлено в форме концептуального фильтра, описывающего ключевые концепции и взаимосвязи между ними, для последующего извлечения информации путем сортировки данных в соответствии с предложенной классификацией. Данное определение мы разработали, используя идею одного из наиболее интересных мыслителей в области стратегического менеджмента на рубеже XX и XXI веков – Макса Буассо [14]. Согласно ему, иерархию «данные – информация – знания» можно представить следующей схемой (рис. 1). Знания формируют концептуальный фильтр, позволяющий отсортировать только те данные, которые *знает* субъект анализа – человек. Информация представляет собой данные, проходящие через такой концептуальный фильтр. Знания – это ранее накопленная человеком информация, составляющая концептуальный фильтр.

Одно из решений проблемы анализа сложных систем в условиях информационной перегрузки и неопределенности – построение структурно-логической модели навигатора. Это – *эвристический инструмент*, помогающий извлекать информацию

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»

Составлено авторами на основе [14]

Рис. 1. Иерархия данных, информации и знания

Compiled by the authors on the basis of [14]

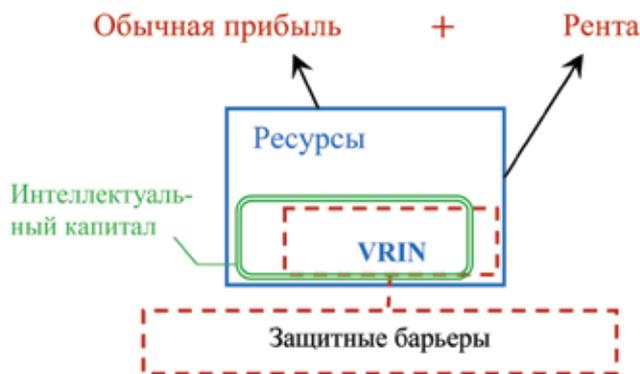
Fig. 1. Hierarchy of data, information and knowledge

из данных путем выделения важнейших факторов и визуализации предположений о взаимосвязях между ними. Его функциональная роль – уменьшить когнитивные усилия человека в условиях неопределенности [15] и информационной перегрузки, характерной для анализа сложных систем. Преимущество навигатора заключается в том,

что он представляет собой относительно простой логический фильтр для извлечения информации о сложных системах и, тем самым, борется с информационной перегрузкой в процессе принятия стратегических решений. Отметим, что обратной стороной такого преимущества является обстоятельство, что при применении навигатора интеллектуального капитала за бортом анализа остаются те ключевые внутрифирменные факторы, которые нельзя непосредственно свести к ресурсам. Это применение оправдано, когда допустимо такое абстрагирование, иначе требуются более сложные подходы и инструменты. Как указывает Горан Руус [16], измерение интеллектуального капитала требует выхода за рамки простых и знакомых количественных методов измерения и индикаторов, таких как измерение массы или расстояния, так как измерение сложных вещей (сложных систем) требует описания в форме системы атрибутов. Навигаторы – проверенный инструмент для оценки результативности (не эффективности!), с которой предприятие размещает свои ресурсы. Это позволяет обосновать и оптимизировать управленческие решения путем анализа и интерпретации количественной и качественной информации, предоставляя инструмент, выходящий за ставшие узкими рамки финансового анализа и позволяющий приложить к решению практических проблем положения теории интеллектуального капитала, ресурсно-ориентированного подхода, системного подхода и матричной алгебры [17].

Схема, представленная на рис. 2, показывает, как соотносятся теория интеллектуального капитала и ресурсно-ориентированный подход.

Одной из исходных концепций ресурсно-ориентированного подхода является концепция VRIN⁵. В первоначальной формулировке ее разработчик Джей Барни [19] отталкивается от модели SWOT-анализа, постулируя, что для производства ренты ресурс (левая сторона матрицы SWOT-анализа) должен: а) быть ценным, то есть использовать возможности и нейтрализовать опасности (правая сторона матрицы SWOT-анализа); б) быть редким;

Разработано авторами на основе: Платонов В.В., Дюков И.И., Утилин Д.Б., Максимов Д.Н. Навигатор инновационного развития компаний нефтегазовой отрасли // Нефтяное хозяйство. 2017. № 10. С. 59–63

Рис. 2. Подход к интерпретации ренты в теории интеллектуального капитала и ресурсно-ориентированном подходе в рамках VRIN

Developed by the authors on the basis: Platonov V.V., Dyukov I.I., Utilin D.B., Maksimov D.N. Navigator of innovative development of oil and gas companies. Oil industry. 2017; (10):59–63 (in Russ.)

Fig. 2. Approach to the interpretation of rent in the theory of intellectual capital and resource-oriented approach within the framework of VRIN

⁵ Примечание авторов: аббревиатура VRIN расшифровывается как Valuable (ценный), Rare (редкий), Imperfectly imitable (неидеально воспроизводимый), Non-sustainable (незаменимый)

в) представлять сложности для имитации; д) не иметь заменителей. Эта концепция соответствует пониманию фирмы основателем ресурсно-ориентированного подхода Эдит Пенроуз [18] как «связки ресурсов». Концепция интеллектуального капитала как источника ренты и стабильного конкурентного преимущества во многом тождественна VRIN (см. рис. 2), так как составляющие интеллектуального капитала, в целом, соответствуют атрибутам VRIN. В то же время, в отдельных случаях эти концепции могут не совпадать. Концепция интеллектуального капитала оказывается шире, чем VRIN, в двух случаях. Первый относится к объектам интеллектуальной собственности, для которых существует достаточно эффективный рынок (например, лицензии), второй – к человеческому капиталу. Человеческий капитал представляет собой уязвимую часть интеллектуального капитала фирмы, так как его носителем являются работники, и фирма лишается его с их уходом. Это случаи, когда составляющие интеллектуального капитала могут не соответствовать атрибутам VRIN. Обратная ситуация возникает тогда, когда ресурсы VRIN не относятся к интеллектуальному капиталу, будучи по букве или по сути материальными. Характерные примеры – права на пользование недрами для добывающих компаний и земля на первой линии морского курорта в собственности отелей. Однако в большинстве случаев концепции VRIN и «интеллектуальный капитал» совпадают. В этих случаях навигатор интеллектуального капитала является действенным инструментом стратегического анализа ресурсов, определяющих возникновение ренты, а значит, позволяет выявить источники повешенной эффективности и результативности.

Вместе с тем, навигатор интеллектуального капитала мало информативен для учета организационных способностей в системе внутрифирменных факторов, которые требует VRIO – более сложная концепция ресурсно-ориентированного подхода⁶ [20]. В этом случае применяются другие инструменты, такие как аналитическая структура ресурсно-ориентированного подхода. Но преимущество навигатора над ними – в относительной простоте и наглядности, что определяет его нишу в анализе сложных хозяйственных систем и целесообразность развития и модификации данного инструмента.

Как концептуальный фильтр навигатор интеллектуального капитала представляет собой методический инструмент, воплощающий накопленные научные знания об интеллектуальном капитале и

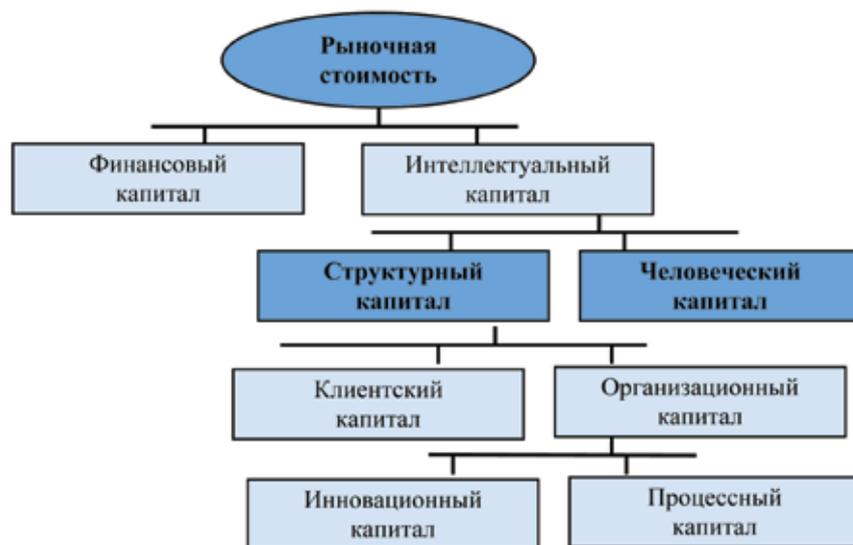
позволяющий сортировать и классифицировать данные, делая их *информативными* для принятия управленческих решений. Буквально, структурно-логическая модель такого типа позволяет осуществлять *навигацию* в океане обширных и разнородных данных, генерируемых цифровой экономикой.

На схеме (рис. 3.) представлена структурно-логическая модель навигатора интеллектуального капитала, принятая в качестве отправного пункта в настоящем исследовании. Название фактора «финансовый капитал» применительно к навигатору интеллектуального капитала может ввести в заблуждение. На самом деле, создатели навигатора используют термин «финансовый» для обозначения той части ресурсов предприятия, которая выражается в стоимостных показателях [1, 2]. В рамках их подхода, это – ресурсы (активы), учитываемые на балансе предприятия. По такой логике, интеллектуальный капитал – это ресурсы, которые не учитываются на балансе. Этому соответствует логика английского языка, где используется термин «неосозаемые активы». В русском языке эта логика неочевидна, так как в нем используется более удачный термин «нематериальные активы». Человеческий капитал относится к той части интеллектуального капитала, который неотчуждаем от его носителей, иными словами, это тот капитал, который покидает компанию, когда уходит работник [1]. Остающаяся (неотчуждаемая) часть названа «структурный капитал», который состоит из таких факторов, как клиентский (включая бренд) и организационный капитал. Факторы организационного капитала имеют следующее содержание. Процессный капитал составляют методы и процессы, необходимые для производства и реализации товаров и услуг. Инновационный капитал составляют технологические (продуктовые и процессные) инновации, организационно-управленческие и маркетинговые инновации.

Предложенный в данной статье модифицированный навигатор интеллектуального капитала, устраняет ряд недостатков, проявившихся при использовании традиционного навигатора, и модифицированный для учета особенностей анализа количественной и качественной информации предприятий в информационно-сетевой экономике.

Цель разработки модифицированного навигатора интеллектуального капитала состоит в том, чтобы сохранить удачные методические решения разработчиков исходного навигатора, но при этом:

⁶ *Примечание авторов:* аббревиатура VRIO расшифровывается как Value (ценность), Rarity (редкость), Imitability (воспроизводимость), Organization (организация) и, по сравнению с VRIN, дополнительно включает анализ организационных способностей

Источник: [1]

Рис. 3. Навигатор интеллектуального капитала

Source: [1]

Fig. 3. Intellectual capital navigator

два важных положения, на которых построен модифицированный навигатор. Первое положение: расширенное воспроизводство интеллектуального капитала приводит к увеличению собственного капитала, в части добавленного капитала (невидимого собственного капитала). Термин «невидимый» заимствован у Карла-Эрика Свейби и означает, что активы, которым в пассивах соответствует невидимый собственный капитал, не показаны в обычном бухгалтерском балансе. Тем самым соблюдается основное равенство баланса: активы всегда равны пассивам. Второе положение: интеллектуальная собственность, в

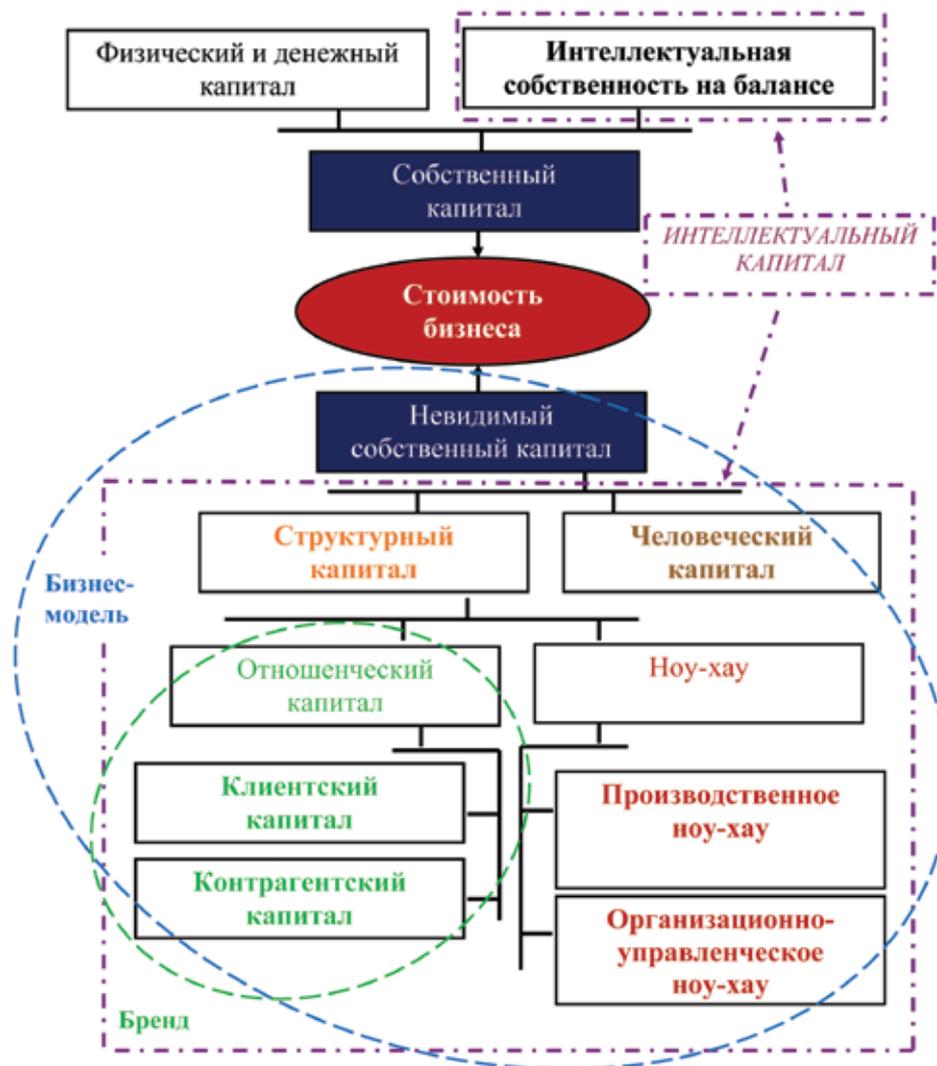
- привести навигатор в соответствие с принципами бухучета и международными стандартами финансового учета (МСФО), а также российского и международного законодательства об охране интеллектуальной собственности;
- устранить ряд внутренних противоречий исходного навигатора, уточнив структурно-логическую модель;
- включить новые факторы, существенные для анализа интеллектуального капитала в информационно-сетевой экономике, расширив структурно-логическую модель.

Общепринятым принципам бухгалтерского учета и определению активов в МСФО противоречит отнесение интеллектуального капитала к пассивам в исходной модели навигатора [1]. Согласно МСФО, актив – это то, что контролируется предприятием в результате прошлых событий и от чего предприятие ожидает получить будущие экономические выгоды⁶. Таким образом, интеллектуальный капитал, по своему экономическому смыслу, – актив, а не пассив. Поэтому в модифицированном навигаторе (см. рис. 4) интеллектуальный капитал рассматривается как актив. Это обуславливает

часть промышленной собственности, защищенной патентами, фирменных наименований и товарных знаков, должна входить в видимый капитал, так как это происходит на практике, когда она учитывается на балансе, что соответствует МСФО, реальной практике и трактовке интеллектуальной собственности в законодательстве⁷. Другой вид интеллектуальной собственности, согласно законодательству, составляет ноу-хау, которое сохраняется в коммерческой тайне. Поэтому в модифицированном навигаторе ноу-хау включено в состав интеллектуального капитала, невидимого в бухгалтерском балансе. Таким образом, «ноу-хау» в модифицированном навигаторе заменяет не вполне удачную категорию – «организационный капитал», а также ее составляющие «процесный капитал» и «инновационный капитал». Организационный капитал не вполне уместен из-за возникающей тавтологии со структурным капиталом и, что не менее существенно, терминологической путаницы, так как термины «процесс» и «инновация» относятся к разным уровням иерархии. Процессы могут быть инновациями, а инновации – процессами. Кроме того, ноу-хау может включать не только информацию о процессах, но также любые

⁶ Международный стандарт финансовой отчетности (IAS) 38 «Нематериальные активы» (введен в действие на территории Российской Федерации Приказом Минфина России № 160н от 25.11.2011) (ред. от 21.01.2015)

⁷ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 4. Одобрен Советом Федерации 8 декабря 2006 года, ст. 1225-1551

Составлено авторами на основе [1]

Рис. 4. Модифицированный навигатор интеллектуального капитала

Compiled by the authors on the basis of [1]

Fig. 4. Modified navigator of intellectual capital

разработки, которые держатся предприятиями в секрете. Категории исходного навигатора «процессный» и «инновационный капитал» неудачны по другим двум соображениям. Во-первых, одну из их важнейших частей составляют разработки, защищенные патентами, а значит, их следовало отнести, по определению авторов исходного навигатора, к «финансовому капиталу», измеряемому в денежной форме и показываемому на балансе. Во-вторых, весь интеллектуальный капитал является, по своей сути, «инновационным». Категория «финансовый капитал» исходного навигатора также исключена из модифицированного навигатора. В предыдущем разделе показано, что для разработчиков навигатора «финансовый капитал» озна-

чал ту часть капитала предприятия, которую можно было выразить в стоимостной форме и учесть на балансе. В исходной структурно-логической модели финансовый капитал оказывался противопоставленным интеллектуальному капиталу. Это снова приводит к противоречию с принципами бухгалтерии и законодательством об интеллектуальной собственности.

В условиях информационно-сетевой экономики многие составляющие невидимого собственного капитала могут быть оценены количественно и выражены в денежной форме. Более того, это – задача науки по развитию методов анализа и оценки деятельности предприятий. Новые возможности

для ее решения открывают растущие экспоненциально массивы слабоструктурированных больших данных. В силу указанных соображений, в модифицированном навигаторе «финансовый капитал» заменяется на физический и денежный капитал, а также интеллектуальную собственность, учитываемые в активах баланса, а в пассивах им соответствует собственный капитал по официальной финансовой отчетности. Физический капитал – все ресурсы предприятия, которые имеют физическую форму и массу [17]. Денежный капитал – все ресурсы в форме денег или их эквивалентов.

В модифицированном навигаторе сохранено ключевое удачное методическое решение Лейфа Эдвинссона – разделить невидимую часть интеллектуального капитала на человеческий и структурный капитал. Человеческий капитал неотчуждаем от его носителей и покидает компанию, когда уходит работник [1, 17]. Структурный капитал – это то, что остается в компании с уходом работника, то есть он укоренен в ее организационной и технологической структуре. Структурный капитал делится на две составляющие – внутреннюю и внешнюю. В исходном навигаторе внешняя составляющая связывалась лишь с клиентами компании, что стало неприемлемым упрощением в информационно-сетевой экономике. В модифицированном навигаторе внешняя составляющая расширена, превратившись в отношенческий капитал [21]. Ее первая составляющая из исходного навигатора – «клиентский капитал», который составляют отношения с клиентами. Вторая составляющая – «контрагентский капитал», отражающий отношения с посредниками, поставщиками, органами государственной власти и управления, партнерами, собственниками. Сюда относятся ресурсы, связанные с развитием кооперационных сетей, контрактного производства, аутсорсинга. Внутренняя составляющая представлена ноу-хау. Сюда относятся как производственное, так и организационно-управленческое ноу-хау (уникальные методы организации и управления). Первый вид ноу-хау является следствием технологических инноваций, второй возникает в результате организационно-управленческих инноваций.

Исходная структурно-логическая модель навигатора рассматривала фирму как сложный механизм, а не как сложную (комплексную) систему. Принцип эмерджентности системного мышления позволяет включить в навигатор две важные составляющие интеллектуального капитала: бренд и появившуюся в середине 2000-х годов новую концепцию – «бизнес-модель». Бренд – комплекс ценностных характеристик и представлений (ассоциаций, эмоций) о предприятии или его продукте/услуге. Он тесно связан с отношенческим капи-

талом, но также с интеллектуальной собственностью, в части торговой марки и фирменного наименования. Однако понятие «бренд» больше, чем эти два элемента. Принцип эмерджентности от (английского emerge – «возникать») означает, что, так как целое не тождественно сумме его частей, при переходе от частей к целому возникает новое качество и добавляются новые свойства. Например, такими свойствами являются лояльность и признание бренда. Здесь напрашивается метафора: бренд также не сводится к отношенческому капиталу, как любовь не сводится к отношениям. В еще большей степени эмерджентной концепцией является бизнес-модель, которая связана со всеми составляющими интеллектуального капитала. Она показывает то, как организация создает, реализует и присваивает новую стоимость (ценность). Как экономический феномен бизнес-модель существует столько, сколько существует бизнес, но как управленческая концепция бизнес-модель была сформулирована с появлением информационно-сетевой экономики, а конкретно, таких ее форм, как электронная коммерция и электронная торговля [22]. Порой было не понятно, как получали прибыль создатели новых предприятий информационно-сетевой экономики – ведь напрямую денег с клиентов они не брали. Бизнес-модель объясняла этот феномен. Данная концепция интеллектуального капитала по иерархии относится к предприятию в целом, охватывая все остальные категории интеллектуального капитала и добавляя к ним новые свойства, а навигатор интеллектуального капитала может применяться как инструмент анализа, разложения на составные элементы бизнес-модели.

Выводы

Методическое решение разделить ресурсы предприятия на учитываемые традиционной отчетностью и невидимые нематериальные ресурсы, представив составляющие интеллектуального капитала в виде структурно-логической модели, обусловило популярность навигатора как инструмента обоснования управленческих решений. Вместе с тем, для непротиворечивого рассмотрения всей совокупности уникальных ресурсов предприятия, навигатор должен согласовываться с общепринятыми принципами бухгалтерского учета. Прежде всего, это касается выполнения основного равенства бухгалтерского баланса и правильного отражения интеллектуальной собственности. Действенное использование навигатора в условиях информационно-сетевой экономики возможно при устранении ряда внутренних противоречий структурно-логической модели, препятствующих последовательному учету составляющих интеллектуальной собственности и включением в на-

вигатор нематериальных ресурсов, связанных с взаимодействием субъектов в информационно-сетевой экономике. Также навигатор не должен противоречить теории и практике инновационного менеджмента. Так, технологические инновации объединяют как процессные, так и продуктовые инновации, а производственные процессы на практике сложно отделить от техники, реализующей данный процесс. Это потребовало введения категории «ноу-хау», которое подразделяется на «производственное ноу-хау» и «организационно-управленческое ноу-хау». Разработанный в 90-е годы навигатор упрощал внешние взаимодействия компании, сводя их к отношениям с клиентами. Чтобы учесть реалии сетевого взаимодействия была введена категория «отношенческий капитал», составляющими которой, наряду с клиентским капиталом, стал контрагентский капитал. Для полного отражения сложной картины экономической действительности информационно-сетевой экономики, были введены эмерджентные концепции «бренд» и «бизнес-модель».

Преимущество навигатора интеллектуального капитала для принятия управленческих решений состоит в его относительной простоте. Несмотря на развитую систему категорий – структурных элементов интеллектуального капитала, модифицированный навигатор остается относительно простым инструментом. Это важно в условиях лавинообразного роста информации и информационной перегрузки лиц, принимающих решения. Обратная сторона такой простоты – недостаточная информативность навигатора, в тех случаях, когда требуется углубленный анализ, например, при рассмотрении хозяйственной динамики. В этих случаях требуются более сложные инструменты, учитывающие, наряду с ресурсами, организационные способности.

Список литературы

1. *Edvinsson L.* Developing intellectual capital at Skandia // Long Range Planning Journal. 1997. 3 (30). pp. 366–373. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0024-6301\(97\)90248-X](https://doi.org/10.1016/S0024-6301(97)90248-X)
2. *Эдвинсон Л., Мелоун М.* Интеллектуальный капитал. Определение истинной стоимости компании // Новая постиндустриальная волна на Западе / под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999. 640 с.
3. *Эдвинссон Л.* Корпоративная долгота. Навигация в экономике, основанной на знаниях: пер. с англ. М.: ИНФРА-М, 2005. 247 с.
4. *Брукинг Э.* Интеллектуальный капитал: ключ к успеху в новом тысячелетии: пер. с англ. под ред. Л.Н. Ковалик. СПб.: Питер, 2001. 288 с.
5. *Руус Й., Пайк С., Фернстрем Л.* Интеллектуальный капитал: практика управления: пер. с англ. под ред. В.К. Дерманова. М.: Высшая школа менеджмента, 2010. 436 с.
6. *Стюарт Т.* Богатство от ума: Деловой бестселлер: пер. с англ. В.А. Ноздриной. Минск: Параллел, 1998. 352 с.
7. *Терегулова К.Р.* Концептуальный подход к модели стоимостно-ориентированного управления нематериальными ресурсами промышленного предприятия // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2012. № 6. С. 120–125. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18336918>
8. *Гилева Т.А.* Обоснование программы развития интеллектуального капитала как инструмента роста стоимости предприятия // Научно-технические ведомости СПбГПУ. 2014. № 2 (192). С. 63–70. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21491363>
9. *Головочанская Е.А., Стрельченя Е.И.* Генезис основных подходов и методов оценки интеллектуальных ресурсов // Вопросы инновационной экономики. 2015. № 4 (5). С. 267–286. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25868003>. DOI: 10.18334/vinec.5.4.34855
10. *Negroponte N.* Bits and Atoms // Wired magazine. 1995. 1. pp. 1–9.
11. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура: пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
12. *Rowley J.* The wisdom hierarchy: representations of the DIKW hierarchy // Journal of Information Science. 2007. 33 (2). pp. 163–180. DOI: <https://doi.org/10.1177/0165551506070706>
13. *Ackoff R.L.* From data to wisdom // Journal of Applied Systems Analysis. 1989. 16 (1). pp. 3–9.
14. *Boisot M.* Knowledge assets: Securing competitive advantage in the information economy. New York: Oxford University Press, 1998. 312 p.
15. *Tversky A., Kahneman D.* Judgment under uncertainty: Heuristics and biases. In *D. Kahneman, P. Slovic, A. Tversky* (Eds.), Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases (pp. 3–20). Cambridge: Cambridge University Press. 1982. DOI: 10.1017/CBO9780511809477.002
16. *Roos G.* The Role of Intellectual Capital in Business Model Innovation: An Empirical Study. In *P. Ordóñez de Pablos, R. Tennyson,*

- & J. Zhao (Eds.), *Intellectual Capital Strategy Management for Knowledge-Based Organizations*. Hershey, PA: IGI Global, 2013. pp. 76–121. DOI:10.4018/978-1-4666-3655-2.ch006
17. Roos G. Intellectual capital navigator as a strategic tool. In: *International business strategy and entrepreneurship: an information technology perspective*. Pablos O. (Ed.) NY: IGI Global, 2013. pp. 1–22. DOI: 10.4018/978-1-4666-4753-4.ch001
18. Penrose E. *The Theory of the Growth of the Firm*. New-York: Oxford University Press, 4 edition, 2009. 304 p. DOI: 10.1093/0198289774.001.0001
19. Barney J. Firm Resources and Sustained Competitive Advantage // *Journal of Management*. 1991. 1 (17). pp. 99–120. DOI: <https://doi.org/10.1177/014920639101700108>
20. Barney J., Hesterly B. *Strategic Management and Competitive Advantage: Concepts*. 2005. Upper Saddle River: Pearson Education, 2006. 368 p.
21. Dyer J.H., Singh H. The Relational View: Cooperative Strategy and Sources of Interorganizational Competitive Advantage // *Academy of Management Review*. 1998. 23 (4). pp. 660–679. DOI: <https://doi.org/10.5465/amr.1998.1255632>
22. Остервальдер А., Пинье И. *Построение бизнес-моделей*. 3-е изд.: пер. с англ. М: Альпина Паблицер. Серия Сколково, 2013. 288 с.

Об авторах:

Карлик Александр Евсеевич, заведующий кафедрой экономики и управления предприятиями и производственными комплексами, факультет управления, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (191023, г. Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 21), доктор экономических наук, профессор, Scopus ID: 56227550900, Researcher ID: O-8253-2015, ORCID: 0000-0003-0636-3307, karlik1@mail.ru

Платонов Владимир Владимирович, факультет управления, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (191023, г. Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 21), доктор экономических наук, профессор, Scopus ID: 57059961000, Researcher ID: O-2968-2015, ORCID: 0000-0003-3416-3644, vladimir.platonov@gmail.com

Яковлева Елена Анатольевна, факультет управления, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (191023, г. Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 21), доктор экономических наук, профессор, Scopus ID: 56225562800, Researcher ID: C-8436-2016, ORCID: 0000-0003-1799-0883, helen7199@gmail.com

Павлова Оксана Сергеевна, факультет управления, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (191023, г. Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 21), кандидат экономических наук, Researcher ID: O-3952-2018, ORCID: 0000-0001-7395-7071, pavlovaoksanas@gmail.com

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

References

- Edvinsson L. Developing intellectual capital at Skandia. *Long Range Planning Journal*. 1997; 3(30):366-373. Available from: doi:[https://doi.org/10.1016/S0024-6301\(97\)90248-X](https://doi.org/10.1016/S0024-6301(97)90248-X) (in Eng.)
- Edvinsson L., Malone M.S. *Intellectual Capital: Realizing Your Company's True Value by Finding Its Hidden Brainpower*. New York, Harper Business, 1997 (in Eng.)
- Edvinsson L. *Corporate Longitude: What you need to know to navigate the knowledge economy*. Published July 15th 2002 by Financial Times Prentice Hall Hardcover, 256 p. (in Eng.)
- Brooking A. *Intellectual capital: Core asset for the third millennium*. London: Thomson Learning Publ., 1996. 224 p. (Russ. ed.: Brooking, A. *Интеллектуальный капитал*. St. Petersburg: Piter Publ., 2001. 288 p.)
- Roos G., Stephen Pike, Lisa Fernstrom. *Managing Intellectual Capital in Practice*. London, Routledge, 2006. 400 p. Available from: doi:<https://doi.org/10.4324/9780080479118> (in Eng.)
- Stuart T. *Wealth from the mind: business bestseller. The wealth of the mind: business bestseller*. D. Mikhailov (Ed.). (V.A. Nozdrina, Trans. from English). Minsk, Paradox, 1998. 352 p. (in Russ.)
- Teregulova K.R. A conceptual approach to the model of cost-oriented management of the intangible resources of an industrial enterprise. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics*. 2012; (6):120–125 (in Russ.)
- Gileva T.A. The justification of an intellectual capital development program as an instrument of the enterprise's cost growth. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics*. 2014; 2(192):63–70 (in Russ.)

9. Golovochanskaya E.A., Strelchenya E.I. Genesis of the basic approaches and intellectual resources assessment methods. *Russian Journal of Innovation Economics*. 2015; 5(4):267–286. Available from: doi:10.18334/vinec.5.4.34855 (in Russ.)
10. Negroponte N. Bits and Atoms. *Wired magazine*. 1995; (1):1–9 (in Eng.)
11. Castells M. The rise of the network society. The information age: Economy, society and culture. Vol. 1. 2nd ed. Malden, MA; Oxford, UK: Wiley-Blackwell Publ., 2009. 656 p. (Russ. ed.: Castells, M. Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura. Moscow: NRU Higher School of Economics Publ., 2000. 608 p.)
12. Rowley J. The wisdom hierarchy: representations of the DIKW hierarchy. *Journal of Information Science*. 2007; 33(2):163–180. Available from: doi:https://doi.org/10.1177/0165551506070706 (in Eng.)
13. Ackoff R.L. From data to wisdom. *Journal of Applied Systems Analysis*. 1989; (16):3–9 (in Eng.)
14. Boisot M. Knowledge assets: Securing competitive advantage in the information economy. New York, Oxford University Press, 1998. 312 p. (in Eng.)
15. Tversky A., & Kahneman D. Judgment under uncertainty: Heuristics and biases. In D. Kahneman, P. Slovic, & A. Tversky (Eds.), *Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases* (pp. 3–20). Cambridge: Cambridge University Press. 1982. Available from: doi:10.1017/CBO9780511809477.002
16. Roos G. Intellectual capital navigator as a strategic tool. In: *International business strategy and entrepreneurship: an information technology perspective*. Pablos O. (Ed.) New York, IGI Global, 2013. p. 1–22. Available from: doi:10.4018/978-1-4666-4753-4.ch001 (in Eng.)
17. Roos G. The Role of Intellectual Capital in Business Model Innovation: An Empirical Study. In P. Ordóñez de Pablos, R. Tennyson, & J. Zhao (Eds.), *Intellectual Capital Strategy Management for Knowledge-Based Organizations*. Hershey, PA: IGI Global. 2013. pp. 76–121. Available from: doi:10.4018/978-1-4666-3655-2.ch006 (in Eng.)
18. Penrose E.T. The Theory of the Growth of the Firm. New-York, Oxford University Press, 4 edition, 2009. 304 p. Available from: doi:10.1093/0198289774.001.0001 (in Eng.)
19. Barney J. Firm Resources and Sustained Competitive Advantage. *Journal of Management*. 1991; 17(1):99–120. Available from: doi:10.1093/0198289774.001.0001 (in Eng.)
20. Barney J., Hesterly B. Strategic Management and Competitive Advantage: Concepts. 2005. Upper Saddle River: Pearson Education, 2006. 368 p. (in Eng.)
21. Dyer J.H., Singh H. The Relational View: Cooperative Strategy and Sources of Interorganizational Competitive Advantage. *Academy of Management Review*. 1998; (24):660–679. Available from: doi:https://doi.org/10.5465/amr.1998.1255632 (in Eng.)
22. Osterwalder A. Business Model Generation: A Handbook for Visionaries, Game Changers, and Challengers. Hoboken: Willey, 2010. 273 p. (in Eng.)

About the authors:

Aleksander E. Karlik, Head of the Department of the Economics and Management of Enterprises and Industrial Complexes, School of Management, Saint-Petersburg State University of Economics (21 Sadovaya str., St. Petersburg, 191023), St. Petersburg, Russian Federation, Doctor of Economic Sciences, Professor, **Scopus ID: 56227550900**, **Researcher ID: O-8253-2015**, **ORCID: 0000-0003-0636-3307**, karlik1@mail.ru

Vladimir V. Platonov, School of Management, Saint-Petersburg State University of Economics (21 Sadovaya str., St. Petersburg, 191023), St. Petersburg, Russian Federation, Doctor of Economic Sciences, Professor, **Scopus ID: 57059961000**, **Researcher ID: O-2968-2015**, **ORCID: 0000-0003-3416-3644**, vladimir.platonov@gmail.com

Elena A. Jakovleva, School of Management, Saint-Petersburg State University of Economics (21 Sadovaya str., St. Petersburg, 191023), St. Petersburg, Russian Federation, Doctor of Economic Sciences, Professor, **Scopus ID: 56225562800**, **Researcher ID: C-8436-2016**, **ORCID: 0000-0003-1799-0883**, helen7199@gmail.com

Oksana S. Pavlova, School of Management, Saint-Petersburg State University of Economics (21 Sadovaya str., St. Petersburg, 191023), St. Petersburg, Russian Federation, Candidate of Economic Sciences, **Researcher ID: O-3952-2018**, **ORCID: 0000-0001-7395-7071**, pavlovaoksanas@gmail.com

All authors have read and approved the final manuscript.

УДК 332.146; 34.07; 338.24.021.8
JEL: D81, N40, O1, O43, R1, R11

DOI: 10.18184/2079-4665.2018.9.3.351-363

Модернизация институционально-правовых оснований развития российской Арктики

Владимир Николаевич Лексин¹, Борис Николаевич Порфирьев²

¹ Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» Российской академии наук, Москва, Россия
117312, г. Москва, проспект 60-летия Октября, д. 9

E-mail: leksinvn@yandex.ru

² Институт народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук, г. Москва, Россия
117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 47

E-mail: b_porfiriev@mail.ru

Поступила в редакцию: 08.08.2018; одобрена: 05.09.2018; опубликована онлайн: 28.09.2018

Аннотация

Цель: Целью исследования является оценка текущих инициатив по формированию принципиально новой опорно-зональной структуры управления развитием Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ) и обоснование авторских рекомендаций в отношении связанных с этим изменений в нормативно-правовом обеспечении такого развития.

Методология проведения работы: Исследование проведено с использованием междисциплинарной методологии, предполагающей интеграцию частных методов изучения экономических, социологических, политологических, экологических, правовых и иных аспектов функционирования пространственных систем.

Результаты работы: Активная модернизация в производственной, инфраструктурной и оборонной сферах, опережающее развитие которых является необходимым условием решения социально-экономических проблем комплексного развития российской Арктики, происходит одновременно с модернизацией институционально-правовых оснований развития АЗРФ. Дан анализ существенных коррективов в ранее принятые решения по вопросам государственного управления и правового обеспечения развития АЗРФ, связанных с принятием Постановления Правительства РФ от 31 августа 2017 г. № 1064 о новой государственной программе развития Арктики. Раскрыты новые подходы к модернизации институтов государственного управления развитием АЗРФ. Обоснованы задачи и перспективы модернизации правовых оснований реализации программы развития отечественной Арктической зоны.

Выводы: Авторами показано, что одной из главных причин медленной реализации оправданно амбициозных намерений руководства страны по комплексному социально-экономическому переосвоению АЗРФ являлась недооценка значимости модернизации институционально-правовых оснований переосвоения АЗРФ. Модернизация институционально-правовых оснований пространственного развития становится важнейшим фактором стабильного функционирования не только государства, регионов и муниципалитетов, но и реализации любых инвестиционных проектов. Представленные в статье данные о новациях в структуре институтов и правовых регуляторов развития российской Арктики подтверждают как беспорно позитивный потенциал модернизации институционально-правовых оснований пространственного развития АЗРФ, так и необходимость экспериментальной проверки принятых решений для того, чтобы этот потенциал был использован в полной мере.

Ключевые слова: Арктика, институционально-правовая модернизация, государственная программа, опорные зоны, государственное управление, нормативно-правовые акты

Благодарность. Статья подготовлена на основе научных исследований, выполненных при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда «Программно-целевое управление комплексным развитием Арктической зоны РФ (проект №14-38-00009)». Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. Авторы признательны Ю.В. Зинченко за техническую помощь в подготовке рукописи к печати

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов, в том числе, связанного с финансовой поддержкой гранта Российского научного фонда «Программно-целевое управление комплексным развитием Арктической зоны РФ (проект №14-38-00009)»

Для цитирования: Лексин В. Н., Порфирьев Б. Н. Модернизация институционально-правовых оснований развития российской Арктики // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2018. Т. 9. № 3. С. 351–363. DOI: 10.18184/2079-4665.2018.9.3.351-363

© Лексин В. Н., Порфирьев Б. Н., 2018

Modernization of Institutional and Legal Bases for the Development of the Russian Arctic

Vladimir N. Leksin¹, Boris N. Porfryev²

¹ Federal Research Center Computer Science and Control of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
9, Prospect 60-letiya Oktyabrya str., Moscow, 117312

E-mail: leksinvn@yandex.ru

² Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
47, Nakhimovsky Av., Moscow, 117418

E-mail: b_porfriev@mail.ru

Submitted 08.08.2018; revised 05.09.2018; published online 28.09.2018

Abstract

Purpose: the purpose of the research is to evaluate proposals on the formation of a fundamentally new support and zonal structure for managing the development of the Russian Arctic and related changes in the regulatory and legal support for this development.

Methods: research is carried out with the use of interdisciplinary methodologies which integrate specific tools of research of economic, sociological, political science, ecological, legal and other issues of spatial systems' functioning.

Results: there is an active modernization in the production, infrastructure and defense spheres on the territory of the Russian Arctic, the accelerated development of which can be considered a prerequisite for solving the social and economic problems of the integrated development of the whole macroregion. At the same time, the gradual modernization of the institutional and legal bases for the development of the Arctic zone of the Russian Federation (AZRF) began. An additional impetus was given to it by the adoption of Decree №1064 of the Government of the Russian Federation of August 31, 2017 on a new state program for the development of the Arctic that made significant adjustments to earlier decisions on public administration and legal support for the development of the Russian Arctic.

Conclusions and Relevance: the authors showed that one of the main reasons for the slow implementation of the justifiably ambitious intentions of the country's leadership on the complex socio-economic re-development of the Russian Arctic was the underestimation of the importance of modernizing the institutional and legal bases for the re-development of the Russian Arctic. The modernization of the institutional and legal bases of spatial development is becoming an important factor in the stable functioning of not only the state, regions and municipalities, but also for the implementation of any investment projects. The data on innovations in the structure of the institutes and legal regulators of the development of the Russian Arctic confirms the undoubtedly positive potential for modernizing the institutional and legal bases for the spatial development of the Russian Arctic and the need for experimental verification of the decisions taken so that that potential could be fully realized.

Keywords: Arctic, institutional and legal modernization, state program, support zones, public administration, regulatory acts

Acknowledgments. The article is prepared on the basis of scientific research carried out with the financial support of the grant of the Russian Scientific Foundation "Program-Target Management of the Integrated Development of the Arctic Zone of the Russian Federation (Project No. 14-38-00009)". St. Petersburg Polytechnic University of Peter the Great. The authors are grateful to Yulia Zinchenko for technical assistance in preparing the manuscript for printing

Conflict of Interes. The authors declares that there is no Conflict of Interest, including those related to the financial support of the Russian Scientific Foundation "Program-Target Management of the Integrated Development of the Arctic Zone of the Russian Federation (Project No. 14-38-00009)"

For citation: Leksin V. N., Porfryev B. N. Modernization of Institutional and Legal Bases for the Development of the Russian Arctic. *MIR (Modernizatsiia. Innovatsii. Razvitie)* = *MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2018; 9(3):351–363. DOI: 10.18184/2079–4665.2018.9.3.351–363

Введение

Около десяти лет (с момента опубликования в 2008 г. первого государственного решения о развитии российской Арктики¹ и до настоящего времени) не прекращается обсуждение причин медленной реализации оправданно амбициозных намерений руководства страны по комплексному социально-экономическому переосвоению этого важнейшего макрорегиона России. Казалось бы, имеются все необходимые условия для такого раз-

вития Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ), и в макрорегионе начались позитивные перемены, ряд которых перечислен ниже.

Началось (пока в небольших масштабах) функционирование Северного морского пути с использованием новых судов ледового класса, реконструируемых и новых (Сабетта) портов и современной логистики. Создана практически заново сеть оборонной инфраструктуры; на шельфе Баренцева, Печорского и Карского морей открыты крупней-

¹ «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу» (утверждены Президентом РФ 18 сентября 2008 г. № Пр-1969)

шие месторождения углеводородов, включая получившие мировую известность Приразломное нефтяное и Штокмановское газоконденсатное месторождения.

В западной части АЗРФ, в Мурманской области, наращивают и модернизируют производство предприятия цветной металлургии и добычи апатитов. Для обслуживания размещенных в этой области сил ядерного сдерживания созданы 4 судоремонтных завода, которые входят в состав АО «Объединенная судостроительная корпорация». Три мурманских порта обеспечивают седьмую часть общероссийских перевозок грузов морским транспортом, а более 200 мурманских морских промысловых судов – седьмую часть общероссийского вылова рыбы. В области создан Центр арктических компетенций, способный обеспечить комплексную непрерывную подготовку высококвалифицированных рабочих кадров по заявкам предприятий, работающих или готовых работать в арктических условиях. В 2015 г. создан Мурманский арктический государственный университет, одной из целей которого стала пространственно-организационная интеграция образовательных учреждений региона.

Восточнее, на полуострове Ямал, организовано и расширяется производство сжиженного природного газа (СПГ), построены и функционируют аэропорт и благоустроенный вахтовый поселок с современной социальной инфраструктурой. Еще восточнее успешно развивается Норильский промышленный район, богатый уникальными комплексными медно-никелевыми рудами с высоким содержанием металлов платиновой группы и кобальта. Действующий на территории Норильского промышленного района Заполярный филиал ПАО «Горно-металлургическая компания "Норильский никель"» довел добычу и первичную переработку до 90% российских объемов никеля, более 40% – меди и 98% – металлов платиновой группы. Для обеспечения переработки возрастающих объемов горной массы и повышения содержания полезных компонентов в выпускаемых концентратах ведется модернизация и создание современного обогатительного комплекса мирового уровня на базе Талнахской обогатительной фабрики.

На арктическом Дальнем востоке, на территории Чукотского автономного округа, в 2011–2015 гг. из россыпных и рудных месторождений добыто

126,6 т золота и 863,7 т серебра, а только в одном 2015 г. – 32 т золота и 156,3 т серебра. В настоящее время разрабатываются 5 месторождений рудного золота – Купол, Валунистое, Каральвеем, Двойное и Майское. Готовятся к освоению золоторудные месторождения Кекура и Клен. В г. Евек началась подготовка к пуску первой в мире плавающей АЭС, изготовленной на предприятиях АЗРФ. В инновационном развитии и в инвестировании соответствующих проектов в равной степени участвуют государственные и частные корпоративные структуры.

Проблема, однако, в том, что перечисленные и многие другие бесспорные достижения не всегда были вписаны в единую стратегию комплексного развития АЗРФ, и часто замыкались в ограниченном пространстве конкретных объектов. Создавалось впечатление того, что системная модернизация АЗРФ, как целостного социально-экономического, инфраструктурного и технологического объекта государственного регулирования, вообще невозможна. Однако примеры комплексного использования потенциала арктических территорий существуют. Так, несколько предприятий АЗРФ одновременно участвуют в логистической цепочке по доставке грузов на полуостров Ямал, где активно развивается порт Сабетта и начато расширение недавно введенного производства СПГ. Щебень из карьеров Мурманской области и железобетонные ростверки, изготавливаемые в г. Мурманске ОАО «Олен Бетон», автомобильным транспортом доставляются на причалы ПАО «Мурманский морской торговый порт», и далее судами ОАО «Мурманское морское пароходство» с ледокольным сопровождением федерального государственного унитарного предприятия «Атомфлот» перевозятся на полуостров Ямал. В то же время, эти примеры единичны и являются, в основном, результатом экономической политики частных компаний.

В ходе исследований этого вопроса² авторами было показано, что одной из главных причин сложившегося положения являлась недооценка значимости модернизации институционально-правовых оснований переосвоения АЗРФ. При этом понятие «модернизация», применительно к институтам и правовым регуляторам пространственного развития, включает реализованные новации в сфере государственного управления, обеспечивающие

² *Leksin V.N., Porfiriev B.N. Scientific and Institutional Capacity for Complex Development of the Russian Arctic Zone in the Medium and Long Term Perspectives // Studies on Russian Economic Development. 2015. Vol. 26. № 6. P. 55–60. DOI: 10.1134/S1075700715060064; Лексин В.Н., Порфирьев Б.Н. Государственное управление развитием Арктической зоны Российской Федерации: задачи, проблемы, решения. М.: Научный консультант, 2016. 194 с.; Лексин В.Н., Порфирьев Б.Н. Социально-экономические приоритеты устойчивого развития арктического макрорегиона России // Экономика региона. 2017. № 4. С. 985–1004. DOI: 10.17059/2017-4-2*

большее соответствие указанных институтов и регуляторов масштабам и сложности предмета этого управления. В настоящее время модернизация институционально-правовых оснований комплексного развития АЗРФ началась, и в этой статье дана оценка ее новейших примеров.

Обзор литературы и исследований. Перечень литературы, представляющей результаты современных научных исследований функционирования пространственных социально-экономических систем разного уровня, огромен. Существенную часть его составляют публикации об институциональных и правовых основаниях состояния и развития указанных систем. В последние 15 лет во всем мире наблюдается повышенный интерес к исследованиям арктической социально-экономической проблематики. Ежегодно выходит несколько тысяч публикаций о самых разных ее аспектах, в том числе об управленческой деятельности и о возможностях государственного регулирования многочисленных и часто противоречивых процессов (например, изменения климата и использования новых арктических ресурсов), протекающих в циркумполярной Арктике и в отдельных ее секторах. Естественно, что арктические исследования широко ведутся и в крупнейшем арктическом государстве – Российской Федерации.

В этом отношении показательны изученные авторами результаты библиографического проекта, выполненного совместно компанией Über Research и Университетом Арктики (UArctic) – международной сетью университетов, колледжей, научно-исследовательских институтов и других организаций, занимающихся вопросами образования и исследований на циркумполярном Севере. В библиографической базе данных РИНЦ, включающей публикации около 6 тыс. русскоязычных журналов, было выявлено 96 тыс. статей по арктической проблематике, 73 тыс. из которых были опубликованы в период с 2006 по 2016 гг.³

Авторы, в свою очередь, совместно с коллегами из Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, Института экономических проблем им. Г.П. Лузина КНЦ РАН, Института экономики УрО РАН, Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, Института экономических исследований ДВО РАН и Федерального исследовательского центра РАН по комплексному изучению Арктики им. академика Н.П. Лаверова, подготовили и издали объемную информационно-аналитическую монографию. В ней, впервые в современной России, систематизированы сведения

об истории становления и основных результатах исследований социально-экономической проблематики российской Арктики в институтах РАН. В том числе, подробные и аннотированные перечни сотен публикаций, докладов, защищенных диссертаций за 1990–2016 гг., а также перспективные темы исследований и оценки потенциала институтов РАН в этой сфере научного знания [1].

Многочисленны статьи по проблематике этой статьи, регулярно публикуемые в журналах «Арктика: экономика и экология», «Арктика и Север», «Арктический вестник», «Арктические ведомости», «Мир коренных народов. Живая Арктика», «Проблемы Арктики и Антарктики», «Регион: экономика и социология», «Российская Арктика», «ЭКО» и ряде других. То же относится и к ряду так называемых «отраслевых журналов», тематически ориентированных на арктическую проблематику, например, к авторитетному изданию «Нефть и газ Сибири». Ссылки на эти издания представлены в наших предыдущих публикациях, включая данный журнал.

Важнейшей частью информационной базы по предмету данной статьи стали указы Президента РФ, федеральные законы и постановления Правительства РФ по арктической проблематике, соответствующие стенограммы и аналитические материалы парламентских слушаний, круглых столов и т.п. мероприятий, проводимых Государственной Думой и Советом Федерации Федерального собрания РФ. Кроме того, нормативно-правовые документы по конкретным проблемам развития арктических территорий и мерам по их решению, а также содержащие обширные аналитические (в том числе ретроспективные) материалы, концепции, программы и стратегии развития большинства административно-территориальных образований и поселений российской Арктики. Наконец, материалы по арктической проблематике различных СМИ федерального, регионального и муниципального уровня.

Институционально-правовые аспекты развития российской Арктики в значительной степени определяются общероссийским состоянием государственного и муниципального управления и связанными с этим разделами конституционного и других отраслей права. В контексте рассматриваемой темы особый интерес представляют фундаментальные труды по конституционно-правовым проблемам территориального устройства России и о территориях в публичном праве [2, 3]. Кроме того, исследования в сфере регионального и муниципального права, в которых раскрыты особенности

³Рабочий отчет UArctic «Публикации научных исследований. Анализ тенденций развития науки на основе российского индекса научного цитирования». URL: https://www.uarctic.org/media/1598055/rincpublications_rus.pdf (дата обращения: 17.03.2018)

региональных и муниципальных правовых отношений⁴, их субъектов, системы правовых норм, источников права и т.п.⁵ [4, 5]. Показательна широта российской периодики по проблемам муниципального права. Интересные и предельно актуализированные материалы по этим вопросам публикуют общероссийские журналы «Муниципальное право», «Местное право», «Конституционное и муниципальное право», «Административное и муниципальное право» (с 1 января 2017 г. – сетевое издание); относительно новый, но уже хорошо зарекомендовавший себя журнал «Муниципальное имущество: экономика, право, управление». За последние 10 лет в них опубликовано около двухсот материалов, имеющих непосредственное отношение к конкретным ситуациям в муниципалитетах (районы, городские и сельские поселения) АЗРФ.

Наличие в российской Арктике нескольких типов территорий с особыми правовыми режимами, устанавливаемыми для стимулирования достижения какой-либо общественно значимой цели (безопасность функционирования объектов особого назначения, стимулирование экономической активности в специально выделенных зонах и др.), обуславливает значительный интерес публикаций по институционально-правовым аспектам таких территорий [6–11]. Обзор более ста публикаций и нормативно-правовых актов по вопросам особых условий морской деятельности в акватории российской Арктики содержится в монографиях коллег из Института экономических проблем им. Г.П. Лузина КНЦ РАН [12, 13].

Самостоятельный блок исследований и публикаций – институционально-правовая проблематика особого статуса коренных малочисленных народов Арктики и связанных с этим особенностей организации их хозяйственной деятельности и природопользования, взаимоотношений с иными хозяйствующими субъектами, специфики организации здравоохранения и образования, сохранения культурного наследия, традиций и языка. По этому направлению имеется обширный массив публикаций⁶, в том числе ряд фундаментальных научных монографий [14–16]. Начиная с 2010 г. целенаправленные исследования особого правового режима российской Арктики ведутся в Инсти-

туте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации под научным руководством академика РАН Т.Я. Хабриевой. Результаты этих исследований и организованных институтом широких научных обсуждений правовой арктической проблематики на всероссийских и международных научных форумах⁷ публикуются во многих статьях и тематических сборниках [17–20].

Материалы и методы. Большой массив исходной информации и специфичность предмета исследования потребовали использования специально разработанных методических подходов, позволивших дополнить традиционно применяемые методы статистического и экономического (в том числе эконометрического) анализа, SWOT-анализа и т.п. Среди таких подходов методологические основы:

- 1) системной идентификации самого предмета исследования Арктического макрорегиона, как целевым образом организованной пространственной системы;
- 2) разработки системы целеполагания при решении задач институциональной и правовой модернизации этого макрорегиона;
- 3) учета системного и частных рисков реализации предложений о различных вариантах институциональной и правовой модернизации;
- 4) оценки результативности и эффективности вышеуказанных предложений как принципиально различных категорий, отражающих степень достижения количественно или качественно зафиксированных ожидаемых результатов этих предложений или сопоставления эффектов и использованных для этого затрат.

К перечисленным выше следует добавить системную диагностику социально-экономических и иных явлений и процессов, протекающих в АЗРФ, как совокупности методических приёмов, позволяющих:

- 1) выявить признаки системности в большинстве социально-экономических и иных процессов и проблем (системообразующее начало, функциональная среда, элементы, связи, структура,

⁴ Региональное право: учебник. В двух частях / отв. ред. Никитина А.В., Ширяев В.Н. Хабаровск: Хабаровская государственная академия экономики и права, 2014. 511 с.

⁵ Шургина Е.С. Муниципальное право. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2014. 576 с.

⁶ Абашидзе А.Х., Ананидзе Ф.Р. Международно-правовые основы защиты прав коренных народов: учебное пособие. М.: Российский университет дружбы народов, 2011. 224 с.

⁷ См. также: Международный форум «Арктика – территория диалога». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54149> (дата обращения: 17.03.2018)

фрактальность и т.п.) и корректно рассмотреть прямые и обратные связи каждого из этих процессов и проблем друг с другом и с их совокупностью на территории АЗРФ;

- 2) осуществить системную идентификацию социально-экономических и иных процессов и проблем;
- 3) произвести качественную и количественную оценку этих процессов и проблем;
- 4) выполнить внутрисистемный и макросистемный анализ сущности, генезиса и последствий нерегулируемого развития рассматриваемых процессов и нерешённости диагностируемых проблем;
- 5) обосновать возможности использования системных регуляторов указанных процессов и проблем в интервале поставленных целей и с учётом фактических ограничений.

Особое место среди использованных методических подходов занимает правовая аналитика – новая научная дисциплина, разработанная одним из ведущих отечественных юристов, профессором В.Б. Исаковым. Методические приемы, детально охарактеризованные в систематическом курсе этой дисциплины⁸, позволяют корректно решать наиболее часто встречающиеся и наиболее сложные вопросы правотворчества: какова необходимость и общественная значимость принятия нового правового акта, имеются ли альтернативы такому действию, как оценить результативность и эффективность принятия (или отмены принятого) нормативного акта и т.п.

Результаты исследования

Новые подходы к модернизации институтов государственного управления развитием АЗРФ

До недавнего времени грандиозные задачи освоения российской Арктики находились в противоречии с неоправданно формальным подходом к государственному управлению решения этих задач. В утвержденных Президентом РФ 18 сентября 2008 г. «Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу» и 8 февраля 2013 г. «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года», а также в постановлении Правительства РФ от 21 апреля 2014 г. «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации"», с той или иной деталь-

ностью указывалось, что необходимо сделать, но практически ничего – как это осуществить в рамках действующей структуры государственного управления. Принятая тогда программа была фактически скомпонована из проектов, разработанных и частично уже ведущихся различными ведомствами и корпорациями. Сбалансированного финансирования этих работ не было, а координация многочисленных участников программы возлагалась на так называемую Арктическую комиссию, традиционно сформированную из первых лиц федеральных министерств и ведомств. Управление реализацией программы на региональном и муниципальном уровне в отсутствие административных и иных ресурсов было более чем формальным.

В связи с этими обстоятельствами, полностью оправданным представляется принятие Постановления Правительства РФ от 31 августа 2017 г. № 1064 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 21 апреля 2014 г. № 366 "Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года"» (далее – Программа). Срок выполнения заданий новой Программы продлен на пять лет (прежняя была ориентирована на завершение в 2020 г., новая – в 2025 г.). Указаны необходимые для реализации Программы огромные объемы федеральных финансовых ресурсов (повод для общего скептического отношения большинства экспертов к выполнимости Программы).

В числе трех задач Программы, наряду с «созданием условий для развития Северного морского пути в качестве национальной транспортной магистрали Российской Федерации в Арктике и развитием системы гидрометеорологического обеспечения мореплавания в его акватории» и с «развитием науки, технологий и повышением эффективности использования ресурсной базы АЗРФ и континентального шельфа Российской Федерации в Арктике», указано «повышение эффективности государственного управления социально-экономическим развитием АЗРФ». Если ранее единственной задачей была координация деятельности органов государственной власти, без указания каких-либо правовых и иных механизмов этой координации, то теперь обозначен ответственный исполнитель Программы в лице Минэкономразвития РФ, и Минпромторг РФ в качестве соисполнителя. Государственными участниками Программы определены: пять федеральных министерств (Минтранс РФ, МЧС России, Минобороны России, Минстрой РФ,

⁸ Исаков В.Б. Правовая аналитика: учеб. пособие / В.Б. Исаков. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. 384 с.

Минприроды РФ), три федеральные службы (Росгидромет, Росприроднадзор, Национальная гвардия), одно федеральное агентство (ФМБА) и одно федеральное государственное бюджетное учреждение (НИЦ «Курчатовский институт»).

Программа включает три подпрограммы:

- 1) формирование опорных зон развития и обеспечение их функционирования,
- 2) развитие Северного морского пути и обеспечение судоходства в Арктике,
- 3) создание оборудования и технологий нефтегазового и промышленного машиностроения для освоения минерально-сырьевых ресурсов Арктики.

В числе важнейших мер на этапе 2018–2020 гг. названы реализация пилотных проектов формирования опорных зон развития, введение в эксплуатацию ледостойкой самодвижущейся платформы «Северный полюс» и создание высокотехнологичной судостроительной верфи в Якутии. На этапе 2021–2025 гг. предусмотрено, в частности, формирование (с учетом опыта пилотных проектов) всех опорных зон развития и создание опережающего научно-технического задела и технологий. Должны появиться специализированные суда государственного экологического морского надзора, приняты новые решения по обращению с затопленными ядерно- и радиационно опасными объектами, должна быть введена в эксплуатацию модернизированная автоматизированная ледово-информационная система «Север»; начато производство конкурентоспособной высокотехнологичной продукции для нужд геологоразведки, добычи и переработки минерального сырья в Арктической зоне.

В то же время, сохраненная из прежней программы главная цель – «повышение уровня социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации», равно как и задача по достижению этой цели, т.е. «повышение качества жизни и защищенности населения на территории Арктической зоны Российской Федерации» – отошли на второй план. Не случайно в паспорте новой Программы ее целевыми индикаторами и показателями названы:

- доля валового регионального продукта, произведенного в АЗРФ в суммарном валовом региональном продукте субъектов РФ;
- доля радиоэлектронного оборудования российского производства, используемого в Арктике, в общем объеме используемого там радиоэлектронного оборудования;
- удельный вес наукоемких инновационных товаров, работ (услуг) организаций в общем объеме

отгруженных товаров и выполненных работ (услуг) по АЗРФ;

- уровень освещенности акваторий арктических морей данными гидрометеорологических наблюдений;
- уровень осведомленности наших граждан о деятельности государства в Арктике;
- доля импортной продукции (технологии и оборудование) в общем объеме продукции (технологии и оборудование), закупленной компаниями для освоения месторождений полезных ископаемых АЗРФ.

Видимо, разработчики Программы и принявшее ее Правительство РФ считают, что реализация трех вышеуказанных подпрограмм и достижение высоких значений перечисленных целевых индикаторов и показателей автоматически решит сложнейший комплекс накопившихся и новых проблем «социально-экономического развития» и «качества жизни» в российской Арктике.

Напомним, что «опорные зоны развития АЗРФ» – еще один тип «точек роста», с помощью которых в России в течение более 20-ти лет пытались решить проблемы функционирования обширных территорий [21–23]. В принципе, «опорные зоны развития АЗРФ», как последний по времени появления тип особых зон, могли бы стать своеобразным агрегатом «лучших практик» отечественной зональной деятельности. Поэтому столь важен анализ правовых оснований и результатов деятельности десятков таких зон (впоследствии упраздненных), созданных в первое пятнадцатилетие реформ.

Принятие новой Программы развития АЗРФ обостряет застарелую проблему согласования действий ее участников, что особенно заметно при анализе институционального обеспечения и ожидаемых результатов выполнения всех трех ее подпрограмм. Так, ответственным исполнителем подпрограмм «Формирование опорных зон развития и обеспечение их функционирования, создание условий для ускоренного социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации» и «Развитие Северного морского пути и обеспечение судоходства в Арктике» должно стать Минэкономразвития РФ, а подпрограммы «Создание оборудования и технологий нефтегазового и промышленного машиностроения, необходимых для освоения минерально-сырьевых ресурсов Арктической зоны Российской Федерации» – Минпромторг РФ. При этом задача «создания условий для повышения качества жизни и защищенности населения на территории АЗРФ» зафиксирована только в паспорте первой из этих подпрограмм, и только в нем предусмотрена фиксация результатов «обеспеченности территорий, на которых создаются и функционируют опорные зоны раз-

вития АЗРФ, инфраструктурой, необходимой для их функционирования», а также «количества подготовленных проектов методических и аналитических документов, используемых для принятия управленческих решений в сфере социально-экономического развития АЗРФ и обеспечения национальной безопасности».

Закрепление некоторых задач комплексного развития АЗРФ только за первой из трех подпрограмм не снимает управленческой проблемы их согласования с содержательно близкими задачами двух других подпрограмм. Так, в паспорте второй подпрограммы «Развитие Северного морского пути и обеспечение судоходства в Арктике» зафиксированы такие задачи развития всей АЗРФ, как, например, «повышение уровня гидрометеорологической безопасности, защищенности жизненно важных объектов и населения от опасных природных явлений, негативных последствий изменения климата в АЗРФ и подготовка прогноза состояния защитных барьеров затопленных ядерно- и радиационно опасных объектов и оценка их воздействия на окружающую среду и население региона в долгосрочной перспективе с учетом планируемой хозяйственной деятельности в Арктике». Аналогично, в третьей подпрограмме «Создание оборудования и технологий нефтегазового и промышленного машиностроения, необходимых для освоения минерально-сырьевых ресурсов АЗРФ» поставлены задачи «обеспечения устойчивого социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации на основе экологосбалансированного и энергоэффективного процесса освоения минерально-сырьевого потенциала Арктики». Кроме того, в перечень ее индикаторов включено особо значимое для социально-экономического развития АЗРФ «увеличение числа рабочих мест в машиностроительной отрасли, снижение оттока научно-технических кадров, повышение спроса на высококвалифицированные научно-технические кадры, более активное привлечение молодых специалистов и ученых».

Задачи и возможности модернизации правовых основ реализации программы развития АЗРФ

Переход в российской Арктике к организации опорно-зональной деятельности ставит перед государственным управлением немало новых задач правового характера. Приступая к их решению, было бы полезно, прежде всего, осмыслить результаты принятия ряда федеральных законов, включая:

- федерального закона от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации», определившего особые режимы функционирования промышленно-производственных, туристско-рекреационных,

технико-внедренческих и портовых особых экономических зон (далее – ОЭЗ);

- федерального закона от 28 сентября 2010 г. № 244-ФЗ «Об инновационном центре «Сколково», где было установлено появление еще одной (в дополнение к уже узаконенной технико-внедренческой ОЭЗ) зоны – «инновационного центра» с эксклюзивными условиями феноменально диверсифицированной деятельности;
- федерального закона от 3 декабря 2011 г. № 392-ФЗ «О зонах территориального развития в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который установил еще один тип ОЭЗ, с особым режимом государственной поддержки резидентам создаваемых зон, с целью развития регионов с неблагоприятной социально-экономической обстановкой (а это – многие территории АЗРФ).

Было бы полезно проанализировать с этих позиций положения и, главное, первые результаты реализации федерального закона от 29 ноября 2014 г. № 377-ФЗ «О развитии Крымского федерального округа и свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя», а также федерального закона от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации», федерального закона от 13 июля 2015 г. № 212-ФЗ «О свободном порте Владивосток» и ряда других законов, уточняющих перечень и институционально-правовые основы формирования на территории страны различных «точек роста». Особенно полезным был бы анализ финансовых аспектов действовавших и ныне существующих зон, форм и методов участия государственных органов и частных юридических лиц в их управлении зонами, возможностей и особенностей использования в зональной деятельности институтов государственно-частного партнерства.

При реализации положений новой Программы развития АЗРФ относительно создания опорных зон ожидаемая концентрация и интенсивная деятельность различных хозяйствующих объектов в их пределах потребуют разработки жестких правовых норм ответственности за состояние окружающей среды, а также институционально-правовых механизмов адаптации к различным проявлениям климатических изменений. Особый правовой режим этих зон должен детализировано регламентировать формы и масштабы иностранного присутствия (в том числе с позиций национальной безопасности), особенности взаимоотношений бизнеса и органов управления зонами с различными органами публичной власти, специфику правоотношений органов управления зонами и

хозяйствующих субъектов с объектами обслуживания Северного морского пути (не входящими в состав зон) и с объектами военного присутствия. Следует учитывать и сложившиеся взаимосвязи разных аспектов функционирования АЗРФ с международными регламентирующими актами, юридически признанными в России в форме совместных договоров, соглашений и т.п., а также с решениями (концепциями, докладами и т.п.) международных организаций, в работе которых Россия принимает то или иное участие. При использовании рассмотренных и многих других предложений о содержании особых режимов стимулирования хозяйственной деятельности в «опорных зонах развития АЗРФ» эти зоны могли бы стать образцом рациональной фрагментации единого правового пространства России⁹.

Переход к опорно-зональным принципам государственного управления в АЗРФ размывает его сложившуюся правовую конструкцию. До сих пор это управление, в соответствии с надлежащими нормативно-правовыми актами, осуществлялось Государственной комиссией по вопросам развития Арктики, Советом по Арктике и Антарктике при Совете Федерации, Комитетом Государственной Думы по региональной политике и проблемам Севера и Дальнего Востока и министерством по развитию Дальнего Востока. Теперь, в связи с тем, что значительная часть АЗРФ (арктические районы Республики Саха (Якутия) и Чукотский автономный округ) находится в юрисдикции Министерства РФ по развитию Дальнего Востока, было выдвинуто предложение об объединении всей западной части АЗРФ, кроме Мурманской области и ряда территорий Архангельской области, в «единую зону высокого развития» с управленческим центром в Санкт-Петербурге. Такая система управления указанным комплексом территорий в правовом отношении беспрецедентна уже потому, что она основывается на подчинении ряда территорий субъектов РФ вице-губернатору Санкт-Петербурга по инновациям и экологической безопасности¹⁰.

В числе задач, которые должны быть решены на первом этапе (2018–2020 гг.) Программы развития АЗРФ – законодательное закрепление статуса этой зоны как особого объекта государственного управления, а также обеспечение своевременного принятия нормативных правовых актов, необходимых для реализации всей Программы. Не-

решенность таких задач до настоящего времени определялась рядом объективных обстоятельств.

Во-первых, был недостаточно определен сам предмет правового регулирования. АЗРФ – пространственно огромный и очень разнообразный в природно-климатическом, экономическом, социальном и иных отношениях макрорегион, расположенный на территориях четырех субъектов РФ (занимающий их полностью) и относительно небольших частях еще четырех субъектов РФ, где функционирует несколько различных типов муниципальных образований (от крупных городских округов до якутских наслегов), действуют крупнейшие корпорации и общины традиционного природопользования. Развитие этой макрорегиональной системы включает развитие всех без исключения сфер жизнедеятельности и экономики, что создает уникальный прецедент особого правового регулирования.

Во-вторых, фактически все стороны общественных отношений и все частные вопросы организации хозяйственной и социальной деятельности в российской Арктике уже регулируются федеральным законодательством, документами Правительства РФ и исполнительных органов власти РФ, законами и другими нормативными актами субрегиональных органов власти. По нашей оценке, в начале 2018 г. на территории АЗРФ действовали более 500 указов Президента РФ и федеральных законов, а также более 100 постановлений и распоряжений Правительства РФ (включая практически все виды документов стратегического планирования), около 1 тыс. законов и нормативных актов, принятых в восьми субъектах РФ, полностью или частично вошедших в состав АЗРФ. К этому следует добавить кратно большее число соответствующих подзаконных актов.

В-третьих, многие аспекты природоохранной, хозяйственной и иной деятельности на территории АЗРФ регулируются с учетом (в ряде случаев – на основе) международного права, узаконенного в России на основе совместных договоров, соглашений и т.п. Многие решения принимаются и по итогам решений международных арктических организаций, в которых Россия участвует непосредственно. В этих условиях принятие новых правовых актов и использование новых регуляторов потребует особых согласований международного уровня, что в настоящее время представляется

⁹ Лексин В.Н., Порфирьев Б.Н. Территориальная фрагментация единого правового пространства России // Федерализм. 2018. № 1. С. 173–190.

¹⁰ Новиков А. Петербург может стать столицей русской Арктики. URL: <https://sziu.ranepa.ru/sobytiya/novosti/peterburg-mozhet-stat-stolicej-russkoj-arktiki> (дата обращения: 15.07.2018); Арктическое подразделение: почему неарктический Петербург решил координировать Север. URL: <http://fedpress.ru/article/1914272> (дата обращения: 15.07.2018)

весьма проблематичным. До сих пор неясно, насколько тотальное «кодифицирование» арктической проблематики впишется в структуру единого правового пространства России. Кроме того, решение проблем АЗРФ, по нашему мнению, может осуществляться только в ходе реализации давно обсуждаемых предложений по пересмотру закрепленных в федеральном законодательстве базовых положений общегосударственной промышленной, энергетической, транспортной, демографической, национальной, бюджетно-налоговой, образовательной, кадровой политики, и в законах, регламентирующих сферы научной деятельности, здравоохранения и охраны окружающей среды.

Новая Программа развития АЗРФ внесла существенные коррективы в решение этого вопроса. Показательно, что уже на первом этапе (2018–2020 гг.) выполнения ее первой подпрограммы одной из задач стало «обеспечение законодательного закрепления статуса АЗРФ как особого объекта государственного управления и принципов социально-экономического развития АЗРФ на основе формирования опорных зон развития, а также обеспечение своевременного принятия нормативных правовых актов, необходимых для реализации мероприятий подпрограммы». В результате разработка и принятие первого «арктического» закона становится необходимостью, а основной заинтересованной в этом стороной – Минэкономразвития РФ, федеральный орган, ответственный за реализацию подпрограммы и заранее получивший соответствующее поручение Правительства РФ (от 13 марта 2017 г. № РД-П16-1410). Судя по всему, федеральный закон о развитии АЗРФ (если будет принят) станет нормативным актом, преимущественно регламентирующим порядок создания и функционирования опорных зон. С учетом вышеприведенных соображений все же следует признать, что разработка и принятие закона «Об опорных зонах развития АЗРФ» способны решить лишь небольшую часть вопросов, приближающих к достижению сложнейшей цели переосвоения российской Арктики. В то же время, практическое нормотворчество в сфере «арктического права» неизменно столкнется с выбором между его национальной кодификацией и разделением конкретных норм между конкретными законами. Характерным примером, по нашему мнению, является до сих пор недостаточно урегулированный правовой статус Северного морского пути, стратегическое значение которого, несмотря на незначительную загруженность в настоящее время, сохранится и в отдаленной перспективе даже в том случае, если эта трасса будет в значительной степени только национальной транспортной артерией.

Выводы

В быстро меняющихся внешних и внутренних условиях, характерных для современного периода, модернизация институционально-правовых оснований пространственного развития становится важнейшим фактором стабильного функционирования не только государства, регионов и муниципалитетов, но и реализации любых инвестиционных проектов. Особую значимость модернизация институционально-правовых оснований пространственного развития приобретает при решении сложнейших задач переосвоения АЗРФ, в отношении которой существует необходимость пересмотра и обновления нормативных актов и документов стратегического характера, принятых всего несколько лет назад и определявших задачи комплексного социально-экономического развития арктической России. Подтверждением этого императива является постановление Правительства РФ от 31 августа 2017 г. № 1064 о внесении принципиальных изменений в принятую в 2014 г. государственную программу «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» с указанием перечня нормативных актов, призванных узаконить эти изменения. Особое значение имеет создание принципиально нового правового сопровождения социального и инфраструктурного развития территорий, предусмотренного майским 2018 г. указом Президента РФ, с учетом специфики различных территорий Арктического макрорегиона страны.

Последнее обстоятельство обуславливает ограниченную эффективность стандартных управленческих решений применительно к проблемам формирования правового и организационно-управленческого сопровождения комплексного развития АЗРФ. Нужны разные варианты, причем, в связи с динамичным характером развития макрорегиона и возможностью нетривиальных решений, процесс и результаты такого формирования никогда не будут окончательными. Столь же естественно появление новых правовых коллизий, разрешение которых может проходить на разных уровнях – от внесения изменений в федеральные кодексы до решения администрации небольшого муниципального образования.

Еще одной трудностью на пути разработки правовых механизмов развития российской Арктики, предписанной всеми основными стратегическими документами государства, является то, что основная часть проблем АЗРФ порождена общероссийской ситуацией. В связи с этим было бы наивно предполагать, что на территории данного макрорегиона могут быть созданы какие-то полностью независимые от этой ситуации идеальные правовые условия для развития человеческого потенци-

ала, бизнеса, институтов гражданского общества и т.д. В то же время, как показано выше, имеются все возможности последовательного решения хотя бы той части правовых задач, которые непосредственно связаны со специфическими условиями российской Арктики. Именно по этому пути движется мировая практика, а в последнее время и законодательство в России. Представленные в статье данные о новациях в структуре институтов и правовых регуляторов развития российской Арктики подтверждают как их бесспорно позитивный потенциал, так и необходимость экспериментальной проверки принятых решений для того, чтобы этот потенциал был использован в полной мере.

Список литературы

1. Социально-экономическая проблематика Российской Арктики в исследованиях институтов Российской академии наук: история, современность, перспективы / под общей ред. акад. РАН *Б.Н. Порфирьева*. М.: Научный консультант, 2018. 802 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=34857478>
2. *Лексин И.В.* Территориальное устройство России: конституционно-правовые проблемы. М.: ЛЕНАНД, 2014. 432 с.
3. *Нарутто С.В., Шугрина Е.С., Исаев И.А., Алебастрова И.А.* Территория в публичном праве. М.: Норма, Инфра-М, 2013. 320 с.
4. *Пронина Л.И.* Совершенствование местного самоуправления: усиление роли субъектов Федерации, финансовая помощь муниципальным образованиям (имущественные отношения) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 29 (266). С. 2–13. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21746254>
5. *Тимченко В.С.* Закон и порядок в местном самоуправлении // Самоуправление. 2014. № 7–8. С. 4–6. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23094114>
6. *Веселкова Е.Е.* Правовые аспекты функционирования особых экономических зон в инфраструктуре инновационной деятельности // Законодательство и экономика. 2012. № 5. С. 46–50.
7. *Вишняков В.Г.* Особые экономические зоны: правовые проблемы и пути развития // Журнал российского права. 2003. № 1 (73). С. 18–28.
8. *Давыдов А.Ю.* Рецензируем книгу: Р.И. Зименков. Свободные экономические зоны // США и Канада. Экономика. Политика. Культура. 2006. № 2 (434). С. 100–103. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9251509>
9. *Княгинин К.Н.* Административно-территориальные единицы с особым статусом // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 5. С. 33–39. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15142740>
10. *Павлов П.В.* Административно-правовое регулирование приграничной торговли // Административное и муниципальное право. 2011. № 4 (40). С. 72–80. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19010611>
11. *Максимова И.И.* Диагностика состояния территорий с особым статусом / отв. ред. *В.М. Плюснин*. Иркутск: Ин-т географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2010. 124 с.
12. Морская стратегия России и приоритеты развития Арктики / под науч. ред. чл.-корр. РАН *Богоявленского В.И.*, д.э.н. *Козьменко С.Ю.*, д.э.н. *Селина В.С.* Апатиты: изд-во Кольского научного центра РАН, 2012. 416 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30083926>
13. Стратегические вызовы и экономические факторы морской политики в российской Арктике. Апатиты: изд. Кольского научного центра РАН, 2011. 199 с.
14. *Кряжков В.А.* Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М.: Норма, 2010. 560 с. URL: <https://www.twirpx.com/file/898873/>
15. *Кряжков В.А.* Правовое регулирование отношений между коренными малочисленными народами Севера и недропользователями в Российской Федерации // Государство и право. 2014. № 7. С. 27–39. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21961224>
16. *Хабриева Т.Я.* Современные проблемы самоопределения этносов: сравнительно-правовое исследование. Монография. М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2010. 288 с. URL: <https://www.twirpx.com/file/1416729/>
17. *Гарипов Р.Ш.* Коренные малочисленные народы в России: гарантии прав и свобод // Журнал российского права. 2012. № 6 (186). С. 67–73. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17715099>
18. Российская Арктика – территория права: альманах. Выпуск III. Сохранение и устойчивое развитие Арктики: Арктика в социально-правовом измерении / *Т.Я. Хабриева, Д.Н. Кобылкин, В.П. Емельянцева* и др.; отв. ред. *В.П. Емельянцева, Е.А. Галиновская*. М.: Салехард: Правительство Ямало-Ненецкого автономного округа; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Прави-

- тельстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2016. 216 с. URL: <http://www.jurisizdat.ru/new/intro/Arctic-III.pdf>
19. Российская Арктика – территория права: альманах. Выпуск IV. Сохранение и устойчивое развитие Арктики. Правовое регулирование пространственного развития арктических территорий Российской Федерации (на примере Ямало-Ненецкого автономного округа) / Т.Я. Хабриева, Д.Н. Кобылкин, Л.В. Андриченко и др.; отв. ред. С.А. Боголюбов, В.П. Емельянцева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Салехард: Правительство Ямало-Ненецкого автономного округа, 2017. 324 с. URL: <http://www.izak.ru/upload/iblock/f93/f93fe09e7001976d2f47c48f5b78983c.pdf>
 20. Хабриева Т.Я. Арктическое право как полисистемное национально-международное правовое образование // Арктическое право: концепция развития / А.И. Абрамова, В.Р. Авхаев, Л.В. Андриченко и др.; отв. ред. Т.Я. Хабриева; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: ИД «Юриспруденция», 2014. С. 5–18. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23714315>
 21. Курков И.И. Территории опережающего социально-экономического развития как один из путей повышения конкурентоспособности региональных экономик России // Вопросы экономики и управления. 2015. № 1 (1). С. 6–9. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23754061>
 22. Смирнов М.А. Территории опережающего развития: высокие риски и необходимость активной отраслевой государственной политики // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2015. № 16 (250). С. 58–68. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23307951>
 23. Швецов А. «Точки роста» или «черные дыры»? (К вопросу об эффективности применения «зональных» инструментов госстимулирования экономической динамики территорий) // Российский экономический журнал. 2016. № 3. С. 40–61. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26495297>

Об авторах:

Лексин Владимир Николаевич, главный научный сотрудник Института системного анализа Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» Российской академии наук (117312, г. Москва, Проспект 60-летия Октября, д. 9), Москва, Россия, доктор экономических наук, профессор, **Scopus ID: 55901970800**, leksinvn@yandex.ru

Порфирьев Борис Николаевич, директор Института народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук (117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 47), Москва, Россия, академик РАН, доктор экономических наук, профессор, **Scopus ID: 6603270384**, b_porfiriev@mail.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

References

1. Porfiriev B.N. (ed.) *Socio-economic problems of the Russian Arctic in research institutes of the Russian Academy of Sciences: history, modernity, prospects*. Moscow: Scientific adviser, 2018. 802 p. (in Russ.)
2. Leksin I.V. *Territorial structure of Russia: constitutional and legal problems*. Moscow: LENAND, 2014. 432 p. (in Russ.)
3. Narutto S.V., Shugrina E.S., Isaev I.A., Alebastrova I.A. *Territory in public law*. Moscow: Norma, Infra-M, 2013. 320 p. (in Russ.)
4. Pronina L.I. Improvement of local government: strengthening the role of constituent entities of the Federation, financial assistance to municipalities (Property relations). *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National interests: priorities and security*. 2014; (29(266)):2–13 (in Russ.)
5. Timchenko V.S. Law and order in local self-government. *Samoupravlenie = Self-government*. 2014; (7-8):4–6 (in Russ.)
6. Veselkova E.E. Legal aspects of the functioning of special economic zones in the infrastructure of innovation activity. *Zakonodatel'stvo i ekonomika = Legislation and economics*. 2012; (5):46–50 (in Russ.)
7. Vishnyakov V.G. Special economic zones: legal problems and ways of development. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian law*. 2003; (1(73)):18–28 (in Russ.)
8. Davydov A.Yu. Zimenkov R.I. Free Economic Zones. *SShA i Kanada. Ekonomika. Politika. Kul'tura = The USA and Canada. Economy. Policy. Culture*. 2006; (2(434)):100–103 (in Russ.)

9. Knyaginina K.N. Administrative-territorial units with special status. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*. 2010; (5):33–39 (in Russ.)
10. Pavlov P.V. Administrative and legal regulation of cross-border trade. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo = Administrative and municipal law*. 2011. (4(40)):72–80 (in Russ.)
11. Maksimova I.I. *Diagnostics of the state of territories with special status*. Ed. V.M. Plyusnin. Irkutsk: V.B. Sochava Institute of Geography SB RAS; 2010. 124 p. (in Russ.)
12. Bogoyavlensky V.I., Kozmenko S.Yu., Selin V.S. (eds.) *The Maritime Strategy of Russia and the priorities of the development of the Russian Arctic*. Apatity: Publishing House of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; 2012. 262 p. (in Russ.)
13. *Strategic Challenges and Economic Factors of Marine Policy in the Russian Arctic*. Apatity: Publishing House of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; 2011. 199 p. (in Russ.)
14. Kryazhkov V.A. *Indigenous minorities of the North in Russian law*. Moscow: Norma, 2010; 560 p. (in Russ.)
15. Kryazhkov V.A. Legal regulation of relations between the indigenous peoples of the North and mining companies in the Russian Federation. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*. 2014; (7):27–39 (in Russ.)
16. Khabrieva T.Ya. *Modern problems of self-determination of ethnoses: a comparative legal study*. Moscow: Publishing House "Jurisprudence"; 2010. 288 p. (in Russ.)
17. Garipov R.Sh. Indigenous minorities in Russia: guarantees of rights and freedoms. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2012; (6(186)):67–73 (in Russ.)
18. The Russian Arctic is a territory of law: an almanac. In: Emel'yantsev V.P., Galinovskaya E.A. (eds.) Release III. *Conservation and sustainable development of the Arctic: the Arctic in the socio-legal dimension*. Moscow: The Government of the Yamal-Nenets Autonomous District; Salekhard: Institute of Legislation and Comparative Jurisprudence under the Government of the Russian Federation. Publishing house "Jurisprudence"; 2016. 216 p. Available at: <http://www.jurisizdat.ru/new/intro/Arctic-III.pdf> (in Russ.)
19. The Russian Arctic is a territory of law: an almanac. In: Bogolyubov S.A., Emel'yantsev V.P. (eds.) Release IV. *Conservation and sustainable development of the Arctic. Legal regulation of the spatial development of the Arctic territories of the Russian Federation (by the example of the Yamal-Nenets Autonomous District)*. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law at the Government of the Russian Federation; Salekhard: The Government of the Yamal-Nenets Autonomous District; 2017. 324 p. Available at: <http://www.izak.ru/upload/iblock/f93/f93fe09e7001976d2f47c48f5b78983c.pdf> (in Russ.)
20. Khabrieva T.Ya. Arctic law as a polysystemic national-international legal education. In: Khabrieva T.Ya. (ed.) *Arctic law: conception the development*. Moscow: Publishing House "Jurisprudence"; 2014. p. 5–18 (in Russ.)
21. Kurkov I.I. Territories of advanced socio-economic development as one of the ways to increase the competitiveness of the regional economies of Russia. *Voprosy ekonomiki i upravleniya = Issues of Economics and Management*. 2015; (1(1)):6–9 (in Russ.)
22. Smirnov M.A. Advanced development territories: high risks and the need for an active sectoral policy of the State. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya = Financial analytics: problems and solutions*. 2015; (16(250)):58–68 (in Russ.)
23. Shvetsov A. "Points of Growth" or "Black holes"? (Concerning Application Effectiveness of "Zonal" Tools for Government Boosting of Territories' Economic Dynamics). *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal = Russian economic journal*. 2016; (3):40–61 (in Russ.)

About the authors:

Vladimir N. Leksin, Chief Research Fellow of the Institute for Systems Analysis of the Federal Research Center "Informatics and Management", Russian Academy of Science (9, Prospekt 60-letiya Otyabria str., Moscow, 117312), Moscow, Russian Federation, Doctor of Economic Sciences, Professor, **Scopus ID: 55901970800**, leksinvn@yandex.ru

Boris N. Porfiriev, Director of the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovskii Av., Moscow, 117418), Moscow, Russian Federation, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor, **Scopus ID: 6603270384**, b_porfiriev@mail.ru

All authors have read and approved the final manuscript.

УДК 334+338
JEL: B21, D23, M21

DOI: 10.18184/2079-4665.2018.9.3.364-378

Эволюция аутсорсинговых отношений в российской нефтегазовой отрасли

Дмитрий Андреевич Стапран¹

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия
119571, г. Москва, проспект Вернадского, д. 82

E-mail: stapranda@mail.ru

Поступила в редакцию: 12.07.2018; одобрена: 10.09.2018; опубликована онлайн: 28.09.2018

Аннотация

Цель: Целью настоящей статьи является исследование эволюции аутсорсинговых отношений в нефтегазовом сервисе, выявление ее закономерностей и определяющих факторов, а также апробация модели «пяти сил аутсорсинга», разработанной автором.

Методология проведения работы: На аутсорсинг влияет целый ряд факторов, которые обобщены в разработанной автором модели «пяти сил». Составными элементами модели являются транзакционные издержки, конкурентные преимущества, доверие и социальный обмен, уровень экономического развития и «цикл сорсинга». Статья основана на анализе большого объема фактических данных компаний и организаций, отраслевых обзорах, содержит оценку текущего рынка сервиса и перспектив его развития.

Результаты работы: С позиции модели «пяти сил» в статье анализируется эволюция последних 20-ти лет аутсорсинга нефте-сервисных функций – одного из наиболее динамичных направлений нефтегазового аутсорсинга. Стартовав с «нулевой» отметки после перехода к рыночной экономике, нефтегазовый аутсорсинг прошел путь становления и превратился к настоящему времени в неотъемлемую часть нефтегазовой отрасли. Одновременно, сама отрасль также прошла переосмысление своей цепочки создания стоимости, сосредоточившись на конкурентных преимуществах и передав сервисные функции сторонним провайдерам. Устойчивость рынка аутсорсинга прошла проверку временем, когда попытка создать государственную монополию в этой сфере потерпела неудачу из-за сложившихся зрелых рыночных отношений.

Выводы: Вопросы повышения эффективности нефтегазового сектора в России с учетом низких цен на углеводороды сегодня крайне важны. Аутсорсинг, несомненно, является одним из инструментов повышения эффективности. Его объемы будут расти, хотя некоторые компании продолжают тестировать эффективность инсорсинговых структур. Проведенный анализ подтверждает актуальность предложенной методологии, а также теории «цикла сорсинга».

Ключевые слова: аутсорсинг, цикл сорсинга, модель, нефтесервис, нефтегазовая отрасль, бурение

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Для цитирования: Стапран Д. А. Эволюция аутсорсинговых отношений в российской нефтегазовой отрасли // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2018. Т. 9. № 3. С. 364–378. DOI: 10.18184/2079-4665.2018.9.3.364-378

© Стапран Д. А., 2018

Evolution of Outsourcing Relations in the Oil & Gas Industry of Russia

Dmitry A. Stapan¹

¹The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation
82, Prospekt Vernadskogo str., Moscow, 119571

E-mail: stapranda@mail.ru

Submitted 12.07.2018; revised 10.09.2018; published online 28.09.2018

Abstract

Purpose: the purpose of this article is to study the evolution of oil&gas service outsourcing, to determine trends and factors that define these trends. The article also tests the methodology of “five forces of outsourcing” model formulated by the author.

Methods: a number of factors, which constitute the “five forces of outsourcing” model, proposed by the author, influences outsourcing. The elements of the model are transaction costs, competitive advantages, trust and commitment, level of economic development and the “sourcing cycle”. The article uses extensive amount of company data and market research, contains assessment of the market volume and prospects of its growth.

Results: oil & gas services are the most dynamic type of outsourcing in the oil & gas industry. The article analyses the evolution of oil & gas services outsourcing for the past 20 years through the lenses of the “five forces” methodology. This type of outsourcing first emerged when the Russian economy turned to market economy. It started from the “ground zero” point, evolved, matured and finally became an indispensable part of the oil & gas industry nowadays. At the same time the oil&gas industry reimagined its value chain, having concentrated on its competitive advantages and transferred service business processes to outsourcing providers. The market of oil & gas services outsourcing passed the test when an attempt to create a state monopoly in this field failed due to the maturity of the market.

Conclusions and Relevance: the task of increasing efficiency of the oil & gas industry in Russia is paramount especially taking into account the decrease in oil prices. Outsourcing is, undoubtedly, one of the means of achieving such efficiency. Its volumes will keep growing. Yet some companies will continue to test the effectiveness of insourcing operations. The analysis also confirms the validity of the “five forces” methodology as well as the “sourcing cycle” theory.

Keywords: outsourcing, sourcing cycle, model, oilfield and gas-field services, drilling

Conflict of Interests. The Author declares that there is no Conflict of Interest

For citation: Stapran D. A. Evolution of Outsourcing Relations in the Oil & Gas Industry of Russia. *MIR (Modernizatsiia. Innovatsii. Razvitiie) = MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2018; 9(3):364–364. DOI: 10.18184/2079–4665.2018.9.3.364–378

Введение

Значимость нефтегазовой отрасли нашей страны и важность путей повышения ее эффективности сложно переоценить. По разным оценкам, доля нефтегазового сектора составляет от 7% (Росстат) до 9% (McKinsey&Company)¹ в структуре отечественного валового внутреннего продукта (ВВП). Однако, несмотря на различные методики расчетов, влияние нефтегазовой индустрии на экономику страны весьма значительно, так как многие отрасли – машиностроение, транспортная, финансовая – являются производными от нефтегазовой. Кроме того, нефтегазовый сектор является одной из немногих «международно торгуемых» отраслей, сила которых, по мнению М. Портера, решительным образом определяет конкурентоспособность экономики России².

Аутсорсинг, как инструмент передачи важного бизнес-процесса на долгосрочной основе одной фирмой другой, с ней не связанной, безусловно, является действенным инструментом повышения эффективности нефтегазовой отрасли. Оборот нефтегазового аутсорсинга автор определяет в размере 1,7 трлн рублей. Доля нефтегазового

сервиса в нем составляет около 30% или 0,5 трлн рублей³. Одновременно, нефтегазовый сервис – наиболее интересный и подверженный динамичным изменениям пример аутсорсинга. Он также занимает самую важную роль – с него начинается цепочка создания стоимости в отрасли (рис. 1).

Традиционно бизнес нефтегазовых компаний делит на 2 сектора: апстрим (upstream) – сектор разведки и добычи нефти и газа, а также даунстрим (downstream) – переработка нефти и газа и продажа товара конечному потребителю.

В настоящей статье речь идет именно об аутсорсинге направления «апстрим». В него входит геологоразведка, сейсморазведка, геодезические исследования, обустройство и подготовка скважин к длительному извлечению нефти и/или газа, увеличение дебита скважин и т.д. Для этих работ нужны специализированные знания, опыт, технологии и оборудование компаний, которые на этом специализируются.

Обзор литературы и исследований. Аутсорсингу в отечественной науке посвящен ряд исследований, в которых методологические аспекты разработаны в достаточном объеме. Вместе с тем, эмпирическая

¹ McKinsey & Co. Цифровая Россия: Новая Реальность. Июль 2017 г. URL: https://www.mckinsey.com/ru/~/_/media/McKinsey/Locations/Europe%20and%20Middle%20East/Russia/Our%20Insights/Digital%20Russia/Innovations%20in%20Russia%20report.ashx

² Портер М., Кетелс К. Конкурентоспособность на распутье: направления развития российской экономики. Отчет по заказу Агентства стратегических инициатив. М., 2007. URL: http://sp-ved.narod.ru/MATERS/PORTER_RFstrategy.pdf (дата обращения: 01.02.2018)

³ Собственные расчеты автора на основе данных нефтесервисных компаний в базе СПАРК-Интерфакс

Составлено автором по Strategy & (PwC)

Рис. 1. Цепочка создания стоимости нефтегазовых компаний

Compiled by the author on Strategy & (PwC)

Fig. 1. The value chain of the oil & gas industry

база многих научных исследований строится на довольно ограниченных примерах нескольких предприятий – например, строительства в работах В.В. Синяева⁴, научного оборудования у И.Л. Рудая⁵, материально-технического снабжения военных частей у А.Х. Курбанова⁶. В публикациях также содержатся общие примеры из разных отраслей (см., например, работы Б.А. Аникина и И.Л. Рудая⁷, А.Х. Курбанова и В.А. Плотникова [1], Н.К. Моисеевой, О.Н. Малютиной, И.А. Москвиной [2]).

Вопросы аутсорсинга в нефтегазовой отрасли кратко затрагиваются в исследовании С.О. Календжяна⁸. Однако нефтегазовый сервис в то время лишь начал появляться. Общий факторный анализ аутсорсинга в отрасли без исследования примеров содержится в одной из работ А.Х. Курбанова [3]. Исследования В.В. Волкова и Е.В. Мельниковой посвящены общим вопросам эффективности нефтяных компаний [4], а В.В. Самойленко – отдельным аспектам истории нефтегазового сервиса [5]. Исследования И.Д. Котлярова содержат варианты математических формул расчета экономического эффекта без каких-либо фактических примеров [6]. Встречаются и откровенно поверхностные работы, как например, А.В. Сипполайнена [7] и А.Л. Метлы [8].

⁴ Синяев В.В. Развитие коммерческой системы аутсорсинга в сфере строительных услуг: автореф. дис. ... д.э.н. М., 2009.

⁵ Рудая И.Л. Методология управления в экономических системах на основе аутсорсинга: автореф. дис. ... д.э.н. М., 2009.

⁶ Курбанов А.Х. Аутсорсинг в системах публичного управления и менеджмента: методологические и концептуальные основы организации и развития. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. Курск. 2012.

⁷ Аникин Б.А., Рудая И.Л. Аутсорсинг и Аутстаффинг: Высокие технологии менеджмента: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2014. 320 с.

⁸ Календжян С.О. Аутсорсинг и делегирование полномочий в деятельности компаний. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. Москва. 2003.

В то же время, системных исследований в области нефтегазового аутсорсинга, которые строились бы на обширной фактологической базе, данных нефтегазовых и нефтесервисных компаний, включали бы в себя обзор этапов и предпосылок формирования, а также прогнозы развития нефтегазового сервиса до настоящего времени не предпринималось.

Материалы и методы. При анализе нефтесервисной отрасли российской экономики автор использует разработанную самостоятельно методологическую модель «пяти сил аутсорсинга» (рис. 2). Этот метод позволяет обобщить и систематизировать всю совокупность факторов, влияющих на процессы

ри, сопровождающие такое взаимодействие, являются транзакционными издержками. В идеальной ситуации, если организация производства товара или услуги дешевле у аутсорсингового партнера, следует сделать выбор в пользу аутсорсинга.

Компании побеждают в конкурентной борьбе за счет того, что делают что-то лучше других фирм. Согласно М. Портеру [12], фирма может делать что-то дешевле других (ценовое преимущество), или ее товар может иметь уникальные качества (дифференциация). Выбор той или иной модели конкурентных преимуществ определяет операционную модель (цепочку добавленной стоимости – набор бизнес-процессов, при помощи которых фирма извлекает прибыль). Бизнес-процессы, которые помогают достичь конкурентных преимуществ, становятся основными, и должны быть в фокусе предпринимателя. Так как ресурсы фирмы ограничены, остальные процессы цепочки добавленной стоимости должны быть переданы на аутсорсинг. Если раньше конкурентное преимущество было более стабильным ресурсом, то скорость изменений в современном мире диктует необходимость постоянно адаптироваться и обладать динамическими преимуществами [13, 14].

Одновременно, важнейшей составляющей аутсорсинга являются доверие и социальный обмен, так как нематериальные выгоды отношений между предпринимателями, порой, значат больше, чем прибыль. При оценке будущих или текущих аутсорсинговых отношений они сравнивают объем и выгоду от инвестиций в отношении альтернатив. Большие, по сравнению с альтернативами, доверие и вовлеченность обеспечивают сохранность инвестиций в отношения, которые предприниматели уже сделали, и позволяют удержаться от оппортунистического поведения. В то же время, отсутствие доверия разрушает даже самые выгодные отношения. Теория доверия и социального обмена была разработана П. Блау [15], Г. Торелли [16], а позже –

Р. Морганом и Ш. Хантом [17] (также частично этот вопрос рассматривается отечественными исследователями, например, Н.К. Моисеевой и О.Н. Малютиной [2]).

Указанные выше три фактора в настоящей статье называются «силами», которые, как в физике, влияют на «цикл сорсинга», то есть на выбор фир-

* ОЦО – Объединенный центр обслуживания

Разработано автором.

Рис. 2. Методологическая модель «пяти сил аутсорсинга»

Developed by the author.

Fig. 2. “Five forces of outsourcing” methodology

Транзакционные издержки, безусловно, играют в случае аутсорсинга решающую роль. Изначально сформулированная Р. Коузом [9] и позже развитая К. Эрроу [10] и О. Уильямсоном [11] теория транзакционных издержек признает за единицу акт экономического взаимодействия (сделку, т.е. транзакцию, которая может совершаться как внутри фирмы, так и с другой фирмой). Затраты и поте-

мой способа производства ресурсов (инсорсинг, аутсорсинг и т.д.; см. рис. 2). Однако в ситуации развивающейся российской экономики эти силы проявляют свое влияние иначе, чем в развитых экономиках. В России недостаточно развиты институты, которые упрощают ведение бизнеса, такие, как доступное финансирование (банковские кредиты, венчурные фонды и др.), защита частной собственности (судебная и правоохранительная системы), транзакционные посредники (дистрибьютеры, логистические операторы, торговые сети и др.), информационные посредники (аудиторские фирмы, кадровые агентства, доступные статистические данные и маркетинговые исследования) и проч. Недостаточное развитие институтов порождает «институциональные пустоты» в смысле, используемом Т. Хана и К.Г. Палепу [18]. Такие «пустоты» увеличивают транзакционные издержки как национальных, так и зарубежных предприятий, работающих на российском рынке. Информационная асимметрия порождает недоверие между экономическими акторами и усиливает фактор доверия и социального обмена, ограничивая его узким кругом (например, знакомых и друзей). Другим результатом «институциональных пустот» является низкий уровень конкуренции и сверхконцентрация капитала в большинстве отраслей экономики, в том числе и в нефтегазовой отрасли, что несколько уменьшает влияние «силы» конкурентных преимуществ. По этой причине уровень развития экономики мы считаем самостоятельной, четвертой «силой». В смысле уровня развития российская экономика весьма схожа с другими экономиками стран БРИКС⁹, а также Аргентиной, Турцией, Мексикой, Казахстаном и другими.

Наконец, отношения аутсорсинга носят не статичный, а динамический характер. То, что отдавалось на аутсорсинг, может быть возвращено внутрь компании, приобретено как самостоятельный бизнес для создания внутреннего объединенного центра обслуживания, опять отдано на аутсорсинг или приобретать любые другие формы. Это не линейный процесс, а «цикл сорсинга», который лежит в основе модели «пяти сил» (рис. 2). Направление движения «цикла сорсинга» в сторону аутсорсинга или в сторону выполнения работы собственными силами, как раз и определяют четыре внешние силы: транзакционные издержки, конкурентные преимущества, доверие и социальный обмен и уровень развития экономики. Справедливо и обратное – в зависимости от выбранного «цикла сорсинга» транзакционные издержки могут увели-

чиваться, конкурентные преимущества – снижаться, доверие – расти или падать. Таким образом, «цикл сорсинга» представляет из себя самостоятельную пятую «силу», формируя законченную методологическую модель «пяти сил», разработанную автором.

Результаты исследования

Нефтегазовый сервис в России сегодня проходит крайне интересную фазу развития, однако история его формирования не менее важна для методологии аутсорсинга.

После этапа приватизации и появления основных нефтегазовых компаний постсоветского периода до середины 2000-х гг. большинство нефтесервисных функций осуществлялось собственными силами компаний или по модели инсорсинга. Именно тогда появился термин «ВИНК» – вертикально интегрированных нефтяных компаний. Бурение считалось неотчуждаемой единицей бизнеса, а бурильщики, по словам представителей отрасли, «белой костью». Это было естественно с точки зрения молодого возраста (степени развития) российского капитализма и желания первых собственников контролировать все лично, в чем проявился фактор уровня развития экономики модели «пяти сил». Кроме того, на первоначальном этапе в России попросту не существовало аутсорсингового рынка нефтесервисных услуг, который мог бы взять на себя выполнение тех или иных работ.

Вместе с тем, растущие транзакционные издержки, понимание сути конкурентных преимуществ нефтегазового бизнеса, а также «взросление» нефтегазового сектора привели к постепенной передаче нефтесервисных функций на аутсорсинг, так как это, безусловно, наиболее оптимальный способ взаимодействия добывающих компаний и сервисных операторов [4].

Вначале компании стали формировать обособленные сервисные дочерние компании. Причем наблюдалось несколько волн – в начале 2000-х (ТНК, Лукойл, Сибнефть, Газпром, ЮКОС) и в 2006-2010 гг. (Роснефть, Газпромнефть, Татнефть, Славнефть и др.), см. рис. 3. Очевидно, что на первую и вторую волны повлияли циклические кризисы и падение цен на нефть, а следовательно, и стремление компаний снизить транзакционные издержки (известно, что инсорсинг путем обособления затрат позволяет сделать их более прозрачными и управляемыми).

⁹ БРИКС – Бразилия, Россия, Китай, Индия

Однако первой компанией, начавшей формировать по-настоящему независимый рынок аутсорсинга в нефтегазовой отрасли в России, стал Лукойл. В 2006 году Лукойл продал свои нефтесервисные предприятия, на базе которых была сформирована первая независимая компания в отрасли – Eurasia drilling company (EDC, Компания Евразия).

Вслед за Лукойлом часть своих нефтесервисных активов (Газпромнефть-нефтесервис) продала Газпром нефть. При этом условием сделки был долгосрочный контракт на обслуживание бывшей материнской компании, до 2013 года. Такая практика вывода активов на аутсорсинг с целью максимизации их продажной стоимости встречается и в других отраслях российской экономики. В составе выведенных компаний Газпром нефти на момент продажи трудилось 14 тыс. человек, и на их основе была создана нефтяная компания РУ Энерджи Групп.

Окончательно Газпром нефть выйдет из сервисов позже – в 2012 году, продав Сервисную буровую компанию и КРС-Сервис.

При этом перед продажей Газпром нефть строила планы на активное наращивание внутреннего нефтесервиса с его выходом на рынки зарубежных стран – Кубы, Венесуэлы, Ирака, Казахстана и т.д. Такое скорое изменение целеполагания (от инсорсинга с выходом на внешний рынок до аутсорсинга) в целом будет характеризовать отрасль и в дальнейшем.

После продажи Газпром нефть сделала активные шаги в направлении аутсорсинга и заключила в период с 2010 года договоры с другими независимыми нефтесервисными компаниями, такими как Halliburton, C.A.T. Oil, Schlumberger, EDC, Газпром-бурение и другими. Это, возможно, привело к тому, что основной подрядчик – РУ Энерджи Групп, так и не сумевший диверсифицировать свой бизнес (как, например, EDC), подошел вплотную к банкротству. На фоне банкротства своего бывшего дочернего предприятия (из-за потери доверия – одного из факторов модели «пяти сил») в конце 2014 года Газпром нефть вновь приходит к идее возвращения к инсорсингу нефтесервиса¹⁰.

В 2009 году свои нефтесервисные активы ТНК ВР продает международной компании Weatherford в обмен на 3,5% ее акций. То есть осуществляется переход к аутсорсингу, при этом компания-заказчик остается владельцем миноритарного пакета

акций, который не дает возможности участвовать в управлении, но позволяет получать данные о ее финансовом состоянии и производственных процессах.

В 2011 году Газпром продает свое дочернее общество Газпром Бурение, созданное еще в 1997 году, крупному российскому предпринимателю. Однако оставляет некоторые активы у себя, которые со временем разовьются до размеров бывшего дочернего предприятия (речь идет о Газпром Георесурсе и Газпром Геологоразведке).

Башнефть также сохраняла нефтесервис внутри фирмы до 2013 года, когда АФК Система вывела его из структуры дочерней нефтяной компании и сформировала холдинг Таргин. Формально после этого у Башнефти и его нефтесервисного предприятия оставался один акционер (АФК Система), вплоть до обратной продажи актива Роснефти. Однако даже такой «квазиаутсорсинг» помог Башнефти снизить зависимость от монопольного поставщика. Так, непосредственно сразу после выделения Таргин обеспечивал 90% нефтесервисных услуг Башнефти, в 2014 – уже 70%, а в 2016 – 54% объема по текущему и капитальному ремонту скважин и около 70% прочих услуг¹¹. Остальной объем Башнефть приобретала у других независимых поставщиков.

Для анализа нефтегазового сервиса важна и история формирования нефтесервиса самой Роснефти – крупнейшей сегодня нефтяной компании России. Ключевое сервисное подразделение Роснефти, РН Бурение, было создано еще в 2007 году, на базе выкупленных сервисных активов ЮКОСа, когда Лукойл уже продал свои нефтесервисные активы. К продаже нефтесервисов Роснефть подошла в 2012 году. Однако планам по избавлению от непрофильных активов помешала позиция государства. По предложению губернатора Ханты-Мансийского автономного округа и при поддержке курирующего вице-преьера Игоря Сечина была выдвинута идея о необходимости формирования национального (государственного) нефтесервисного игрока на базе сервисных активов Газпрома, Роснефти, Зарубежнефти и Роснефтегаза. Естественно, государственная Роснефть сразу изменила позицию и отменила планы по продаже.

Государственная нефтесервисная компания так и не была создана, так как против фактической монополизации рынка (вывода конкурентного

¹⁰ Дюка О. (21.10.2014). Назад в будущее. Нефтегазовый сервис. Тематическое приложение к газете Коммерсантъ, 191

¹¹ Фадеева А. (18.11.2016). Структура АФК «Система» снизила цены на сервисные услуги для «Башнефти». Москва. Газета Ведомости

сектора под контроль государства) выступил как новый состав правительства, так и крупнейшие игроки, в том числе Лукойл. Однако перешедший в руководство Роснефти Игорь Сечин усилил курс на наращивание собственного сервиса. Вначале Роснефтью были приобретены и присоединены к РН Бурению три сервисные компании Weatherford, которые та в 2009 году купила у ТНК ВР. Это произошло после приобретения ТНК ВР самой Роснефтью в 2013 году. В 2014 году Роснефть выкупила у ВТБ Оренбургскую буровую компанию (которая позднее была присоединена к РН Бурению), в 2015 – нефтесервисные активы у канадской Trican, а также объявила о планах по приобретению 30% акций в норвежской нефтесервисной компании NADL, которая должна была обслуживать бурение Роснефти на арктическом шельфе (позднее сделку решено было отложить из-за санкций). В 2016 году Роснефть, после приобретения Башнефти, также вернула выведенные ранее из нее активы – компанию Таргин, купив ее у АФК Системы.

В результате последовательных действий доля инсорсинга Роснефти достигла 60% по бурению и 40% по ремонтам скважин, количество работающих бригад выросло с 51 почти до 300, а количество буровых установок с 81 более чем до 250¹². Параллельно в 2017 году Роснефть приобрела 8 научных и проектных организаций, в том числе ведущих работы в области добычи и разведки нефти (ВНИПИнефть, Гипротюменнефтегаз, НПО Буровая техника и др.)¹³.

По мнению экспертов, основным драйвером наращивания собственного сервиса были транзакционные издержки. Компания старалась снизить стоимость аутсорсинговых услуг, которые ей традиционно оказывала EDC, но, потерпев неудачу, решила отказаться от сотрудничества с аутсорсером и развивать инсорсинговый бизнес. В результате этих действий EDC к 2015 году полностью потеряла клиента, который раньше занимал до четверти ее портфеля заказов¹⁴. Кроме того, сыграло роль отсутствие доверия к аутсорсинговому рынку (в первую очередь, к его иностранным игро-

кам) нового руководства Роснефти, о чем оно довольно часто говорило и продолжает заявлять на различных уровнях.

Пример полного отказа от аутсорсинга представляет собой Сургутнефтегаз, который не стал выводить нефтесервисный бизнес даже во внутреннюю (инсорсинговую) структуру. При этом, по информации отраслевых отчетов, на внутренние подразделения Сургутнефтегаза приходилось 21% всего бурения в России в 2014 году, а в его составе работало 58 бурительных бригад¹⁵. В структуре компании также находится 5 строительных трестов и 13 транспортных предприятий. В отдельные компании выведена только геофизика (Сургутнефтегазгеофизика). Все скважины Сургутнефтегаза проектирует собственный СургутНИПИнефть¹⁶.

Автор проанализировал логику истории формирования и ухода от аутсорсинга на протяжении последних двух десятилетий, предположив, что она связана с в основном со стремлением снизить транзакционные издержки. Это, безусловно, так, и кризисные явления 1998, 2008 и 2014 годов являются катализаторами инсорсинговой и аутсорсинговой активности (рис. 3).

Однако отсутствие четкой корреляции между ценами на нефть и аутсорсингом (или отказом от него) подтверждает методологию «пяти сил», когда при принятии решения об аутсорсинге компаниями руководит не только стремление снизить издержки. На самом деле, практически все решения о создании отдельных инсорсинговых подразделений и их последующей продаже принимались нефтяными и газовыми компаниями с целью сосредоточиться на своих конкурентных преимуществах, основных бизнес-процессах, выведя все остальные за пределы границ фирмы.

Аутсорсинговые партнеры постепенно заполнили «институциональную пустоту» в виде отсутствия надежных партнеров в нефтесервисе (фактор уровня развития экономики модели «пяти сил»). По мере увеличения независимых российских игроков (EDC, Газпро-Бурение и др.), а также за счет прихода иностранных компаний

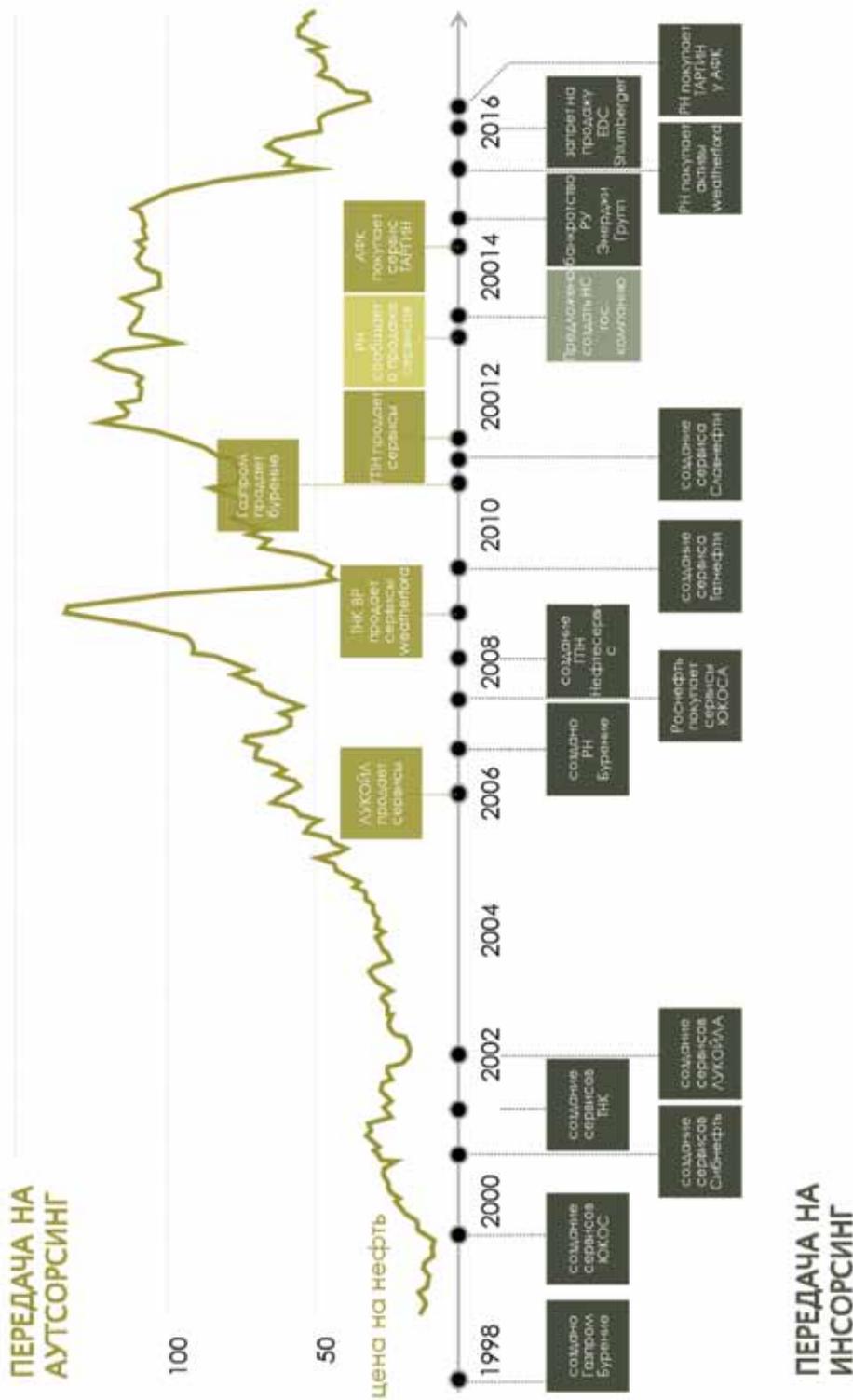
¹²ТАРГИН. (30.12.2016 г.). «Роснефть» закрыла сделку по приобретению нефтесервисной компании «Таргин». Получено 15.01.2017 г., из ТАРГИН: <http://targin.ru/press/news/rosneft-zakryla-sdelku-po-priobreteniyu-nefteservisnoy-kompanii-targin/>

¹³Мордюшенко О. (06.04.2017). «Роснефть» возьмет науку под контроль. Москва. Газета Коммерсантъ

¹⁴Старинская Г. (15.08.2015). «Роснефть» покупает российский бизнес канадской Trican. Москва. Газета Ведомости

¹⁵RPI. (2015). Российский рынок бурения скважин: текущее состояние и перспективы развития до 2020 года. Москва: RPI

¹⁶РБК. (2014). Российский рынок нефтесервисных услуг. Аналитический обзор. 5-е издание. Москва: РБК Research

Составлено автором по материалам источника [5]
 Рис. 3. Ход формирования аутсорсинговых отношений в нефтегазовом сервисе и динамика цен на нефть
 Compiled by the author on the source materials [5]
 Fig. 3. The course of forming of outsourcing of oil & gas services compared to the dynamics of the price of oil

Составлено автором

Рис. 4. Подтверждение теории цикла сорсинга на примере исследуемых рынков аутсорсинга

Compiled by the author on the source materials

Fig. 4. The proof of concept of the "sourcing cycle" as the result of the analysis of outsourcing markets

(Weatherford, Schlumberger, Baker Hughes и др.) к нему росло доверие, что побудило компании продавать или задуматься о продаже своих активов сторонним игрокам. Однако одновременно отсутствие этого доверия побудило другие компании, например Роснефть, наоборот вернуть нефтегазовый сервис в лоно компании. Безуслов-

но, здесь сказалось стремление менеджмента к личному контролю за активами, что характерно для экономик переходного периода по классификации OECD и World Bank.

Анализ событий, происходивших с нефтесервисным рынком, подтверждает существование «цикла сорсинга» (рис. 4). Аутсорсинг – это не линейный процесс, а цикл сорсинговых вариантов, выбираемых компаниями в зависимости от внешних и внутренних факторов.

Однако, несмотря на различную динамику развития аутсорсинга нефтегазового сервиса, на протяжении последнего десятилетия можно наблюдать его стабильный, даже стремительный рост.

При незначительном росте добычи нефти с 2005 по 2016 г. (всего на 16%) и отсутствии роста добычи газа, рынок нефтесервисных услуг (включая внутренние буровые подразделения компаний¹⁷) вырос более чем в 3 раза (рис. 5).

В то же время, только за последние 5 лет рынок аутсорсинговых услуг вырос в 1,6 раза. При этом в 2 раза вырос и объем работ, выполняемых инсорсинговыми или внутренними подразделениями компаний. В любом случае, аутсорсинг сегодня занимает 2/3 рынка в нефтегазовом сервисе и составляет более 500 млрд руб. (рис. 6). Можно сделать вывод о том, что рынок аутсорсинговых отношений в этой сфере прошел становление и вышел в стадию зрелости. А чем более зрелый рынок в целом, как мы уже говорили, тем больше к нему доверие со стороны предпринимателей (фактор доверия и вовлеченности модели «пяти сил»).

Вместе с тем, внутри рынка аутсорсинга в нефтесервисе еще могут происходить значительные изменения. Дело в том, что рынок нефтегазового сервиса, как и рынок добычи нефти и газа, довольно сильно монополизирован, что в целом характерно для российской и других переходных экономик. На сегодняшний день 4 крупнейших компании обеспечивают 85% добычи газа, а в добыче нефти на четверку лидеров приходится 65% добычи (рис. 7).

Внутренний сервис (инсорсинг) сконцентрирован, естественно, в основном в государственных компаниях (Сургутнефтегаз здесь, скорее, исключение).

Одновременно среди аутсорсинговых компаний наблюдается гораздо большее разнообразие.

¹⁷Расчеты включают расчетные объемы бурения

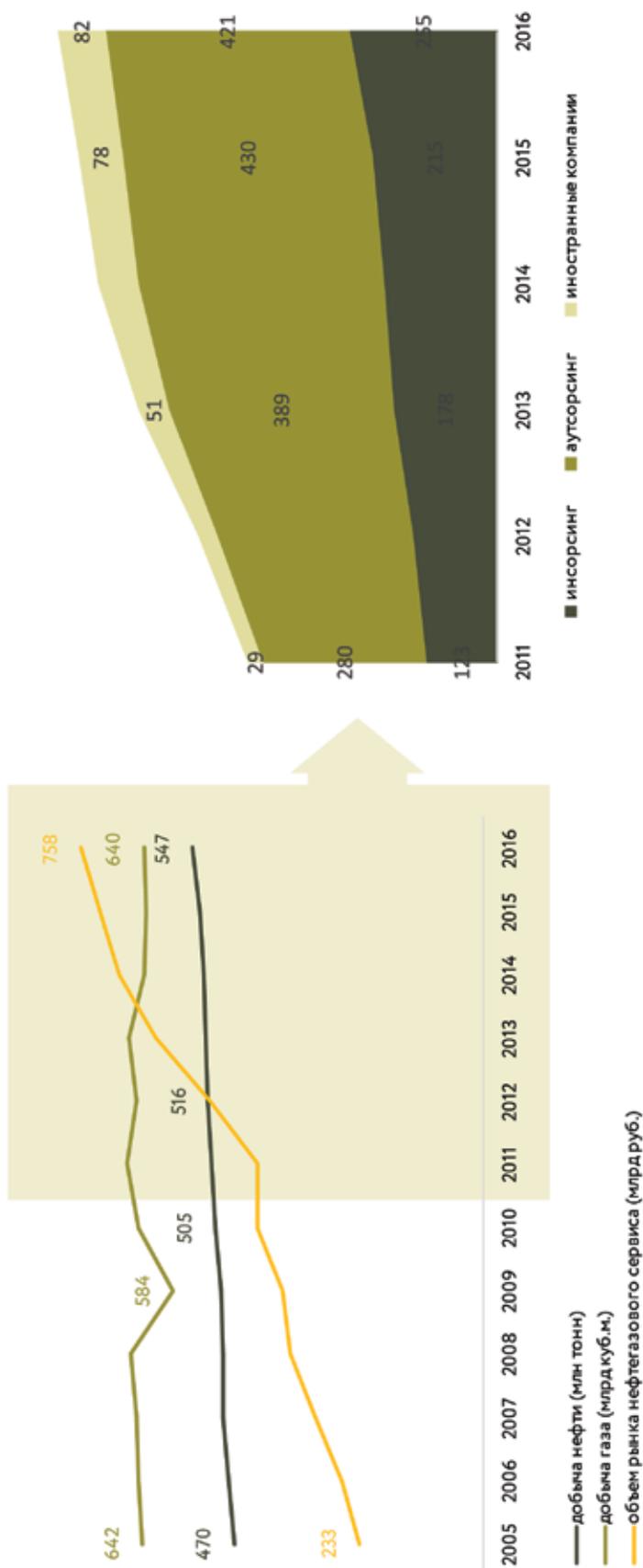
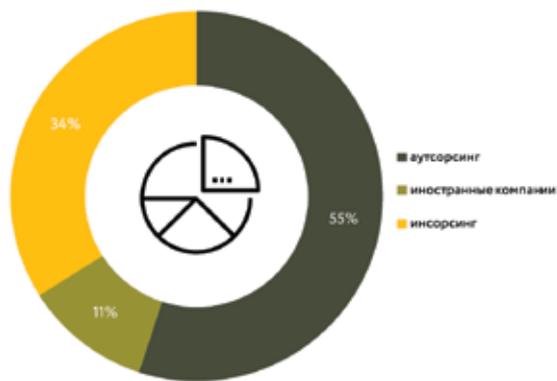

Рис. 5. Динамика рынка нефтегазового сервиса и объемы добычи нефти и газа в России

Расчеты автора по материалам: RPI. (2015). Российский рынок бурения скважин: текущее состояние и перспективы развития до 2020 года. Москва: Российский статистический ежегодник (2015). Статистический сборник / под ред. А. Е. Суринова, Росстат. Москва; данные компаний по системе Spark-Interfax (www.spark-interfax.ru) (дата обращения: 24.02.2018)

Author's calculations based on materials RPI report on oil services, official statistics of the Russian statistics bureau, Spark-Interfax data system containing company data

Составлено автором на основании расчетов данных компаний по системе SPARK-Interfax (www.spark-interfax.ru) (дата обращения: 24.02.2018)

Рис. 6. Доли инсорсинга и аутсорсинга в нефтегазовом сервисе

Compiled by the author on the basis of calculations of company data on the Spark-Interfax system (www.spark-interfax.ru), author's calculations

Fig. 6. The share of oil & gas services outsourcing

Составлено автором по материалам: АЦ. (2016). Топливо-энергетический комплекс России в 2015 году. Москва: Аналитический центр при Правительстве РФ. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/9162.pdf>, (дата обращения 09.11.2017)

Рис. 7. Доли компаний в добыче нефти и газа в России

Composed by the author using Center for analytics under the Government of Russia report on energy sector in 2015

Fig. 7. The share of certain companies in oil and gas production in Russia

При двух явных лидерах – EDC и Газпром Бурении, остальные объемы распределены между другими многочисленными компаниями. Всего, по различным оценкам, в России сегодня насчитывается от 200 до 300 компаний в области нефтегазового сервиса (рис. 8). Это говорит о большей

конкуренции и, следовательно, большей эффективности аутсорсинга по сравнению с внутренним производством.

Однако сказанное выше не означает, что те компании, которые имеют инсорсинговые подразде-

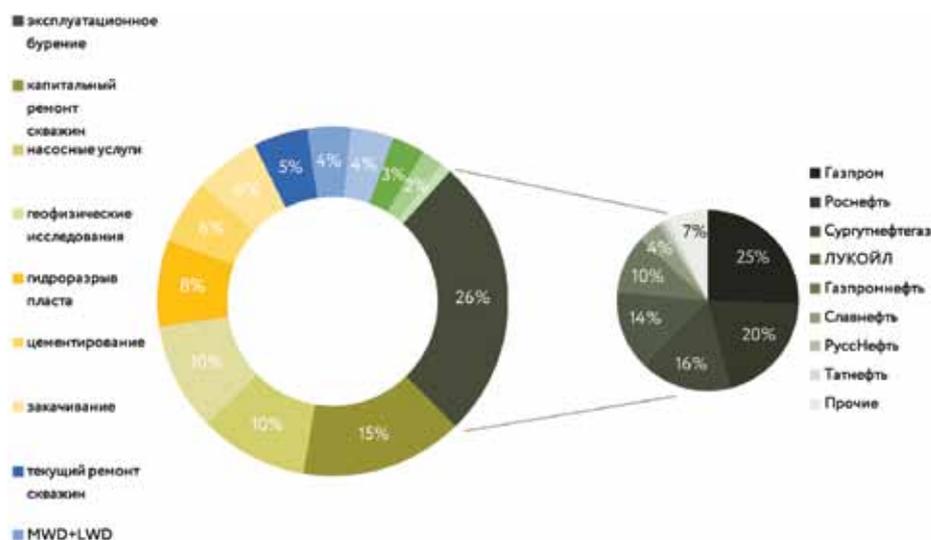
Составлено автором на основе данных о выручке компаний по СПАРК-Интерфакс за 2015 год)¹⁸: www.spark-interfax.ru (дата обращения: 24.02.2018)

Рис. 8. Доли компаний в нефтегазовом сервисе в России

Compiled by the author on the basis of data on the revenue of companies for SPARK-Interfax for 2015: www.spark-interfax.ru

Fig. 8. Share of certain companies in the oil & gas services in Russia

¹⁸ В данных аутсорсинговых компаний упоминается компания Таргин, которая в конце 2016 года была приобретена у АФК Системы Роснефтью и перешла в разряд инсорсинговых

Составлено автором по материалам: RPI (2015). *Российский рынок бурения скважин: текущее состояние и перспективы развития до 2020 года*. Москва

Рис. 9. Виды нефтегазового сервиса, в % от общего объема рынка и доли компаний-заказчиков в эксплуатационном бурении в России¹⁹

Composed by the author using RPI report on Russian drilling market

Fig. 9. Types of oil and gas services as a share of the total market and shares of certain companies in drilling services

ления, не пользуются услугами аутсорсинга. Наоборот, они же являются и основными заказчиками аутсорсинговых услуг в нефтегазовом сервисе. Это видно на примере одного из самых больших по стоимости видов услуг в нефтегазовом сервисе – эксплуатационном бурении (рис. 9).

Это говорит о том, что, даже поддерживая собственные инсорсинговые подразделения, ни одна современная нефтегазовая компания не может полностью полагаться на собственные силы, и вынуждена прибегать к аутсорсингу. Напомним, что даже у Роснефти доля собственного сервиса в эксплуатационном бурении не превышает 60%.

Выводы

Развитие аутсорсинга – циклично, как и развитие экономики. Индустрия нефтегазового сервиса в России обнаруживает эту важную закономерность, которая, как представляется, применима и к другим отраслям российской экономики. Периоды активного развития аутсорсинга сменяются периодами «отката» к инсорсинговой деятельности, и наоборот. Происходит это под действием различных факторов, которые сформулированы нами в модели «пяти сил» аутсорсинга. Анализ нефтегазовой отрасли подтверждает актуальность и применимость авторской методики. В настоящей

статье она используется исключительно для исследования эволюции аутсорсинговых отношений в нефтегазовой отрасли в России. Вместе с тем, модель также может быть использована для облегчения аутсорсинговых решений, принимаемых конкретными фирмами.

Фактор транзакционных издержек играет решающую роль для предпринимательских структур в условиях любой современной экономики. В американской экономике уровень транзакционных издержек вырос с 8 до 45% ВВП с 1870 по 1970 гг. [19], и сегодня он, безусловно, еще выше. Аналогичных данных для российской экономики нет, но, так как она также относится к числу постиндустриальных, транзакционные издержки в ней будут не менее велики. Именно они повлияли на выделение нефтегазового сервиса в инсорсинговые подразделения в 2000-2005 годах. Как раз тогда большинство нефтегазовых компаний впервые подошло к осознанию того, что производство этого сервиса внутри компании должно быть, как минимум, сегментировано в отдельные бизнес-единицы. Транзакционные же издержки заставили многих из них перейти к модели аутсорсинга во второй половине 2000-х – начале 2010-х годов. Так, в частности, поступили Лукойл, Газпромнефть, Газпром, ТНК-ВР, Башнефть и другие.

¹⁹ В данных аутсорсинговых компаний упоминается компания Таргин, которая в конце 2016 года была приобретена у АФК Системы Роснефтью и перешла в разряд инсорсинговых

Не последнюю роль в этом процессе сыграли сырьевые кризисы 2000, 2008 и 2014 годов, обострившие борьбу за снижение издержек между производителями ископаемых углеводородов.

Одновременно, те же самые транзакционные издержки, как отмечалось, заставили Роснефть отказаться от аутсорсинга в пользу наращивания активов собственного инсорсингового подразделения РН-Бурение, путем скупки активов из-за неготовности аутсорсинговых партнеров идти на снижение цен.

Влияние конкурентных преимуществ модели «пяти сил» связано с общим усилением конкуренции в мировой экономике, которое началось еще в 1980-е и обостряется с каждым годом. Участниками конкуренции от национальных экономик выступили национальные компании и предприниматели. Часть отраслей российской экономики также оказалось втянуто в конкурентную борьбу. В первую очередь это были нефтегазовые компании, чья продукция во многом ориентирована на экспорт.

В этой связи выделение нефтесервисных активов в инсорсинговые подразделения происходило также в русле ориентации на основные конкурентные преимущества нефтегазового бизнеса – повышения добычи углеводородов. Такое выделение стало серьезным переосмыслением сути нефтегазового бизнеса, так как до этого профессия буровика была гордостью отрасли и не мыслилась отдельно от цепочки создания стоимости. В то же время, само бурение, эксплуатация скважин и т.д. стали к тому времени конкурентным преимуществом нефтесервисных компаний, как российских, так и международных.

Концентрация нефтегазовых компаний на конкурентных преимуществах с годами развивалась, что также привело к выделению геологоразведочных подразделений на аутсорсинг.

Автор убежден, что сложившиеся в 2010-е годы в нефтесервисной отрасли здоровые конкурентные отношения помешали инициативам создания государственной монополии в нефтесервисе в 2013–2014 годах.

Очевидно, что в сторону аутсорсинга нефтегазовые компании «подтолкнул» и фактор доверия. Вместе с тем, отсутствие доверия, в первую очередь к иностранным компаниям, стимулировало переход Роснефти к ориентации на собственный

нефтесервис РН-Бурения. Также доверие к аутсорсингу пострадало и в случае Газпром нефти, когда выделенная из ее бурительных активов компания Ру-Энерджи Групп стала несостоятельной. Однако в случае Газпром нефти – это недоверие не привело к отказу от аутсорсинга, как в случае с Роснефтью.

Уровень развития, как самостоятельный фактор модели «пяти сил» аутсорсинга, также продемонстрировал свою значимость, что неоднократно отмечалось в исследовании. То же можно сказать и про «цикл сорсинга», характеристики которого определяет в каждый момент времени совокупность внешних факторов модели «пяти сил». После трудного и длительного формирования рынка аутсорсинга нефтегазового сервиса, некоторые компании решили отказаться от аутсорсинга в пользу преимущественно собственных операций. Так поступила Роснефть и, частично, Газпром, который, как было отмечено выше, после продажи своего основного нефтесервиса (Газпром Бурение) развил оставшиеся дочерние нефтесервисные компании до размеров бывшего дочернего предприятия.

Одновременно, каждый новый цикл в аутсорсинге нефтегазового сервиса приводит к его развитию. С одной стороны, нефтегазовые компании передают на аутсорсинг все больше работ, а с другой стороны, аутсорсеры становятся более профессиональными и эффективными. Поэтому нефтегазовый сервис был и остается самым динамичным сектором аутсорсинга в нефтегазовой отрасли. Согласно прогнозам, он будет расти ежегодно на 5%²⁰. Это означает, что с текущих 0,5 трлн нефтегазовый сервис может вырасти до 0,7–0,8 трлн в 2020 году, при условии стабильности добычи нефти и газа²¹. Одновременно стоит ожидать консолидации отрасли ввиду влияния экономических факторов – низкой стоимости углеводородов на мировом рынке и давления нефтегазовых компаний на сотни сервисных фирм с целью дальнейшего снижения издержек. Последнее возможно, в первую очередь, за счет эффекта масштаба, который достигается как раз путем консолидации.

Список литературы

1. Курбанов А.Х., Плотников В.А. Аутсорсинг: история, методология, практика: Монография. М.: ИНФРА-М, 2012. 112 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01006747189>

²⁰ RPI. (2015). Российский рынок бурения скважин: текущее состояние и перспективы развития до 2020 года. Москва: RPI

²¹ Собственные расчеты автора

2. *Моисеева Н.К., Малютина О.Н., Москвина И.А.* Аутсорсинг в развитии делового партнерства: Монография. М.: изд-во «Финансы и статистика», 2010. 234 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22331237> (дата обращения: 01.02.2018)
3. *Курбанов А.Х.* Типологизация факторов, обуславливающих переход к аутсорсингу в нефтегазовой отрасли // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. 2012. № 8. С. 12–16. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17898311> (дата обращения: 01.02.2018)
4. *Волков В.В., Мельникова Е.В.* Оценка эффективности деятельности предприятий нефтегазовой отрасли // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 3. С. 310. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20909308> (дата обращения: 01.02.2018)
5. *Самойленко В.В.* Бизнес-модели нефтесервисных услуг и эффективность нефтяных компаний // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2016. № 4 (132). С. 87–93. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26484433> (дата обращения: 01.02.2018)
6. *Котляров И.Д.* Алгоритм принятия решения об использовании аутсорсинга в нефтегазовой отрасли // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. 2010. № 11. С. 33–38. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15518329>
7. *Сиппалайнен А.В.* Аутсорсинг нефтесервисных работ как инструмент повышения экономической эффективности нефтегазовых компаний // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2016. Т. 2 №4. С. 250–252. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26022108> (дата обращения: 01.02.2018)
8. *Метла А.Л.* Голубое и черное: аутсорсинг в нефтегазовом комплексе // Российское предпринимательство. 2007. № 7-1. С. 126–129. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9496669> (дата обращения: 01.02.2018)
9. *Coase R.* Nature of the firm // *Economica*. 1937. Vol. 4, № 16. pp. 386–405.
10. *Arrow K.J.* The Organization of Economic Activity: Issues Pertinent to the Choice of Market versus Non-Market Allocations. Washington DC: Joint Economic Committee of Congress, 1969. pp. 1–16. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.324.971&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 01.02.2018)
11. *Williamson O.E.* Transaction Cost Economics / *R.S. Willig*, Handbook of Industrial Organization. Amsterdam, New York, Oxford, Tokyo: North Holland, 1990. pp. 135–182
12. *Портер М.* Конкурентное преимущество: Как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость. 3-е изд.: пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2008. 715 с.
13. *Quinn J.* Intelligent Enterprise: a Knowledge and Service Based Paradigm for Industry. New York: The Free Press, 1992. 354 p.
14. *Teece D., Pisano G. and Shuen A.* Dynamic Capabilities and Strategic Management // *Strategic Management Journal*. August 1997. 18 (7), pp. 509–533. DOI: [https://doi.org/10.1002/\(sici\)1097-0266\(199708\)18:7<509::aid-smj882>3.0.co;2-z](https://doi.org/10.1002/(sici)1097-0266(199708)18:7<509::aid-smj882>3.0.co;2-z)
15. *Blau Peter M.* On the Nature of Organizations. New York: John Wiley & Sons, 1974
16. *Thorelli H.* Networks: Between Markets and Hierarchies // *Strategic Management Journal*. 1986. Vol. 7 (1), pp. 37–51. DOI: <https://doi.org/10.1002/smj.4250070105>
17. *Morgan R., Hunt S.* The Commitment-Trust Theory of Relationship Marketing // *Journal of Marketing*. 1994. Vol. 58 (3). pp. 20–38. DOI: [10.2307/1252308](https://doi.org/10.2307/1252308)
18. *Khanna T., Palepu K.G., Bullock R.J.* Winning in Emerging Markets: a Road map for Strategy and Execution. Boston: Harvard Business Press, 2010. 272 p.
19. *North D., Wallis J.* Integrating Institutional Change and Technical Change in Economic History: A Transaction Cost Approach // *Journal of Institutional and Theoretical Economics (Zeitschrift fur die gesamte Staatswissenschaft)*, 1994. Vol. 150. No. 4. pp. 609–624. URL: <https://www.jstor.org/stable/40751753>

Об авторе

Стапран Дмитрий Андреевич, докторант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (119571, г. Москва, проспект Вернадского, д. 82), Москва, Россия, кандидат исторических наук, **Researcher ID: G-1220-2017, ORCID: 0000-0002-5785-3755**, staprand@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

References

1. Kurbanov A.Kh., Plotnikov V.A. *Outsourcing: History, Methodology, Practice*. Monograph. Moscow: INFRA-M; 2012. 112 p. Available from: <https://search.rsl.ru/ru/record/01006747189> (in Russ.)
2. Moiseeva N.K., Malutina O.N., Moskvina I.A. *Outsourcing in the development of business partnerships*. Monograph. Moscow: Publishing house "Finance and statistics"; 2010. 234 p. (in Russ.)
3. Kurbanov A.Kh. Type-classification of factors providing transfer to outsourcing in oil and gas industry. *Issues of economy and management of oil & gas industry*. 2012; (8):12–16 (in Russ.)
4. Volkov V.V., Melnikova E.V. Evaluating the effectiveness of the oil and gas industry. *Modern problems of science and education*. 2014; (3):310 (in Russ.)
5. Samoilenko V.V. Business-models of drilling services and efficiency of oil companies. *Economy and management: journal of applied science*. 2016; 4(132):87–93 (in Russ.)
6. Kotlyarov I.D. Algorithm of outsourcing decision making in oil & gas industry. *Problemy ekonomiki i upravleniya neftegazovym kompleksom*. 2010; (11):33–38 (in Russ.)
7. Sippolaynen A.V. Outsourcing of oil and gas service as an instrument to increase the economic efficiency of Russian oil and gas companies. *Interexpo Geo-Siberia*. 2016; 2(4):250–252 (in Russ.)
8. Metla A.L. Outsourcing in Oil and Gas Sector. *Russian entrepreneurship*. 2007; (7-1):126–129 (in Russ.)
9. Coase R. Nature of the firm. *Economica*. 1937; 4(16):386–405 (in Eng.)
10. Arrow K.J. The Organization of Economic Activity: Issues Pertinent to the Choice of Market versus Non-Market Allocations. Washington DC: Joint Economic Committee of Congress, 1969. pp. 1–16. Available from: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.324.971&rep=rep1&type=pdf> [Accessed 01st February 2018] (in Eng.)
11. Williamson O. E. Transaction Cost Economics. In: R.S. Willig (ed.), *Handbook of Industrial Organization*. Amsterdam, New York, Oxford, Tokyo: North Holland. 1990. pp. 135–182 (in Eng.)
12. Porter M. E. Competitive advantage: Creating and sustaining superior performance. N.Y.: Free Press Publ., 1998. 592 p. (Russ. ed.: Porter, M. Konkurentnoe preimushchestvo: Kak dostich' vysokogo rezul'tata i obespechit' ego ustoychivost'. Moscow: Alpina Publ., 2008. 715 p.)
13. Quinn J. Intellegent Enterprise: a Knowledge and Service Based Paradigm for Industry. New York: The Free Press, 1992. 354 p. (in Eng.)
14. Teece D., Pisano G. and Shuen A. Dynamic Capabilities and Strategic Management. *Strategic Management Journal*. August 1997; 18(7):509–533. Available from: doi:[https://doi.org/10.1002/\(sici\)1097-0266\(199708\)18:7<509::aid-smj882>3.0.co;2-z](https://doi.org/10.1002/(sici)1097-0266(199708)18:7<509::aid-smj882>3.0.co;2-z) (in Eng.)
15. Blau Peter M. On the Nature of Organizations. New York: John Wiley & Sons, 1974 (in Eng.)
16. Thorelli H. Networks: Between Markets and Hierarchies. *Strategic Management Journal*. 1986; 7(1):37–51. Available from: doi:<https://doi.org/10.1002/smj.4250070105> (in Eng.)
17. Morgan R., Hunt S. The Commitment-Trust Theory of Relationship Marketing. *Journal of Marketing*. 1994; 58(3):20–38. Available from: doi:10.2307/1252308 (in Eng.)
18. Khanna T., Palepu K.G., Bullock R.J. *Winning in Emerging Markets: a Road map for Strategy and Execution*. Boston: Harvard Business Press, 2010. 272 p. (in Eng.)
19. North D., Wallis J. Integrating Institutional Change and Technical Change in Economic History: A Transaction Cost Approach. *Journal of Institutional and Theoretical Economics = Zeitschrift fur die gesamte Staatswissenschaft*. 1994; 150(4):609–624. Available from: <https://www.jstor.org/stable/40751753> (in Eng.)

About the author:

Dmitry A. Stapran, doctorate (economy), The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, Prospekt Vernadskogo str., Moscow, 119571), Moscow, Russian Federation, Candidate of Historical Sciences, **Researcher ID: G-1220-2017**, **ORCID: 0000-0002-5785-3755**, staprandam@mail.ru

The author read and approved the final version of the manuscript.

**V МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ-БИЕННАЛЕ
«СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ В ЭКОНОМИКЕ – 2018»
21-23 ноября 2018 года**

В 2018 году конференция проводится при поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-010-20106 г.)

ОРГАНИЗАТОРЫ

- Финансовый университет при Правительстве РФ
- Центральный экономико-математический институт РАН

МИССИЯ: объединение исследователей, занимающихся

- формированием теории социально-экономических систем;
- развитием методологии системных исследований в науках об обществе;
- разработкой методов системного моделирования и управления;
- применением системного подхода при постановке и решении социально-экономических и управленческих задач.

СПИКЕРЫ И ГОСТИ КОНФЕРЕНЦИИ

В работе конференции примут участие российские и зарубежные ученые с мировыми именами из России, Великобритании, Соединенных Штатов Америки и других стран: **Г. Б. Клейнер, Gerald Midgley, George Mobus, И. Н. Дрогобыцкий, В. М. Полтерович, В. Н. Волкова, С. Г. Кирдина, Ю. С. Попков, В. С. Мокий, М. Г. Марача, С. Е. Щепетова, Mark Notturmo, Stuart Ampleby, Dorien De Tombe, О. И. Лаврушин, В. Б. Гисин, С. В. Прокопчина, Б. Б. Славин, Н. М. Абдикеев** и др.

МЕСТО ПРОВЕДЕНИЯ

Финансовый университет при Правительстве РФ
125057, Москва, Ленинградский пр., 51/1, Россия

КОНТАКТЫ

+7 (499) 277 21 31 (Кафедра «СавЭ»)
+7 (917) 560 88 22 (Светлана Николаевна)
+7 (985) 724 11 22 (Ольга Густавовна)
<http://sae.systemeconomics.ru/>
e-mail: sae@fa.ru

УДК 332.1; 316.422
JEL: C15, C82, C93, J11, L52, O21, R23

DOI: 10.18184/2079-4665.2018.9.3.380-415

Проблемы разработки и реализации стратегических программ научно-технологического развития в регионах РФ: социально-организационные барьеры

(по материалам дистанционного исследования в 14 регионах страны с разным уровнем социокультурной модернизации)

Александр Васильевич Тихонов¹, Владимир Сергеевич Богданов²,
Андрей Александрович Мерзляков³, Ксения Эльдаровна Гусейнова⁴

¹⁻⁴ Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Москва, Россия

117218, г. Москва, ул. Кржижановского д. 24/35, корп. 5

E-mail: alvast39@mail.ru¹, valarf@mail.ru², merzliakov@mail.ru³, liksedar@mail.ru⁴

Поступила в редакцию: 27.08.2018; одобрена: 10.09.2018; опубликована онлайн: 28.09.2018

Аннотация

Цель: Обоснование актуальности социологического исследования проблем, связанных с возникновением социально-организационных барьеров в процессе реализации Стратегий научно-технологического развития (СНТР) в регионах с различным уровнем социокультурной модернизации, а также оценка их готовности к инновационной деятельности по отдельным критериям и элементам инновационной и технологической систем.

Методология проведения работы: Методология исследования – принципы логико-математического обоснования получения нового знания: от постановки практически значимой проблемы до эмпирической интерпретации используемых понятий и нового результата. Элементами программы исследования являются: проблема, объект, предмет, гипотезы, цели и задачи, а методическим приемом – использование эмпирических шкал для проверки гипотез и обоснования результатов. Основным методом сбора первичных данных является их дистанционное получение с официальных сайтов руководства отобранных регионов.

Результаты работы: Получено доказательство о возможностях более полного использования потенциала обратной связи в региональных системах управления при разработке Стратегических документов и их реализации. Показано, что основная причина появления социально-организационных барьеров в том, что интересы центральных отраслей и ведомств сегодня устойчиво преобладают над интересами пространственного развития регионов с разным уровнем социокультурной модернизации, а значит и с решением задач повышения уровня социального благосостояния значительных слоев населения, предусмотренных в майских Указах Президента РФ.

Выводы: Возможности социологического сопровождения подготовки и реализации Стратегических документов, продемонстрированные авторами на материале дистанционного анализа работы над сценариями реализации инновационной политики СНТР РФ в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации, дает предварительную, но все же убедительную картину организации этого процесса, что может быть учтено центральными и местными органами власти и управления на следующих этапах работы над Стратегическими документами.

Ключевые слова: стратегия научно-технологического развития, регионы РФ, уровень социокультурной модернизации, социально-организационные барьеры, инфо-коммуникативные барьеры, дистанционный мониторинг, дистанционные методы исследований, оценка реализации стратегий

Благодарность. Статья выполнена в рамках Программы Президиума РАН на 2018 год № 21 «Прогноз реализации стратегии научно-технологического развития России»

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов, в том числе, связанного с финансовой поддержкой в рамках Программы Президиума РАН на 2018 год № 21 «Прогноз реализации стратегии научно-технологического развития России»

Для цитирования: Тихонов А. В., Богданов В. С., Мерзляков А. А., Гусейнова К. Э. Проблемы разработки и реализации стратегических программ научно-технологического развития в регионах РФ: социально-организационные барьеры // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2018. Т. 9. № 3. С. 380–415. DOI: 10.18184/2079-4665.2018.9.3.380-415

© Тихонов А. В., Богданов В. С., Мерзляков А. А., Гусейнова К. Э., 2018

Development and Implementation Problems of Scientific and Technological Progress Strategic Programs in the Russian Federation Regions: Social and Organizational Barriers

(based on the remote study in 14 regions of the country
with different levels of socio-cultural modernization)

Alexander V. Tikhonov¹, Vladimir S. Bogdanov²,
Andrey A. Merzlyakov³, Ksenia E. Guseinova⁴

¹ Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
24/35, korpus 5, Krzhizhanovskogo Street, Moscow, 117218

E-mail: alvast39@mail.ru¹, valarf@mail.ru², merzlyakov@mail.ru³, liksedar@mail.ru⁴

Submitted 27.08.2018; revised 10.09.2018; published online 28.09.2018

Abstract

Purpose: substantiation of sociological research problems associated with the socio-organizational barriers appearance in the implementation of scientific and technological development Strategies (SSTD) in regions with different levels of socio-cultural modernization and their readiness assessment to innovate according to innovation and technological systems criteria and elements.

Methods: research methodology is the principles of logical and mathematical justification of obtaining new knowledge: from the formulation of a practically significant problem to the empirical interpretation of the used concepts and the new result. The elements of the research program are the problem, object, subject, hypotheses, goals and tasks, and the methodological method is to use of empirical scales to test hypotheses and substantiate the results. The main method of collecting primary data is to obtain them remotely from the selected regions official websites.

Results: to get the proof of the possibilities of more full use of the feedback potential in the regional management systems in the development of Strategic documents and their implementation. It is shown that the main reason for the appearance of socio-organizational barriers is that the interests of central industries and departments today consistently prevail over the of spatial development regions interests with different levels of socio-cultural modernization.

Conclusions and Relevance: sociological support Opportunities of Strategic documents preparation and implementation gives a preliminary, but still convincing picture of this process organization. It can be taken by central and local authorities in Strategic documents next stages.

Keywords: strategy of scientific and technological development, regions of the Russian Federation, the level of socio-cultural modernization, socio-organizational barriers, information and communication barriers, remote monitoring, remote research methods, evaluation of strategies

Acknowledgments. The article was wrote by the Presidium of RAS program for 2018 № 21 «Forecast of the Russia scientific and technological strategy development implementation»

Conflict of Interes. The author(s) declares that there is no Conflict of Interest, including those related to the financial support of the Presidium of RAS program for 2018 № 21 «Forecast of the Russia scientific and technological strategy development implementation»

For citation: Tikhonov A. V., Bogdanov V. S., Merzlyakov A. A., Guseinova K. E. Development and Implementation Problems of Scientific and Technological Progress Strategic Programs in the Russian Federation Regions: Social and Organizational Barriers. *MIR (Modernizatsiia. Innovatsii. Razvitie) = MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2018; 9(3):380–415. DOI: 10.18184/2079–4665.2018.9.3.380–415

Введение

«Социология управления», как отраслевая научно-исследовательская дисциплина, исходит из необходимости рассмотрения систем управления во взаимодействии всего набора социальных субъектов, участвующих в принятии и реализации решений. При этом учитывается, что в этих системах время от времени возникают явные и латентные конфликты интересов, препятствующие их полноценному функционированию. При изучении практики разработки и реализации тех или иных Стратегий развития отраслей, научной сферы или территорий, логично рассматривать признаки таких рассогласований как препятствия или барьеры их выполнения. С практической стороны такой под-

ход позволяет не просто описывать сбои в системе управления, но и выявлять их причины, своевременно снимать и корректировать последствия за счет эффективной организации обратной связи. При репрезентативном массиве специально подготовленных экспериментальных данных появляется возможность разработки социальных технологий для упреждения таких сбоев. В этой связи в статье первоначально рассматриваются методологические вопросы исследования, в которые входит обоснование отбора регионов с разным уровнем социокультурной модернизации и готовности регионов к инновационной деятельности: по критериям разработанности общих стратегических документов и отдельных элементов инновационной и техноло-

гической систем с позиции решения задач Стратегии научно-технологического развития РФ¹. Далее представляются предварительные данные о типах барьеров, препятствующих реализации целей и задач Стратегий научно-технологического развития (СНТР) в регионах с различным уровнем социокультурной модернизации. К ним относятся барьеры, связанные с информационно-коммуникативными каналами обратной связи и с механизмами контроля реализации целей и задач СНТР. В итоге предоставляется возможность представить общую конфигурацию барьеров, деформирующих процесс реализации стратегических инновационных и научно-технологических программ в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации.

Обзор литературы и исследований. Решение поставленной задачи логично вписывается в контекст научно-исследовательской работы Центра социологии управления ИС РАН. Теоретико-методологическим основанием представленного исследования послужили работы А.С. Ахиезера [1], Е.Ш. Гонтмахера [2], М.К. Горшкова [3], А.П. Давыдова [4], Н.И. Лапина [5] и А.В. Тихонова². В 2017 году Центр подвел итоги по теме «Гражданская экспертиза проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в контексте процессов социокультурной модернизации регионов: от мониторинга состояний до прогнозного проектирования» (грант РНФ № 15-18-30077) [6]. В рамках этого исследования были изучены возможности и способности отечественной властно-управленческой вертикали (органов власти и управления от федерального до муниципальных уровней) отвечать на возникающие внутренние и внешние вызовы, решать конкретные социально-экономические проблемы регионов, а также интегрироваться в единое организационно-управленческое пространство стратегических решений. Для уточнения концептуальных подходов и решения содержательных задач авторы обратились к опыту группы ЦИСИ Института философии РАН, которая, в свою очередь, на основе адаптированного и модернизированного китайского опыта Центра исследования модернизации Китайской академии наук (под руководством Хэ Чуаньци) [7], изучала процессы социокультурной модернизации в 85-ти регионах РФ и издала фундаментальный труд «Атлас модернизации России и ее регионов» [8]. Важ-

ную роль сыграли также работы О.В. Аксеновой [9] и Н.Е. Тихоновой [10]. Из иностранных источников, помимо Хэ Чуаньци, следует особо отметить работы Э. Гидденс [11], Д. Блея, Дж. Лафферти [12], Дж. Колемана [13], П. Геддса [14], которые позволили сопоставить теоретико-методический подход авторов статьи к проблемам Стратегий с работами известных зарубежных исследователей.

Материалы и методы. Ниже представлены основные элементы программы исследования: цель, метод, объект, предмет и гипотезы исследования. Исследование запланировано на три ближайших года. *Цель* первого этапа исследования (2018 г.) – выявление барьеров на пути реализации Стратегии научно-технологического развития (СНТР) страны, разрабатываемых в соответствии с Указом Президента РФ от 2016 г. Основным *методом* стало дистанционное обследование официальных сайтов руководства отобранных регионов.

Объектом дистанционного исследования является реальный контент, размещенный на широко доступных населению официальных сайтов Правительств 14-ти регионов РФ, сгруппированных по уровням их социокультурного развития: высокий, средний, ниже среднего и низкий. Дано обоснование отнесению регионов к одному из этих уровней. Предметом выступают свидетельства о нарушениях региональными органами власти процедур разработки и реализации стратегических планов в части научно-технологического развития регионов, а также о деформациях в системе обратной связи в работе с различными группами населения в ходе их реализации. В качестве барьеров рассматриваются различные нарушения процедур разработки и реализации СНТР и, прежде всего, такие как степень вовлечения различного рода специалистов и широких слоев населения к участию в разработке и реализации Стратегий и планов научно-технологического развития регионов. Общая гипотеза состоит в том, что на пути процедур разработки и реализации стратегических планов возникают серьезные трудности, за которыми стоят интересы и позиции тех или иных социальных групп, препятствующих или содействующих их осуществлению. Они отражают как противоречия общего характера (в частности, отношения с центром, между регионами и внутри регионов), так и уровень развития социальной организации каждого из регионов, что проявляется в

¹ Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Электрон. Дан. Официальные сетевые ресурсы Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449> (дата обращения: 10.08.2018)

² Тихонов А.В. Проблема реформирования системы управления в стране: к истории разработки исследовательской программы // Вестник Института социологии. 2018. С. 10–26

характере использования механизмов обратной связи с населением (от бизнес-групп и специалистов до местной общественности и рядовых граждан).

На этом этапе исследования проверялось предположение о том, что на разработку и реализацию стратегических решений инновационного и научно-технологического развития наибольшее влияние оказывает уровень модернизации самих регионов, а с этим и уровень заинтересованности руководства регионов в инновациях. В качестве следствия рассматривалось предположение, что влияние системы управления в регионах на разработку и реализацию стратегий не только сопоставимо с фактором уровня модернизации территорий, но последний и сам может весьма заметно влиять на показатели разработки и реализации стратегических документов.

Специфика этого этапа исследования состояла в том, чтобы получить предварительные данные о существовании тех или иных барьеров косвенно, путём дистанционного анализа контента официальных сайтов администрации и других участников ин-

фо-коммуникативных связей, имеющих отношение к подготовке и принятию стратегических решений в регионах. На основе имеющегося опыта исследования проблем стратегического развития регионов было гипотетически выделено 6 типов таких барьеров, которые не только усложняют решение поставленных задач, но и порождают непредвиденные последствия. Актуальность выхода на конкретные региональные площадки для исследования барьеров определяется проблемой реализации двух главных стратегических документов в стране на данный момент: «Стратегия социально-экономического развития региона до 2020/2030 гг.»³ и «Стратегия научно-технологического развития».

Одной из многочисленных типологий (на основе комплекса социокультурных признаков состояния и развития территорий) была принята и использована типология на основе уровня социокультурной модернизации, сочетающей критерии индустриальной и информационной развитости. Мы смогли охватить исследованием следующие 12 регионов с различным уровнем таким образом понимаемой социокультурной модернизации (табл. 1).

Таблица 1

Субъекты федерации (регионы), попавшие в выборку исследования⁴: 2018 г.

Table 1

The Russian Federation regions, in the sample of the study: 2018

№ п/п	Название региона	Статус субъекта федерации	Федеральный округ	Экономический район	Географическая зона	Уровень социокультурной модернизации
1	Республика Башкортостан	Республика	Приволжский	Уральский	Средняя полоса	3
2	Республика Дагестан	Республика	Северо-Кавказский	Северо-Кавказский	Юг	(1)
3	Республика Калмыкия	Республика	Южный	Поволжский	Юг	(1)
4	Республика Саха (Якутия)	Республика	Дальневосточный	Дальневосточный	Север	4
5	Амурская область	Область	Дальневосточный	Дальневосточный	Средняя полоса	2
6	Белгородская область	Область	Центральный	Центрально-Чернозёмный	Средняя полоса	(1)
7	Вологодская область	Область	Северо-Западный	Северный	Север	2
8	Московская область	Область	Центральный	Центральный	Средняя полоса	6
9	Нижегородская область	Область	Приволжский	Волго-Вятский	Средняя полоса	6
10	Омская область	Область	Сибирский	Западно-Сибирский	Средняя полоса	3
11	Свердловская область	Область	Уральский	Уральский	Средняя полоса	5
12	Смоленская область	Область	Центральный	Центральный	Средняя полоса	2

³Федеральный закон РФ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Электрон. Дан. Официальные сетевые ресурсы Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38630> (дата обращения: 05.08.2018)

⁴Примечания к таблице: 1) В настоящее время органами статистики России используется деление территории РФ на 12 экономических районов. Общероссийский классификатор экономических регионов (ОКЭР) поддерживается Минэкономразвития РФ (Общероссийский классификатор экономических регионов ОК 024-95 (ОКЭР) утвержден пост. Госстандарта РФ от 27 декабря 1995 г. № 640, в ред. изм. № 1, ноябрь 1998 г., с изм. и доп. № 2/99, № 3/2000, № 4/2001, № 5/2001); 2) Оценки уровней социокультурной модернизации взяты из названных выше трудов *Н.И. Лапина* и его соавторов или указаны им лично; оценки в скобках взяты с Карты-схемы модернизации регионов России (2010 г.): См. <http://ecsocman.hse.ru/data/2013/01/28/1251412165/Lapin.pdf> (дата обращения: 25.07.2018)

В настоящем исследовании эта работа была продолжена с отобранными регионами, но к ним были добавлены к ним еще два – Томская и Новосибирская области, которые были выбраны в качестве пилотных регионов по реализации стратегии научно-технологического развития России, где, собственно, будут отработываться две разные модели реализации стратегии⁵. Эти две области, по показателям ЦИСИ ИФ РАН, относятся к группе регионов самого высокого уровня модернизированности, с фазой роста вторичной модернизации.

Для всех 14-ти выделенных таким образом субъектов РФ, особенно для территорий с высоким и средним уровнем модернизации, стратегия научно-технологического развития регионов становится основой ожидаемого рывка в инновационном развитии всей страны. Подобные ожидания подкрепляются и тем, что четыре года назад в России был принят Федеральный Закон о стратегическом планировании⁶, который призван организовать процесс регулирования взаимоотношений между всеми участниками этого сложного процесса. В Законе были определены документы стратегического планирования, которые регламентируют деятельность на направлениях, связанных с повышением качества жизни, укреплением и развитием интеллектуального потенциала России, формированием инструментов для ответов на так называемые большие вызовы. В их числе и Стратегия научно-технологического развития России. Это документ федеральный и его первоочередная роль – обеспечить фундаментальную долгосрочную взаимосвязь вопросов национальной безопасности, территориальной целостности и социально-экономического развития страны. *Авторское дистанционное исследование было призвано проверить возможность обеспечения социолого-управленческого сопровождения реализации заявленной стратегии и вытекающих из нее стратегических планов.* Тем более, в документе Стратегии зафиксирована важность организации консолидированной реализации, а именно, он гласит, что «Стратегии необходима консолидация усилий федеральных органов государственной власти, органов государственной власти

субъектов Российской Федерации, научно-образовательного и предпринимательского сообществ, институтов гражданского общества по созданию благоприятных условий для применения достижений науки и технологий в интересах социально-экономического развития России». Это свидетельствует о том, что назрела необходимость комплексного междисциплинарного подхода к разработке и реализации отраслевых документов стратегического планирования в области научно-технологического развития страны, государственных программ Российской Федерации, государственных программ субъектов Российской Федерации, а также плановых и программно-целевых документов государственных корпораций.

Проведение экспертизы барьеров в этой связи позволяет получить более полную картину роли и характера участия региональных органов власти и управления и всех заинтересованных стейкхолдеров в решении стратегических задач регионов с разным уровнем модернизации.

Центр социологии управления и социальных технологий ИС РАН имеет более чем десятилетний опыт апробации и проведения дистанционных исследований проблем управления. В рамках организации и проведения 5-ти научно-исследовательских проектов по программе Президиума РАН (2006–2017 гг.) в Центре была сформирована и успешно апробирована технология дистанционного мониторинга разработки и реализации управленческих решений в практике отраслевых структур и органов государственного управления в субъектах РФ. Дистанционный мониторинг представляет собой познавательные ориентированные процедуры, позволяющие получать предварительную (фоновую) информацию о проблемной ситуации в системе управления на бесконтактной (сетевой) основе, а также выявлять потенциал субъектности (активности социальных групп) для участия в принятии и реализации управленческих решений. Основные результаты авторских научно-исследовательских работ и апробации элементов дистанционного мониторинга проблем отраслевого и государственного управления отражены в научных публикациях в профильных журналах⁷.

⁵ Томская область проработала свою модель реализации стратегии ИТР <https://www.riatomsk.ru/article/20180425/strategiya-ntr-tomskaya-oblasti/>

⁶ Федеральный закон от 28.06.2014 г. № 172-Ф «О стратегическом планировании в Российской Федерации» <http://www.kremlin.ru/aacts/bank/38630>

⁷ ИНАБ. 2012. №1. Конкурентоспособность отечественных ИТ-компаний (по материалам интерактивного исследования) [Электронный ресурс]. М.: Институт социологии РАН, 2012. 53 с. URL: http://www.isras.ru/inab_2012_01; Тихонов А.В., Богданов В.С., Мерзляков А.А. Опыт дистанционного анализа реализации кластерной политики в региональном и отраслевом аспектах // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2014. № 4 (20). С. 52–65; Кластерная политика в Российской Федерации: региональные и отраслевые аспекты (по материалам интерактивного исследования 2012–2014 гг.) [Электронный ресурс] / отв. ред. А.В. Тихонов. Электрон. текст. дан. М.: Институт социологии РАН, 2015. 104 с.; Тихонов А.В., Мерзляков А.А., Богданов В.С. Реализация кластерной политики в регионах РФ (семинар по результатам исследования) // Вестник Института социологии. 2015. № 14. С. 140–157; Богданов В.С., Гусейнова К.Э., Мерзляков А.А., Тихонов А.В. Организационно-методологические аспекты дистанционного мониторинга реализации

На основе опыта проведения дистанционного мониторинга в регионах РФ авторами разработана и использована модель Комплексного Интерактивного Продукта (КИП) дистанционного сбора и анализа данных, поддерживающая полный цикл исследовательских работ – от диагностики проблемы управления до проектирования.

КИП подразумевает реализацию пяти исследовательских этапов:

1. Поисковый (метод «электронного респондента»);
2. Экспертный (экспертный он-лайн опрос);
3. Уточняющий (он-лайн опрос интегрированных экспертных оценок);
4. Консолидированный анализ данных всех этапов;
5. Разработка системы дистанционного мониторинга реализации управленческих решений.

В цикле реализации исследовательских этапов КИП на первое место выходит дистанционное поисковое исследование, реализуемое при помощи метода «электронного респондента» (ЭР). В основу метода ЭР положен классический в социологии метод контент-анализа, который в модернизированном виде представляет собой контент-аналитическую процедуру фактического счета актуализированной информации, отвечающую целям и задачам исследовательского проекта. В этом ключе контент официальных сайтов выступает одновременно и как «электронный респондент», и как электронный инструмент управления. На этом основании в настоящем исследовании принято решение провести поисковое он-лайн исследование инфо-коммуникативных и административно-организационных барьеров, возникающих при выполнении стратегических решений научно-технологического развития в 14-ти вышеуказанных регионах РФ.

Результаты исследований

Дистанционная оценка готовности регионов к инновационной деятельности по критериям работанности общих стратегических документов и отдельных элементов инновационной и технологической систем

Дистанционная оценка готовности регионов к инновационной деятельности находит конкретное выражение в последовательной подготовке и реализации ряда основополагающих документов: концепции, стратегии и программы.

На первом этапе разработки стратегических документов происходит концептуализация будущего решения, т.е. общие наброски получают обоснование и упаковываются в документ под названием Концепция. В случае инновационного и научно-технологического развития, этот документ призван обеспечить идейную проработку проблемы инновационного развития региона, с участием в этом процессе всех заинтересованных сторон, и заключается в обосновании актуальности такой модернизации, выделения оснований и т.п. За Концепцией должна последовать разработка документа под названием Стратегия, реализацией которой в идеале является «общественное согласие» власти, бизнеса, научного сообщества и населения в отношении перспектив развития инновационной и производственной сферы региона. По факту, это документ, содержащий анализ целевых проблем инновационного и промышленного развития региона, выбор сценариев развития, определение инструментария и механизмов стратегических решений (инновационная политика, инвестиционная политика, ГЧП и т.д.). На основе Концепции и Стратегии региональные заинтересованные стороны должны разработать и осуществить запуск Программы инновационного, технологического и промышленного развития региона, в которой предполагается отражение специально разработанного комплекса мероприятий для реализации стратегии развития региона (указываются участники, конкретные мероприятия, сроки выполнения мероприятий, средства исполнения). Если рассмотреть табл. 2, то можно увидеть, что ни один из регионов не следовал этой логике, прослеживались лишь парные элементы управленческого цикла «концепция–программа» и «стратегия–программа», да и то только в регионах со средним и высоким уровнем модернизации. Например, на сайте Правительства Московской области, лидера в группе высокого уровня модернизации, ни один из названных элементов не был найден, имеется только Распоряжение от 26 декабря 2016 г. № 446-РП «О приоритетных для Московской области направлениях развития науки, технологий и техники».

В двух других регионах с высоким уровнем модернизации концепция инновационного развития получила свою дальнейшую реализацию, а именно, в Свердловской области – в Программе развития инноваций и промышленности, в Нижегородской – в Государственной Программе «Развитие промышленности и инноваций Нижегородской области».

кластерной политики в региональном и отраслевом аспектах (по материалам дистанционного исследования) // Научный результат. Серия: Социология и управление. 2016. Т. 2. № 1 (7). С. 41–56; Тихонов А.В., Богданов В.С., Почестнев А.А. Экспертная оценка потенциальных точек роста народного хозяйства регионов РФ и условий их развития // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2017;8(2(30)):286–296. DOI:10.18184/2079-4665.2017.8.2.286-296

Таблица 2

Уровень разработанности стратегических документов инновационного развития в регионах

Table 2

The level of innovative strategic documents development in the regions

Уровень модернизации региона*	Регионы	Документы инновационного и промышленного развития регионов				Доли стратегических инновационных документов на группы регионов с разным уровнем модернизации
		Концепция инновационного развития региона	Стратегия инновационного развития региона	Программа развития инноваций и промышленности (план мероприятий, паспорт проекта с указанием конкретных мероприятий, дорожная карта)	Другие документы, определяющие инновационную и реиндустриальную политику региона	
Высокий	Московская область				+	50%
	Нижегородская область	+		+		
	Свердловская область	+		+		
	Новосибирская область		+	+		
	Томская область		+	+		
Средний	Республика Башкортостан			+		23%
	Республика Саха (Якутия)	+		+		
	Омская область				+	
Ниже среднего	Амурская область	+			+	16%
	Белгородская область				+	
	Вологодская область					
Низкий	Республика Дагестан			+		11%
	Республика Калмыкия					
	Смоленская область		+			
Итого		4	3	5	5	100%

* Градация регионов представлена с учетом оценки общего уровня модернизации регионов на 2012 г. по шкале «социокультурной модернизации» Н.И. Лапина, приведенная к 4 уровням («высокий», «средний», «ниже среднего», «низкий») [5] Составлено авторами по материалам анализа контента официальных сайтов 14-ти субъектов РФ, 2018 г.

Compiled by the authors on the analysis of the content of official websites of 14 constituent entities of the Russian Federation, 2018

В пилотных регионах, где предполагались разработки модели научно-технологического развития, также выявлены только парные элементы рационального управленческого цикла «стратегия–программа» – в Новосибирской области «Стратегия инновационного развития Новосибирской области на период до 2030 года» – Программа реиндустриализации экономики Новосибирской области до 2025 года, в Томской области Инновационная стратегия Томской области – Государственная программа «Развитие инновационной деятельности и науки в Томской области». Если говорить про группу со средним уровнем модернизации, то только в Республике Саха (Якутия) был выявлен парный элемент «концепция–программа», в других областях этой группы на официальных сайтах Правительств обнаружены только единичные документы, не направленные на создание полноценной инновационной инфраструктуры региона.

В других группах, с более низким уровнем модернизации, концепция инновационного развития

региона имеется только в Амурской области, где она нормативно подкреплена Законом Амурской области от 31.08.2007 № 365-ОЗ «Об инновационной деятельности в Амурской области». В Смоленской области, из той же низкой группы модернизации, разработана только стратегия инновационного развития. В Белгородской области существует документ иного содержания, под названием «Инновационный сценарий развития Белгородской области на 2013–2015 годы и на период до 2020 года». В Республике Дагестан, без основополагающих документов концепции и стратегии, реализуется Государственная программа республики Дагестан «Развитие научно-технического и инновационного потенциала республики Дагестан на 2014–2018 годы».

Если в целом оценивать готовность регионов к инновационной деятельности в контексте наличия концептуально обоснованного подхода и стратегических документов, то большая часть логично приходится на группы с высоким и средним уровнем мо-

дернизации (50 и 23%). Меньшая готовность в этом отношении характерна для групп с низким и ниже среднего уровнем модернизации (11 и 16%).

Подобная ситуация с готовностью регионов к инновационной деятельности просматривается и в части функционирования региональных элементов инновационной и технологической системы, большая часть которых приходится на группы с высоким и средним уровнем модернизации (41 и 26%). Соответственно, меньшая доля зафиксирована в областях с низким и ниже среднего уровня модернизационного развития (14 и 20%). В регионах прослеживается тенденция, связанная с созданием тех элементов инновационной системы, которые востребованы и поддерживаются государственными программами, а именно, технопарки, кластеры и инновационные инкубаторы (табл. 3). Финансирование технопарков обеспечивалось государством с 2006 года в рамках комплексной программы «Создание в Российской Федерации технопарков в сфере высоких технологий»⁸. Процесс создания и поддержки инновационных кластеров запущен в 2008 году, с появлением документа «Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации (Министерство экономического развития РФ)» и последовавшего за ним конкурса Минэкономразвития РФ (2012 г.) по отбору пилотных инновационных кластеров⁹. А в 2017 году принят Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 216-ФЗ «Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Поддержка инновационных инкубаторов и лабораторий осуществляется профильными министерствами и федеральной программой фундаментальных научных исследований в РФ.

Однако реализацию намеченных мероприятий по государственной поддержке инновационных элементов деформирует целый ряд организационно-управленческих и административных барьеров. Допустим, как отмечает Решетов К.Ю. при изучении проблем развития технопарков в России [15],

этот вид инновационной инфраструктуры стал скорее системным элементом по бесконтрольному выкачиванию средств из федерального бюджета: «имеющийся уровень поддержки деятельности технопарков в России пока не позволил им продемонстрировать удовлетворительные результаты своей деятельности. Ввиду этого на государственном уровне планируется пересмотр и лишение финансирования тех технопарков, деятельность которых была неэффективной¹⁰. Представляется, что система финансирования технопарков может быть эффективной лишь при условии систематического и постоянного мониторинга использования выделяемых им финансовых ресурсов» [15]. И далее в качестве главных проблем автор отмечает следующие: «...во многих регионах проблемы создания технопарков связаны с несогласованностью решений между различными органами региональной власти, сложностями организационного характера. Преодоление этих проблем должно быть основано на системном подходе, выработке унифицированных решений, разработке стандартной схемы сотрудничества при создании технопарков» [15].

Подобное происходит и с кластерами инновационного развития. Как только на федеральном уровне было объявлено о перспективах государственной поддержки этих элементов, все регионы бросились шаблонно готовить заявки на получение средств под реализацию инновационных кластеров. На момент запуска этой государственной инициативы авторам удалось установить в конкретном исследовании¹¹, что из 83-х регионах только в 30-ти были созданы и функционировали инновационно-технологические кластеры. По степени их готовности они распределялись следующим образом:

- высокий уровень готовности – 9%,
- выше среднего уровень готовности – 13%,
- средний уровень готовности – 7%,
- ниже среднего уровень готовности – 8%,
- низкий уровень готовности – 63%.

То есть большинство кластеров заходило на конкурс с минимальной степенью готовностью. Это

⁸ Комплексная программа «Создание в Российской Федерации технопарков в сфере высоких технологий» утверждена распоряжением Правительства РФ от 10.03.06 № 328-р. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://minsvyaz.ru/ru/doc/?id_4=178; Информационная справка по технопаркам [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nptechtopark.ru/documents/informatsionno-analiticheskiy dokumenty>

⁹ По результатам проведенного конкурса из 94 заявок были отобраны 25 кластеров, которым Поручением Правительства Российской Федерации от 28 августа 2012 г. № ДМ-П8-5060 был присвоен соответствующий статус

¹⁰ 2,7 млрд. рублей на технопарки поделят заново [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.cnews.ru/top/2013/03/29/27_mlr_d_rubley_na_tehnoparki_podelyat_zanovo_524057

¹¹ Тихонов А.В., Богданов В.С., Мерзляков А.А., Гусейнова К.Э. ИНАБ. 2015. № 1. Кластерная политика в Российской Федерации: региональные и отраслевые аспекты (по материалам интерактивного исследования 2012-2014 гг.) [Электронный ресурс] / отв. редактор А.В. Тихонов. Электрон. текст. дан. М.: Институт социологии РАН, 2015. 104 с.

Таблица 3

Table 3

Наличия элементов региональной инновационной и технологической системы

Availability of regional innovation and technology system elements

Уровень модернизации региона *	Регионы	Элементы инновационного и промышленного развития регионов										Доли инновационных и технологических элементов региона на группы регионов с разным уровнем модернизации						
		техно-парки	включенность в Технологические платформы РФ	взаимодействие с крупными исследовательскими научными центрами	осуществляется взаимодействие отраслевых центров научно-технологического прогнозирования (внутри и за пределами региона)	на территории региона функционируют кластеры инновационного, промышленного развития	взаимодействие с инновационными венчурными фондами	инновационные инкубаторы и лаборатории	центры трансфера технологий, инжиниринговые центры									
Высокий	Московская область	+	+	+		+												
	Нижегородская область	+								+		+						
	Свердловская область	+	+	+	+					+		+						
	Новосибирская область	+		+						+		+		+				
	Томская область	+	+	+	+					+		+		+				
Средний	Башкортостан	+																
	Республика Саха (Якутия)	+	+	+						+		+						
	Омская область	+								+		+		+				
Ниже среднего	Амурская область	+							+									
	Белгородская область	+																
	Вологодская область																	
Низкий	Республика Дагестан	+																
	Республика Калмыкия																	
	Смоленская область		+	+	+				+									
	Итого	11	2	6	3	12	6	12	6	12	3	3	6	12	3			100%

* Градация регионов представлена с учетом оценки общего уровня модернизации регионов на 2012 г. по шкале «социокультурной модернизации» Н.И. Лапина, приведенная к 4 уровням «высокий», «средний», «ниже среднего», «низкий» [5]

Составлено авторами по материалам анализа контента официальных сайтов 14-ти субъектов РФ, 2018 г.

Compiled by the authors on the analysis of the content of official websites of 14 constituent entities of the Russian Federation, 2018

подтверждают и данные Минэкономразвития: по результатам конкурса отбора пилотных инновационных кластеров из 94-х заявок были отобраны 25 кластеров, которым Поручением Правительства Российской Федерации от 28 августа 2012 г. № ДМ-П8-5060 был присвоен соответствующий статус.

Отдельно следует заметить, что в регионах с высоким и средним уровнем модернизации продолжают попытки выстроить локальную региональную систему инновационной структуры, которая бы позволила эффективно реализовывать инновационные идеи путем взаимодействия с крупными исследовательскими научными центрами, обеспечивать необходимое финансирование этих идей из инновационных венчурных фондов. Только в трех областях было зафиксировано наличие сопровождения инновационных идей до этапа создания опытных образцов продукции и внедрения в производство при помощи инжиниринговых центров и трансфера технологий. В Новосибирской области это Центр прототипирования приборостроительного направления и Центр прототипирования медицинского направления. В Республике Башкортостан – Центр трансфера технологий, центр коллективного пользования научным оборудованием «Агидель», технологические центры субъектов малого предпринимательства. В Омской области заявлено, что основными организациями инновационной инфраструктуры региона станут: технопарк, инвестиционные и венчурные фонды, центры трансфера технологий. О включенности в конкретные технологические платформы на сайтах Правительств заявляют 5 регионов, из них три – с высоким уровнем модернизации (Московская, Свердловская, Томская области) и по одному из групп со средним и низким уровнем модернизации (Республика Саха (Якутия) и Смоленская область). В Белгородской области региональное сообщество самостоятельно пытается создать условия для инновационного предпринимательства на базе Фонда БИИС (Белгородская интеллектуально-инновационная система). В Нижегородской области функционирует региональный венчурный фонд обеспечения инновационной деятельности в регионе.

Можно заметить, что в разных регионах создаются какие-либо уникальные элементы поддержки региональной инновационной деятельности, которые, однако, не дают системного эффекта и унифицированного подхода к решению комплексных задач по созданию универсальной инновационной системы, которая как обеспечивала бы стабильную работу региональной инновационной инфраструктуры, так и позволяла бы организовывать эффективные связи между инновационными элементами по стране в целом.

Более решительные шаги в этом направлении остаются за высоко модернизированными реги-

онами, которые, по сути, определяют актуальную долю субъектов РФ (63%), имеющих выход на новые рынки за счет инновационных идей, инновационных продуктов и технологий (табл. 4). Все регионы этой группы заявляют на сайтах Правительств о такой возможности вхождения в конкурентоспособное пространство взаимодействия.

Выход в поле новых рынков за счет инновационных услуг предполагают только Свердловская и Новосибирская области. Из группы модернизации ниже среднего уровня только Амурская область свидетельствует о том, что пытается выходить на рынки за счет предложений инновационных услуг.

Что касается регионов среднего уровня модернизации, то их структура предложений инновационного характера, конечно же, уступает регионам из группы высокой модернизации. Так, Республика Башкортостан и Омская область позиционируют выход на рынок только за счет каких-либо инновационных идей и технологий, а Республика Саха (Якутия) – на основе идей и продуктов. Белгородская и Амурская области, из группы ниже среднего уровня, организуют разработку инновационных продуктов в разрезе конкретных отраслей и планируют выходить с ними на перспективные рынки коммерческого внедрения.

На сайтах Правительств республик Дагестан и Калмыкия, а также Вологодской области не удалось найти информацию о готовности этих субъектов РФ выйти на рынки с перспективными инновационными разработками с последующим внедрением в народнохозяйственные отрасли.

Как уже сказано выше, авторам удалось выявить информацию только по трем регионам, в которых научное и промышленное сообщество региона пытается своими силами организовать и обеспечить процесс опытного внедрения инноваций в технологическом и производственном процессе. Несмотря на это, четкое подтверждение о существовании цепочек устойчивых необходимых и достаточных связей между разработчиками и производителями инновационных продуктов зафиксировано только в двух регионах высокого уровня, которые заявляют о конкретных мероприятиях (табл. 5). В Московской области для этих целей создан Реестр инновационной продукции и Портал кооперации промышленный предприятий Московской области. Комиссия по рассмотрению заявок на включение инновационной продукции в реестр инновационной продукции, рекомендованной к использованию в Московской области, в 2017 году утвердила первый пул заявок. Восемь заявок поступило от АО «Научно-исследовательский институт электромеханики» (Истра), пять – от ООО «Эйлитон» (Дубна), три – от ФГУП «Всероссийский научно-исследовательский институт физико-технических

Таблица 4
 Table 4

 Уровень вхождения регионов в новые, перспективные рынки
 The level of regions entry into new, promising markets

Уровень модернизации региона *	Регионы	Регион заявляет о работе по вхождению в новые перспективных рынки							Доли вхождения в перспективные рынки за счет инноваций на группы регионов с разным уровнем модернизации
		заявляет о вхождении в перспективные рынки за счет инновационных идей	за счет разработки инновационных продуктов	за счет инновационных услуг	за счет инновационных технологий	не заявляет	7	8	
1	2	3	4	5	6	7	8		
Высокий	Московская область	+	+		+				
	Нижегородская область	+	+		+				
	Свердловская область	+	+	+	+				
	Новосибирская область	+	+	+	+			63%	
	Томская область	+	+		+				
Средний	Республика Башкортостан	+			+				
	Республика Саха (Якутия)	+	+					22%	
	Омская область	+			+				
Ниже среднего	Амурская область		+	+					
	Белгородская область		+					11%	
Низкий	Вологодская область						+		
	Республика Дагестан						+		
	Республика Калмыкия						+	3%	
	Смоленская область	+							
	Итого	9	8	3	7	3		100%	

* Градация регионов представлена с учетом оценки общего уровня модернизации регионов на 2012 г. по шкале «социокультурной модернизации» Н.И. Лапина, приведенная к 4 уровням «высокий», «средний», «ниже среднего», «низкий» [5]

Составлено авторами по материалам анализа контента официальных сайтов 14-ти субъектов РФ, 2018 г.

Compiled by the authors on the analysis of the content of official websites of 14 constituent entities of the Russian Federation, 2018

Таблица 5

Table 5

Степень устойчивости связей между разработчиками и производителями инновационных продуктов в регионах

Stability degree of relations between developers and producers of innovative products in the regions

Уровень модернизации региона*	Регионы	Регион упоминает о цепочках устойчивых необходимых и достаточных связей между разработчиками и производителями инновационных продуктов						Доля установленных цепочек между разработчиками и производителями инноваций от группы лидера
		из определенного числа организаций региона одной отраслевой принадлежности	из определенного числа организаций региона различной отраслевой принадлежности	определенного числа организаций региона региональной принадлежности	из определенного числа организаций региональной и отраслевой принадлежности с зарубежным участием	не заявляет		
1	2	3	4	5	6	7	8	
Высокий	Московская область		+					
	Нижегородская область					+		
	Свердловская область					+		
	Новосибирская область		+				40%	
	Томская область					+		
Средний	Республика Башкортостан					+		
	Республика Саха (Якутия)					+		
	Омская область					+		
Ниже среднего	Амурская область					+		
	Белгородская область					+		
	Вологодская область					+		
Низкий	Республика Дагестан					+		
	Республика Калмыкия					+		
	Смоленская область					+		
	Итого	-	2	-	-	12	100%	

* Градация регионов представлена с учетом оценки общего уровня модернизации регионов на 2012 г. по шкале «социокультурной модернизации» Н.И. Лапина, приведенная к 4 уровням («высокий», «средний», «ниже среднего», «низкий») [5]

Составлено авторами по материалам анализа официального сайта 14-ти субъектов РФ, 2018 г.

Compiled by the authors on the analysis of the content of official websites of 14 constituent entities of the Russian Federation, 2018

и радиотехнических измерений» (Солнечногорский район, рабочий поселок Менделеево) и одна – от АО «РТСофт» [12].

В Новосибирской области упоминание о цепочке связей между разработчиками инноваций и производителями присутствует в документе Стратегии инновационного развития НСО» [11], где говорится также, что регион ориентирован на то, чтобы обеспечить приоритеты научно-технологического развития Новосибирской области в соответствии со Стратегией научно-технологического развития Российской Федерации, которая одним из основных инструментов для поддержания подобных «цепочек надежных связей» выделяет Национальную технологическую инициативу, призванную обеспечить преобразование фундаментальных знаний, поисковых научных исследований и прикладных научных исследований в продукты и услуги, способствующие достижению лидерства российских компаний на существующих и возникающих рынках. Уже сегодня в Новосибирской области подобная инициатива поддерживается и реализуется через инвестиционную сеть, оказывающую финансовую и организационную поддержку инновационной деятельности и системной работе по формированию технологических стартапов, которая включает государственное автономное учреждение Новосибирской области «Новосибирский областной фонд поддержки науки и инновационной деятельности», «Фонд развития малого и среднего предпринимательства Новосибирской области», некоммерческая организация «Фонд содействия развитию венчурных инвестиций в малые предприятия в научно-технической сфере Новосибирской области», акционерное общество «Агентство инвестиционного развития Новосибирской области».

По результатам проведенного анализа контента официальных порталов Правительств на наличие информации о функционировании элементов инновационной инфраструктуры в 12-ти регионах с различным уровнем модернизации, а также на предмет подготовки и реализации ими конкретных стратегических документов для эффективного обеспечения процесса сопровождения инноваций от концептуального обоснования до трансфера технологий и разработки опытных образцов инновационной продукции, можно сделать вывод, что в большей степени (и достаточно ожидаемо) процесс институционализации инновационной деятельности и построения региональной инновационной инфраструктуры отмечен в большей части в регионах с высоким (Сверд-

ловская, Томская, Новосибирская, Нижегородская, Московская области) и средним уровнем модернизации (Республика Башкортостан, Республика Саха (Якутия), Омская область). Томская и Новосибирская области не случайно выбраны в качестве пилотных для отработки моделей научно-технологического развития, в них действительно прослеживается достаточно глубокий и отлаженный цикл инновационных процессов с учетом эффективно выстроенной организационной среды для внедрения инноваций в опытное производство. В связке Томской модели – это базовый крупный университет, или, как в конкретном случае, ассоциация ВУЗов и стартап-комьюнити вокруг них, как основа для инновационного развития. В случае Новосибирска – это промышленность плюс Академгородок и институты Сибирского отделения РАН, Новосибирский государственный университет. Что касается регионов с низким и ниже среднего уровнями модернизации, то здесь хоть и имеются стратегические и нормативно-правовые документы, призванные обеспечить условия успешной проработки инновации, вплоть до технологического цикла и опытного производства, но, к сожалению, они пока являются скорее проходными основаниями для включения субъектов РФ в различные государственные программы по поддержке инновационных циклов и получение под них определенных средств из федерального бюджета. Как, собственно, в случае с технопарками, наличие которых зафиксировано практически в каждом из изучаемых регионов, но дающих только 50% эффекта от запланированных результатов¹². По сути, тому подтверждением является установленное авторами слабое позиционирование регионов с низким уровнем модернизации на перспективных рынках инноваций, а также невключенность в деятельность по организации цепочек устойчивых необходимых и достаточных связей между разработчиками и производителями инновационных продуктов. Подобные связи выявлены только в двух регионах – Московской и Новосибирской области. В Республике Башкортостан и Омской области установлены попытки организации таких связей за счет инжиниринговых центров и центров трансфера технологий.

Далее будет проанализирована информация, которая должна подтвердить серьезность намерений регионов в части организации локальной инновационной инфраструктуры в соответствии с задачами документа Стратегии научно-технологического развития РФ.

¹² См.: Комплексная программа «Создание в Российской Федерации технопарков в сфере высоких технологий» утверждена распоряжением Правительства РФ от 10.03.06 № 328-р. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://minsvyaz.ru/ru/doc/?id_4=178; Информационная справка по технопаркам [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nptechtopark.ru/documents/informatsionno-analiticheskiedokumenty>

Причастность регионов с различным уровнем социокультурной модернизации к реализации целей и задач Стратегии научно-технологического развития (СНТР)

В качестве базового документа по стратегическому управлению инновационным развитием регионов выступает Федеральный закон от 28.06.2014 года №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», в рамках которого устанавливаются основы стратегического планирования, а также координация государственного и муниципального управления, полномочия органов власти различных уровней и порядок их взаимодействия с общественными и научными организациями в сфере стратегического планирования. Одним из ключевых элементов стратегического планирования выступает Стратегия социально-экономического развития субъектов РФ (ст. 3, п. 29) и Государственная Программа субъекта РФ, содержащая в себе комплекс мероприятий по достижению целей и решению задач социально-экономического развития субъекта РФ (ст. 3, п. 32). Данные документы представляют собой основу формирования и реализации стратегий социально-экономического, научно-технологического и инновационного развития региона.

Этим же Законом установлен порядок привлечения различных участников (региональных и муниципальных властей, органов местного самоуправления, научных и общественных организаций) к обсуждению стратегии социально-экономического развития и механизмов по ее реализации. В этой связи в ходе представленного исследования было установлено упоминание Субъектами РФ состава участников-разработчиков стратегических документов инновационного развития регионов.

Анализ официальных сайтов региональных органов власти, попавших в выборку (см. табл. 6), позволяет говорить о присутствии информации относительно разработки стратегических документов инновационного развития региона. Однако далеко не всегда в них указаны субъекты-разработчики стратегии регионального развития. Чаще всего в качестве таковых выступают региональные органы власти: из 14-ти исследованных нами регионов они были указаны в 6-ти (Московская, Нижегородская, Свердловская, Белгородская области, а также Республика Саха (Якутия) и Дагестан). Помимо региональных властей, в отдельных регионах в качестве участников разработки стратегии были отмечены муниципальные органы власти (Московская область), представители бизнес-структур (Республика Дагестан), научное сообщество (Московская область) и федеральные органы власти (Амурская область).

В 7-ми регионах (Новосибирская, Томская, Омская, Вологодская, Смоленская области, а также Респу-

блики Башкортостан и Калмыкия) состав субъектов, ответственных за разработку стратегии инновационного развития региона, установить не удалось.

В случае, если регион указывал конкретного субъекта-разработчика стратегии инновационного развития, это, как правило, был только один субъект. Только в двух регионах таковых оказалось больше: в Московской области, помимо региональных органов власти, в качестве соразработчиков Стратегии выступили муниципальные органы власти и представители научного сообщества; в Республике Дагестан для участия были приглашены представители бизнеса. Следует отметить, что в Амурской области в качестве разработчика Стратегии были указаны не региональные, а федеральные органы власти.

В целом, отношение региона к конкретному уровню социокультурной модернизации не повлияло на демонстрацию ими субъектов-разработчиков стратегии инновационного развития. Однако в регионах с высоким уровнем прослеживается, во-первых, большая открытость в отношении авторов-разработчиков стратегии, а во-вторых, в этой группе представлен единственный регион (Московская область), где таких субъектов оказалось три (региональные, муниципальные власти и научное сообщество). В остальных группах регионов, разделенных по уровню модернизации, начиная со среднего и заканчивая низким уровнем, особых различий в отношении позиционирования состава субъектов стратегии инновационного развития выявлено не было.

Федеральным законом от 28.06.2014 года №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» также определяются основы реализации Стратегии научно-технологического развития РФ (ст. 3, п. 37), которые более подробно были рассмотрены в Указе Президента Российской Федерации от 01.12.2016г. № 642 «О реализации Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». В рамках данных нормативно-правовых актов предусмотрено включение СНТР в качестве ключевого элемента разработки и реализации региональных стратегических документов инновационного и производственного характера, за счет чего, собственно, предусмотрен переход с экстенсивного на интенсивный путь развития страны.

Однако далеко не все регионы при разработке стратегии инновационного развития включают в нее положения, изложенные в федеральной стратегии научно-технологического развития. Более половины из обследованных нами регионов РФ (8 из 14-ти регионов) в текстах региональных стратегий не зафиксировали цели и задачи использования научно-технического потенциала для развития региона (см. табл. 7). Только в стратегических до-

Таблица 6

Состав участников-разработчиков стратегических документов инновационного развития в регионах

Table 6

Participants-developers composition of innovative development strategic documents in the regions

Уровень модернизации региона*	Регионы	Участники-разработчики стратегических документов инновационного развития										Доли инновационных и технологических элементов региона на группы регионов с разным уровнем модернизации
		3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
		федеральные органы власти (федеральные министерства (Минэкономразвития, Минатом и т.п., федеральные агентства, ведомства и т.п.)	региональные органы власти (губернатор, региональные министерства, ведомства и т.д.)	муниципальные органы власти (органы местного самоуправления, городские думы и т.д.)	представители бизнеса (корпорации, холдинги, частные компании)	фонд «Сколково»	консалтинговые компании	общественные организации (Торгово-промышленные палаты, союзы, НКО)	научное сообщество (НИИ, лаборатории т. п.)	разработчики концепции ни где не упоминаются		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
Высокий	Московская область		+	+								
	Нижегородская область		+									
	Свердловская область		+									
	Новосибирская область									+		
	Томская область									+		
Средний	Башкортостан									+		
	Республика Саха (Якутия)		+									
	Омская область									+		
Ниже среднего	Амурская область	+										
	Белгородская область		+									
	Вологодская область										+	

Окончание таблицы 6

Состав участников-разработчиков стратегических документов инновационного развития в регионах

End of the table 6

Participants-developers composition of innovative development strategic documents in the regions

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Низкий	Республика Дагестан		+		+						
	Республика Калмыкия									+	20%
	Смоленская область									+	
	Итого	1	6	1	1				1	7	100%

* Градация регионов представлена с учетом оценки общего уровня модернизации регионов на 2012 г. по шкале «социокультурной модернизации» НИ. Лапина, приведенная к 4 уровням («высокий», «средний», «ниже среднего», «низкий») [5]

Составлено авторами по материалам анализа контента официальных сайтов 14-ти субъектов РФ, 2018 г.

Compiled by the authors on the analysis of the content of official websites of 14 constituent entities of the Russian Federation, 2018

кументах 6-ти регионов удалось проследить использование элементов СНТР. Данная информация было зафиксирована в стратегиях социально-экономического развития Новосибирской, Омской, Амурской и Смоленской областей, а также в Республиках Дагестан и Саха (Якутия).

Особенно на этом фоне выделяется Смоленская область, где отдельные элементы стратегии научно-технологического развития заложены сразу в четырех региональных программах, посвященных как инновационному развитию региона в целом, так и отдельным ее отраслям, таким как промышленность, образование, кластерная политика¹³.

Следует отметить, что использование элементов стратегии научно-технологического развития не зависит от уровня социокультурной модернизации регионов: чаще всего используется СНТР в стратегических документах регионов с низким и средним уровнем социокультурной модернизации, меньше всего ее элементы представлены в субъектах РФ с высоким уровнем развития.

В Указе Президента Российской Федерации от 01.12.2016 г. № 642 «О реализации Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» были сформулированы следующие приоритетные направления Стратегии НТР:

1. Переход к передовым цифровым, интеллектуальным производственным технологиям, роботизированным системам, новым материалам и способам конструирования, создание систем обработки больших объемов данных, машинного обучения и искусственного интеллекта;
2. Переход к экологически чистой и ресурсосберегающей энергетике, повышение эффективности добычи и глубокой переработки углеводородного сырья, формирование новых источников, способов транспортировки и хранения энергии;
3. Переход к персонализированной медицине, высокотехнологичному здравоохранению и технологиям здоровья-сбережения, в том числе, за счет рационального применения лекарственных препаратов (прежде всего, антибактериальных);

¹³ Постановление от 08.04.2016 г. № 203 «Об утверждении региональной программы "Развитие инновационного территориального кластера "Смоленский композитный кластер" в Смоленской области" на 2016–2020 годы»; Постановление от 22.04.2016 г. № 235 «Об утверждении областной государственной программы "Развитие промышленности Смоленской области и повышение ее конкурентоспособности" на 2016–2020 годы»; Распоряжение от 29.12.2016 № 2077-р/адм «Об утверждении Инновационного проекта "Создание в Смоленской области инновационной образовательной площадки для обеспечения непрерывного образования, эффективной социализации и достойного трудоустройства лиц с ограниченными возможностями здоровья на основе современных дистанционных технологий обучения»

Таблица 7

Степень включенности регионами элементов СНТР в документы инновационного и производственного развития

Table 7

Involvement degree of SNTR elements by regions in the documents of innovative and industrial development

Уровень модернизации региона*	Регионы	Регион использует элементы СНТР в региональных документах инновационного и производственного развития		Доли участия на группы регионов с разным уровнем модернизации
		ДА	НЕТ	
Высокий	Московская область		+	16%
	Нижегородская область		+	
	Свердловская область		+	
	Новосибирская область	+		
	Томская область		+	
Средний	Башкортостан		+	34%
	Республика Саха (Якутия)	+		
	Омская область	+		
Ниже среднего	Амурская область	+		16%
	Белгородская область		+	
	Вологодская область		+	
Низкий	Республика Дагестан	+		34%
	Республика Калмыкия		+	
	Смоленская область	+		
Итого		6	8	100%

* Градация регионов представлена с учетом оценки общего уровня модернизации регионов на 2012 г. по шкале «социокультурной модернизации» Н.И. Лапина, приведенная к 4 уровням («высокий», «средний», «ниже среднего», «низкий») [5]

Составлено авторами по материалам анализа контента официальных сайтов 14-ти субъектов РФ, 2018 г.

Compiled by the authors on the analysis of the content of official websites of 14 constituent entities of the Russian Federation, 2018

- Переход к высокопродуктивному и экологически чистому агро- и аквахозяйству, разработка и внедрение систем рационального применения средств химической и биологической защиты сельскохозяйственных растений и животных, хранение и эффективная переработка сельскохозяйственной продукции, создание безопасных и качественных, в том числе, функциональных продуктов питания;
- Противодействие техногенным, биогенным, социокультурным угрозам, терроризму и идеологическому экстремизму, а также киберугрозам и иным источникам опасности для общества, экономики и государства;
- Связанность территории Российской Федерации, за счет создания интеллектуальных транспортных и телекоммуникационных систем, а также занятия и удержания лидерских позиций в создании международных транспортно-логистических систем, освоении и использовании космического и воздушного пространства, Мирового океана, Арктики и Антарктики;
- Возможность эффективного ответа российского общества на большие вызовы, с учетом взаимодействия человека и природы, человека и технологий, социальных институтов на современном этапе глобального развития, в том числе, применяя методы гуманитарных и социальных наук.

Результаты исследования показали, что все регионы, попавшие в выборку, в той или иной мере заявляют о причастности к приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники, обозначенных в документе СНТР. Проблема заключается в масштабе охвата всех сформулированных приоритетных направлений в каждом отдельном регионе (табл. 8).

Из всей совокупности проанализированных 14-ти регионов только в трех (Свердловская, Новосибирская области и Республика Башкортостан) рассмотрены все 6 основных (приоритетных) направлений СНТР. Еще в трех регионах (Томская, Смоленская области и Республика Саха(Якутия)) указано по 5 приоритетных направлений СНТР. Два региона (Нижегородская и Белгородская области) заявляют о своей причастности к 4-м

Таблица 8

Выбор регионами приоритетных направлений развития науки, технологий и техники, обозначенных в документе СНТР

Table 8

Priority directions regions selection of science, technology and engineering development, designated in SNTR document

Уровень модернизации региона *	Регионы	Приоритетные направления развития науки, технологий и техники, обозначенных в документе СНТР						Доли установленных разработчиков на группы регионов с разным уровнем модернизации
		Информационно-коммуникационные технологии	Науки о жизни (биотехнологии, медицина и здравоохранение)	Новые материалы и нанотехнологии	Рациональное природопользование	Транспортные и космические системы	Энергоэффективность и энергосбережение	
Высокий	Московская область			+		+		44%
	Нижегородская область	+	+	+			+	
	Свердловская область	+	+	+	+	+	+	
	Новосибирская область	+	+	+	+	+	+	
	Томская область	+	+	+	+		+	
Средний	Республика Башкортостан	+	+	+	+	+	+	24%
	Республика Саха (Якутия)	+	+	+	+		+	
	Омская область			+		+		
	Амурская область					+		
Ниже среднего	Белгородская область	+	+	+			+	17%
	Вологодская область		+	+			+	
Низкий	Республика Дагестан	+		+				15%
	Республика Калмыкия						+	
	Смоленская область		+	+	+	+	+	
	Итого	8	10	12	7	7	11	

* Градация регионов представлена с учетом оценки уровня модернизации регионов на 2012 г. по шкале «социокультурной модернизации» НИ. Лапина, приведенная к 4 уровням («высокий», «средний», «ниже среднего», «низкий») [5]

Составлено авторами по материалам анализа контента официальных сайтов 14-ти субъектов РФ, 2018 г.

Compiled by the authors on the analysis of the content of official websites of 14 constituent entities of the Russian Federation, 2018

приоритетным направлениям. Еще два региона (Московская и Вологодская области) включают в свои программы три приоритетных направления. Остальные обследованные регионы (Республика Дагестан, Омская и Амурская области) намериваются задействовать в своей стратегии один-два направления СНТР. Меньше всего заявляют о причастности к использованию приоритетных направлений в Республике Калмыкия (одно направление – энергоэффективность и энергосбережение).

Чаще всего регионы заявляют о причастности к использованию следующих приоритетных направлений: «новые материалы и нанотехнологии (в 12-ти из 14-ти регионов), энергоэффективность и энергосбережение (в 11-ти из 14-ти регионов) и «Науки о жизни (биотехнология, медицина и здравоохранение)» (в 10-ти из 14-ти регионов). Остальные три направления СНТР (Информационно-коммуникационные технологии, Рациональное природопользование и

Транспортные и космические системы) были указаны только в 7–8 из 14-ти обследованных регионов.

В целом, наибольшее количество приоритетных направлений СНТР отмечено в регионах с высоким уровнем социокультурной модернизации. Прослеживается тенденция – чем ниже уровень социокультурного развития, тем меньше охват установленных приоритетных направлений развития СНТР: с 44% в регионах с высоким до 15% – с низким уровнем развития.

Одной из исследовательских задач было выявление не только степени включенности СНТР в стратегии социально-экономического развития регионов, но и фиксации документов, определяющих механизм реализации выбранной стратегии для ее воплощения в управленческой практике. Таким документом выступают региональные Планы мероприятий по реализации СНТР.

Таблица 9

Уровень причастности регионов к выполнению Плана мероприятий по реализации Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации на 2017–2019 годы

Table 9

The regional involvement level in the action Plan implementation for the Russian Federation scientific and technological development strategy realization for 2017–2019

Уровень модернизации региона*	Регионы	Регион заявляет о причастности к реализации Плана мероприятий по реализации Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации на 2017–2019 годы		Доли участия на группы регионов с разным уровнем модернизации
		ДА	НЕТ	
Высокий	Московская область		+	40%
	Нижегородская область		+	
	Свердловская область		+	
	Новосибирская область	+		
	Томская область	+		
Средний	Башкортостан		+	-
	Республика Саха (Якутия)		+	
	Омская область		+	
Ниже среднего	Амурская область		+	30%
	Белгородская область	+		
	Вологодская область		+	
Низкий	Республика Дагестан	+		30%
	Республика Калмыкия		+	
	Смоленская область		+	
Итого		4	10	100%

* Градация регионов представлена с учетом оценки общего уровня модернизации регионов на 2012 г. по шкале «социокультурной модернизации» Н.И. Лапина, приведенная к 4 уровням («высокий», «средний», «ниже среднего», «низкий») [5]

Составлено авторами по материалам анализа контента официальных сайтов 14-ти субъектов РФ, 2018 г.

Compiled by the authors on the analysis of the content of official websites of 14 constituent entities of the Russian Federation, 2018

Как показали результаты, далеко не все органы власти субъектов РФ сообщают о своей причастности к реализации Плана мероприятий Стратегии научно-технологического развития в своем регионе: об этом упоминается только в 4-х из 14-ти обследованных регионах. В качестве таковых выступили Новосибирская, Томская, Белгородская области и Республика Дагестан (табл. 9).

Новосибирская и Томская области были избраны пилотными регионами для реализации стратегии научно-технологического развития РФ: в регионах планируется реализация проекта «Сибирский наукополис». В Белгородской области реализация СНТР планируется на базе Белгородского государственного национального исследовательского университета, который позиционируется как центр перспективных инноваций в регионе.

В Республике Дагестан постановлением Правительства республики¹⁴ утвержден план мероприятий по реализации СНТР в регионе. В частности, в числе основных мероприятий предусмотрена: модернизация и техническое перевооружение промышленных предприятий; разработка и внедрение в производство новой высокотехнологичной конкурентоспособной продукции; внедрение инновационных технологий, проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ; создание и развитие индустриальных (промышленных) парков, технопарков и кластеров; подготовка кадров необходимых компетенций.

Следует обратить внимание, что чаще других заявляют о планах реализации стратегии научно-технологического развития в регионах с высоким уровнем социокультурной модернизации.

Успешное выполнение мероприятий по реализации региональной стратегии научно-технологического развития требует определения конкретных субъектов, ответственных за ее осуществление в практической деятельности. В этой связи был проанализирован состав участников, включенных в региональные планы по реализации СНТР.

В предыдущем разделе было отмечено, что только 4 региона представили свое видение реализации СНТР – Новосибирская, Томская, Белгородская области и Республика Дагестан. К ним еще можно добавить Амурскую область. Именно эти регионы указали различные категории субъектов, привлекаемых

в качестве соучастников реализации стратегии научно-технологического развития (см. табл. 10).

Как правило, регионы выделяют несколько ответственных субъектов за реализацию стратегии. Только в двух регионах (Амурская область и Республика Дагестан) были указаны по одному субъекту реализации региональной стратегии научно-технологического развития. В Амурской области это федеральные, а в Республике Дагестан – региональные органы власти.

Особо стоит выделить три региона (Томская, Белгородская и Новосибирская области), в которых в качестве участников реализации стратегии выступают федеральные и региональные органы власти, а также представители крупного бизнеса. Помимо этого, Томская и Белгородская области для участия в реализации стратегии привлекают представителей научного сообщества.

В остальных обследованных регионах отсутствует информация о субъектах, реализующих мероприятия Плана стратегии на региональном уровне.

Стоит отметить, что чаще других указывают отдельных субъектов реализации СНТР регионы, находящиеся на высоком уровне социокультурной модернизации (55%).

Особая роль в реализации стратегии научно-технологического развития РФ отдана фундаментальным научным исследованиям. В этой связи в 2014 году была утверждена долгосрочная программа Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 годы, целью которой является формирование конкурентоспособного и эффективно функционирующего сектора фундаментальных, поисковых, прикладных исследований и экспериментальных разработок.

Результаты нашего исследования показали слабый уровень включенности регионов в данную федеральную программу: только в 5-ти из 14-ти обследованных регионах декларируется причастность к ее реализации на региональном уровне (см. табл. 11). В число таких регионов вошли Московская, Новосибирская, Омская, Амурская области и Республика Башкортостан. Нужно отметить, что значительно чаще об этом упоминали в регионах с высоким (40%) и средним (40%) уровнями социокультурной модернизации. В низкоразви-

¹⁴ Постановление Правительства РД от 27 октября 2017 г. № 254 О реализации в Республике Дагестан Указа Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»

Окончание таблицы 10

Состав участников, включенных в План реализации мероприятий СНТР на региональном уровне

End of the table 10

Participant's composition included in the implementation SNTR Plan activities at the regional level

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Низкий	Республика Дагестан		+								
	Республика Калмыкия									+	7%
	Смоленская область									+	
	Итого	4	4		2	2			1	7	100%

* Градация регионов представлена с учетом оценки общего уровня модернизации регионов на 2012 г. по шкале «социокультурной модернизации» Н.И. Лапина, приведенная к 4 уровням «высокий», «средний», «ниже среднего», «низкий» [5]

Составлено авторами по материалам анализа контента официальных сайтов 14-ти субъектов РФ, 2018 г.

Compiled by the authors on the analysis of the content of official websites of 14 constituent entities of the Russian Federation, 2018

тых регионах о реализации данной федеральной программы не упоминается.

Непосредственное применение данной программы в указанных выше регионах трансформировалась через следующие основные направления:

1. Создание и эффективный трансферт результатов прикладных исследований, обеспечивающих развитие и структурные изменения в национальной экономике (Новосибирская область и Республика Башкортостан);
2. Институциональное развитие сектора исследований и разработок, совершенствование его структуры и приоритетов развития, системы открытого управления, прозрачного и конкурентного финансирования интеграции науки и образования, в том числе обеспечение влияния наук (Новосибирская и Омская области);
3. Создание условий, необходимых для роста инвестиционной привлекательности научной, научно-технической и инновационной деятельности (Республика Башкортостан);
4. Развитие конкурентоспособных направлений фундаментальных и поисковых научных исследований (Республика Башкортостан).

В состав субъектов, которые включены в реализацию мероприятий программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 годы в регионах, упоминающих о данной федеральной программе, как правило, входят только отдельные структуры федеральных органов власти (Московская и Белгородская области). В Республике Башкортостан в качестве основных субъектов отмечены региональные органы власти и представители научного сообщества.

Результаты исследования показали, что информация, размещаемая региональными органами власти на своих официальных сайтах, позволяет сделать вывод о том, что роль регионов в формировании стратегической повестки дня по научно-технологическому развитию минимальна. Только в 6-ти из 14-ти исследованных субъектах РФ отмечено их непосредственное участие в разработке стратегических документов регионального развития.

Невысока доля регионального присутствия в процессе разработки и реализации стратегии научно-технологического развития. В менее чем половине изученных регионах (в 6-ти из 14-ти) ключевые положения СНТР отражены в региональных стратегических документах. Еще меньше оказалось регионов, имеющих планы по реализации ключевых направлений СНТР в практической деятельности (4 региона). Однако это не говорит о полном отсутствии элементов СНТР в региональных государственных программах. Почти все приоритетные направления СНТР представлены в обследованных ре-

Уровень включенности регионов в реализацию Программы Российской Федерации
 «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 годы

Table 11

 The regional involvement level in the Russian Federation "Science and technology development"
 program implementation for 2013–2020

Уровень модернизации региона *	Регионы	Регион заявляет о причастности к реализации Программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013-2020 годы		Доли участия на группы регионов с разным уровнем модернизации
		ДА	НЕТ	
Высокий	Московская область	+		40%
	Нижегородская область		+	
	Свердловская область		+	
	Новосибирская область	+		
	Томская область		+	
Средний	Башкортостан	+		40%
	Республика Саха (Якутия)		+	
	Омская область	+		
Ниже среднего	Амурская область	+		20%
	Белгородская область		+	
	Вологодская область		+	
Низкий	Республика Дагестан		+	-
	Республика Калмыкия		+	
	Смоленская область		+	
	Итого	5	9	100%

* Градация регионов представлена с учетом оценки общего уровня модернизации регионов на 2012 г. по шкале «социокультурной модернизации» Н.И. Лапина, приведенная к 4 уровням («высокий», «средний», «ниже среднего», «низкий») [5]

Составлено авторами по материалам анализа контента официальных сайтов 14-ти субъектов РФ, 2018 г.

Compiled by the authors on the analysis of the content of official websites of 14 constituent entities of the Russian Federation, 2018

гионах, но они используются выборочно и не носят системный характер. Чаще всего в регионах упоминали о переходе к передовым цифровым, интеллектуальным производственным технологиям, роботизированным системам, новым материалам и способам конструирования (12 регионов).

Отмеченные выше тенденции в отношении СНТР в целом характерны и в отношении использования регионами в стратегических документах потенциала фундаментальных научных разработок. Действующая федеральная программа нашла свое отображение только в 5-ти из 14-ти исследованных субъектов РФ.

Признаком низкой включенности регионов в работу по формированию и реализации стратегии научно-технологического развития является моно-субъектность принимаемых решений. Как правило, в состав участников разработки и реализации СНТР включены только федеральные и региональ-

ные органы власти. В некоторых регионах к этому привлекаются бизнес-структуры (3 региона) и научное сообщество (2 региона). Муниципальные органы власти и общественные организации исключены из системы управления и не участвуют в процессах разработки и реализации государственных региональных программ.

Результаты исследования показали, что по степени включенности как в процесс разработки стратегических документов регионального развития, так и в планы по их реализации лидируют регионы с высоким уровнем социокультурного развития. В этих регионах чаще, чем в остальных, позиционируется непосредственное участие региональных структур деятельности по СНТР, а число участвующих субъектов реже ограничивается только органами власти.

Предварительные данные о типах барьеров, препятствующих реализации целей и задач СНТР в

Таблица 12

Проблемы (трудности) функционирования информационно-коммуникативных каналов обратной связи и механизмов контроля за реализацией стратегических решений в регионах

Table 12

Problems (difficulties) of information and communication feedback channels functioning and mechanisms of control over the strategic decisions implementation in the regions

Уровень модернизации региона *	Регионы	Элементы контроля реализации стратегических документов на официальных сайтах								Доли установленных разработчиков на группы регионов с разным уровнем модернизации
		в официальных документах (законы, указы)	в аналитических материалах	имеется специальная рубрика на сайте, посвященная реализации ССЭР 2020	в выступлениях должностных лиц (глава администрации, министр или руководитель структурного подразделения администрации)	в новостных материалах сайта	только на сторонних сайтах	не упоминается		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
Высокий	Московская область									
	Нижегородская область							+		
	Свердловская область								+	
	Новосибирская область	+								
	Томская область		+	+						
Средний	Башкортостан									
	Республика Саха (Якутия)		+							
	Омская область		+		+					
Ниже среднего	Амурская область									
	Белгородская область									
	Вологодская область									

Окончание таблицы 12

Проблемы (трудности) функционирования информационно-коммуникативных каналов обратной связи и механизмов контроля за реализацией стратегических решений в регионах

End of the table 12

Problems (difficulties) of information and communication feedback channels functioning and mechanisms of control over the strategic decisions implementation in the regions

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Ниже среднего	Республика Дагестан	+				+			
	Республика Калмыкия							+	30%
	Смоленская область	+				+			
		3	3	1	1	5	1	6	100%

* Градация регионов представлена с учетом оценки общего уровня модернизации регионов на 2012 г. по шкале «социокультурной модернизации» Н.И. Лапина, приведенная к 4 уровням («высокий», «средний», «ниже среднего», «низкий») [5]

Составлено авторами по материалам анализа контента официальных сайтов 14-ти субъектов РФ, 2018 г.

Compiled by the authors on the analysis of the content of official websites of 14 constituent entities of the Russian Federation, 2018

регионах с различным уровнем социокультурной модернизации

Как отмечалось ранее, в качестве предмета в данном исследовании выступают различного рода барьеры, возникающие при реализации стратегических инновационных и научно-технологических документов. В начале отчета представлена подробная типология данного термина.

Не случайно именно социально-организационные барьеры реализации программ стратегического развития регионов с разным уровнем социокультурной модернизации стали основной темой представленного исследования, поскольку основная их роль заключается в препятствии адекватному решению стратегических задач. Само же их наличие наглядно указывает на случаи деформации системы обратной связи в работе с различными группами населения в ходе реализации стратегических решений.

Согласно полученным данным, при реализации стратегии научно-технологического развития РФ, несомненно, возникают трудности, связанные с функционированием информационно-коммуникативных каналов обратной связи. Данный факт, в свою очередь, приводит к ухудшению работы механизмов контроля реализации стратегических решений в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации. Именно в определении возможности дистанционного контроля и заключается основная задача данного раздела.

Как оказалось, элементы контроля стратегических документов больше всего представлены в новостных материалах, а не в аналитических сводках и документах (см. табл. 12). Данный факт актуален для 5-ти из 14-ти регионов (Свердловская область, Республика Башкортостан, Омская область, Республика Дагестан, Смоленская область). Аналитические контрольные материалы имеются только в нескольких регионах с высоким и средним уровнем модернизации (Томская область, Республика Саха (Якутия), Омская область). Что касается официальных документов (законов, указов), данный вид контроля присутствует только в одном регионе с высоким уровнем модернизации – (Новосибирская область) и в двух регионах с низким уровнем (Республика Дагестан, Смоленская область).

На официальном сайте только одного из всех отобранных регионов имеется специальная рубрика, посвященная реализации ССЭР 2020, это Томская область – регион с высоким уровнем социокультурной модернизации. Информация о реализации контроля, которую можно почерпнуть из выступлений должностных лиц (глав администрации, министра или руководителя структурного подразделения администрации), содержится на официальном сайте

Таблица 13

Table 13

Информационно-коммуникативные барьеры технического характера и доступность общественного обсуждения материалов (документов)

Technical information and communication barriers and public discussion materials (documents) availability

Уровень модернизации региона*	Регионы	Элементы контроля реализации стратегических документов на официальных сайтах											
		Проводится онлайн голосование по конкретным управленческим решениям	Есть формы обратной связи для отправки предложений и комментариев по решениям, документам	Сайт понятный, с адекватным меню, поиском, но обсуждений материалов сайта не проводится	Сайт очень сложный, система поиска непонятна, всё сделано, чтобы запутать пользователя	Есть форум, на котором происходит обсуждение не столько каких-то документов, сколько конкретных проблем (напр. ремонт подъезда, загрязнение какого-либо района и т.д.)	Можно отправлять сообщения с предложениями по стратегии (по 2030)	Есть только форма обратной связи (не конкретно по документам, а в целом на сайте)	Сайт понятный, с адекватным меню, поиском				
Высокий	Московская область	+											
	Нижегородская область			+									
	Свердловская область		+										+
	Новосибирская область		+		+					+			
	Томская область		+										
Средний	Башкортостан		+						+				
	Республика Саха (Якутия)			+									
	Омская область			+									
Ниже среднего	Амурская область		+										
	Белгородская область		+										
	Вологодская область		+										
Низкий	Республика Дагестан			+									+
	Республика Калмыкия			+									
	Смоленская область	+											
	Итого	2	7	7	1		1	1	1	1	1	1	1

* Градация регионов представлена с учетом оценки общего уровня модернизации регионов на 2012 г. по шкале «социокультурной модернизации» НИ. Лапина, приведенная к 4 уровням («высокий», «средний», «ниже среднего», «низкий») [5]

Составлено авторами по материалам анализа контента официальных сайтов 14-ти субъектов РФ, 2018 г.

Compiled by the authors on the analysis of the content of official websites of 14 constituent entities of the Russian Federation, 2018

лишь одного региона – Омской области. Следует отметить, что оба этих субъекта РФ имеют равное (максимальное) количество элементов контроля реализации стратегических документов.

В результате мы видим, что возможности дистанционного контроля реализации элементов стратегии в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации не так уж и велики. Почти в половине отобранных регионов информационно-коммуникативные каналы обратной связи по факту не функционируют. Из этого можно сделать вывод об исключительно слабом контроле управленческих решений. Необходимые механизмы либо работают неправильно, либо не работают вообще. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что треть регионов (Амурская, Белгородская и Вологодская области), уровень модернизации которых «ниже среднего», имеет нулевую долю элементов контроля.

Согласно данному исследованию, инфо-коммуникативные барьеры напрямую свидетельствуют о низком уровне организации коммуникативной среды и площадок для обсуждения стратегических решений и документов, их разработке и реализации, в том числе, и о достаточной информации и возможностях организации обратной связи при помощи официальных сайтов Правительств регионов. Вследствие чего возникает задача определить суть инфо-коммуникативных барьеров технического характера и доступность к обсуждению материалов (документов) на сайтах регионов с разным уровнем социокультурной модернизации.

Из всех элементов информационно-коммуникативной системы, представленных в табл. 13, на первом месте разместились сразу две позиции с одинаковым количеством регионов. В половине отобранных регионов, имеющих уровень модернизации «высокий, средний и ниже среднего», на официальных сайтах имеются формы обратной связи для отправки предложений и комментариев по решениям и документам (Свердловская, Новосибирская и Томская области, Республика Башкортостан, Амурская, Белгородская и Вологодская области). Вторым наиболее часто встречаемым элементом является понятность сайта, его адекватное меню и доступный поиск, за исключением возможности обсуждения материалов ресурса. Подобные сайты представлены на всех уровнях социокультурной модернизации и также встречаются в 7-ми регионах (Нижегородская и Томская области, Республика Саха (Якутия), Омская и Белгородская области, Республики Дагестан и Калмыкия).

Согласно представленным данным, имеет место иная форма обратной связи – проведение он-

лайн голосования по конкретным управленческим решениям. Однако, представлена она лишь в двух субъектах – в Московской и в Смоленской областях.

Оставшиеся пять элементов информационно-коммуникативной системы представлены в равных долях: 3 из них сосредоточены в регионах с высоким уровнем модернизации, 1 – в регионе со средним уровнем и 1 – в низком. Однако главное их различие заключается в том, какого рода влияние они оказывают на обратную связь.

К наиболее удобным сайтам, которые обеспечивают эффективную обратную связь, относятся следующие элементы:

1. Есть форум, на котором происходит обсуждение не столько каких-то документов, сколько конкретных проблем (например, ремонт подъезда, загрязнение какого-либо района и т.д.) – средний уровень модернизации (Республика Башкортостан);
2. На сайте можно отправлять сообщения с предложениями по стратегии (по 2030) – высокий уровень модернизации (Новосибирская область);
3. Сайт понятный, с адекватным меню и поиском – высокий уровень модернизации (Свердловская область).

Порталы, «деформирующие» обратную связь имеют иные элементы информационно-коммуникативной системы:

1. Сайт очень сложный, система поиска непонятна, все сделано, чтобы запутать пользователя – высокий уровень модернизации (Новосибирская область);
2. На сайте есть только форма обратной связи (не конкретно по документам, а в целом) – низкий уровень модернизации (Республика Дагестан).

Официальный сайт Новосибирской области имеет наибольшее количество элементов информационно-коммуникативной системы: возможности сайта позволяют заполнять формы обратной связи для отправки предложений и комментариев по решениям, документам, а также отправлять сообщения с предложениями по стратегии (по 2030). В то же время, структура ресурса сложна для обыкновенного пользователя, поисковая система непонятна. В данном случае можно утверждать о наличии каналов обратной связи, однако доступ к ним затруднителен.

В целом, официальные сайты регионов не оправдывают своей функции – быть инструментами обратной связи и управления, трансляторами

Таблица 14

Table 14

Типы барьеров при реализации регионами стратегических инновационных и научно-технологических документов

Barriers implementation types of regional strategic, innovation, scientific and technological documents

Уровень модернизации региона*	Регионы	На сайте упоминается или прослеживается информация о следующих типах барьеров при реализации стратегических инновационных и научно-технологических документов								Доли установленных барьеров на группы регионов с разным уровнем модернизации	
		административно-организационные	социально-политические в регионе	социально-политические с федеральным центром	социально-политические с населением	инвестиционно-финансовые – нехватка финансирования решений на уровне регионов из бюджетных и внебюджетных источников.	кадровые – недостаток квалифицированных кадров, вызванный несоответствием содержания образования и качества подготовки специалистов среднего и начального профессионального образованного персонала, потребности образованного персонала, механизмов непрерывного образования	инфраструктурные – недоступное качество и доступность транспортной и инженерно-технологической инфраструктуры	информационно-коммуникационные – низкий уровень организации коммуникационной среды и площадок для осуществления стратегических документов, их разработки и реализации, в том числе и доступной информации и возможности организации инициативной связи при помощи цифровых технологий		коррупция и теневая экономика
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Высокий	Московская область										
	Нижегородская область			+		+					
	Свердловская область	+				+					
	Новосибирская область					+	+	+	+		
	Томская область					+			+		
Средний	Башкортостан										
	Республика Саха (Якутия)		+			+					
	Омская область					+	+		+		
Ниже среднего	Амурская область					+			+		
	Белгородская область	+				+	+		+		
	Вологодская область										

Окончание таблицы 14

Типы барьеров при реализации регионами стратегических инновационных и научно-технологических документов

End of the table 14

Barriers implementation types of regional strategic, innovation, scientific and technological documents

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Ниже среднего	Республика Дагестан	+				+	+	+		+	
	Республика Калмыкия										30%
	Смоленская область		+			+	+				
Итого		3	2	1		10	5	3	5	1	100%

* Градация регионов представлена с учетом оценки общего уровня модернизации регионов на 2012 г. по шкале «социокультурной модернизации» Н.И. Лапина, приведенная к 4 уровням («высокий», «средний», «ниже среднего», «низкий») [5]

Составлено авторами по материалам анализа контента официальных сайтов 14-ти субъектов РФ, 2018 г.

Compiled by the authors on the analysis of the content of official websites of 14 constituent entities of the Russian Federation, 2018

стратегической информации. Возможности обратной связи при разработке стратегических документов сводятся лишь к отправке предложений и комментариев, а также к проведению он-лайн голосования. Т.е. в основном прослеживается линейный тип связи на информационных ресурсах власти, что тормозит внедрение эффективных механизмов вовлечения стейкхолдеров в разработку и реализацию конкретных стратегических решений. По сути, при помощи сайтов сегодня выстраивается стратегия информационно-коммуникационных взаимодействий (линейные связи), а не информационно-коммуникативных (на принципах обратной связи).

Сегодня в регионах выявлен целый набор административно-организационных барьеров, деформирующих как процесс воспроизводства стратегических решений по развитию региона, так и последующую за ними разработку и реализацию стратегических инновационных и научно-технологических документов.

В табл. 14 перечислены типы барьеров, которые деформируют адекватный ход реализации стратегических инновационных и научно-технологических документов, выстраиваемых на принципах обратной связи. По частоте упоминаний на первом месте (в 10-ти из 14-ти регионов) оказались инвестиционно-финансовые барьеры, связанные с нехваткой финансирования решений на уровне регионов из бюджетных и внебюджетных источников. В два раза реже встречались кадровые барьеры, связанные с нехваткой квалифицированных кадров, вызванной несоответствием содержания и качества образовательных программ учреждений высшего, среднего и начального профессионального образования потребностям экономики, неразвитостью механизмов непрерывного образования. Данный вид деформации, наравне с предыдущим, представлен в регионах на всех уровнях модернизации (Новосибирская, Омская и Белгородская области, Республика Дагестан, Смоленская область).

Инфо-коммуникативные барьеры были выявлены и в 5-ти регионах (Новосибирская, Томская, Омская, Амурская и Белгородская области). Данный тип барьера в нашем исследовании имеет особую значимость, так как именно он отвечает за уровень организации коммуникативной среды, конструирование площадок для обсуждения стратегических документов, их разработку и реализацию. Он также указывает на качество контента и каналов обратной связи, имеющихся на официальном сайте региона.

Административно-организационные барьеры зафиксированы в трёх регионах с разным уровнем модернизации – высоким, ниже среднего и низким (Свердловская и Белгородская области, Республика Дагестан). В равной доле с ними представлены инфраструктурные барьеры, указывающие на недостаточное качество и доступность транспортной и инженерно-технологической инфраструктуры (Новосибирская и Амурская области, Республика Дагестан).

Таблица 15

Проблемы реализации регионами стратегических инновационных и научно-технологических документов

Table 15

Implementation problems of regional strategic, innovation, scientific and technological documents

Уровень модернизации региона*	Регионы	На альтернативных региональных сайтах упоминается о проблемах реализации стратегических инновационных и научно-технологических документов конкретного региона		Доли упоминаний на группы регионов с разным уровнем модернизации
		ДА	НЕТ	
Высокий	Московская область		+	50%
	Нижегородская область	+		
	Свердловская область	+		
	Новосибирская область	+		
	Томская область	+		
Средний	Башкортостан			13%
	Республика Саха (Якутия)		+	
	Омская область	+		
Ниже среднего	Амурская область		+	13%
	Белгородская область	+		
	Вологодская область			
Низкий	Республика Дагестан	+		24%
	Республика Калмыкия		+	
	Смоленская область	+		
	Итого	8	4	100%

* Градация регионов представлена с учетом оценки общего уровня модернизации регионов на 2012 г. по шкале «социокультурной модернизации» Н.И. Лапина, приведенная к 4 уровням («высокий», «средний», «ниже среднего», «низкий») [5]

Составлено авторами по материалам анализа контента официальных сайтов 14-ти субъектов РФ, 2018 г.

Compiled by the authors on the analysis of the content of official websites of 14 constituent entities of the Russian Federation, 2018

Региональные социально-политические проблемы имеют место лишь в двух субъектах РФ (Республика Саха (Якутия), Смоленская область). Сайт Нижегородской области стал единственным ресурсом, на котором прослеживается информация о наличии социально-политических барьеров (укреплению позиций органов власти), связанных с федеральным центром. В то же время, согласно Государственной программе «Развитие промышленности и инноваций Нижегородской области», утвержденной постановлением Правительства Нижегородской области от 30 апреля 2014 года № 297, в регионе отмечается ряд проблем, связанных с низким уровнем производительности труда, а также с низкой степенью интернационализации промышленности.

Проблемы, связанные с коррупцией и теневой экономикой, признают только официальные власти Республики Дагестан. В регионе также отмечается недостаточное применение механизмов государственно-частного партнерства, а также нехватка производственных и офисных помещений.

Социально-политические проблемы в части взаимодействия с населением не упоминались ни на одном сайте. Однако из этого совсем не следует, что таких проблем в отобранных регионах не существует. Скорее всего, здесь имеют место быть интересы центральных отраслей и ведомств, которые сегодня устойчиво преобладают над интересами пространственного развития регионов, а значит, и значительных групп населения.

Наибольшее количество барьеров установлено в регионах с уровнем социокультурной модернизации «ниже среднего» – 40%. На втором месте по числу упоминаний следуют регионы с высоким уровнем модернизации – 35%. Барьеры, отмеченные в регионах с низким уровнем, составили почти треть (30%). На последнем месте находится группа со средним уровнем развития, согласно полученным данным, выделенные проблемы обнаружались лишь в 15% случаев.

Следует также выделить три региона (Московская область – высокий уровень, Республика Башкортостан – средний уровень, Республика Дагестан – низкий уровень).

тостан – средний уровень, Республика Калмыкия – низкий уровень), на официальных сайтах которых информация о барьерах, деформирующих процесс реализации стратегических инновационных и научно-технологических документов в регионах, отсутствуют. Также в этих регионах, в отличие от остальных исследуемых, не прослеживается информация о недостаточности финансирования.

Помимо официальных сайтов был проведен контент-анализ альтернативных региональных ресурсов, демонстрирующих иную картину имеющихся проблем. Так, согласно табл. 15, на сторонних сайтах 8-ми из 14-ти регионов имеется информация о проблемах реализации стратегических инновационных и научно-технологических документов.

Наибольшее количество альтернативных сайтов с упоминанием барьеров, имеющихся в конкретном регионе, приходится на группу с высоким уровнем развития – 50%. На втором месте находятся субъекты РФ с низким уровнем развития – 24%. На последнем месте в равных долях представлены группы со средним и ниже среднего уровнем модернизации, по 13% каждый.

Согласно табл. 14, в которой содержится информация, собранная с официальных сайтов, в Нижегородской области имеются 2 типа барьеров – социально-политические с федеральным центром и инвестиционно-финансовые (нехватка финансирования решений на уровне регионов из бюджетных и внебюджетных источников). Однако на альтернативных источниках можно найти более подробное описание имеющихся проблем, либо найти те, о которых не упоминают официальные власти:

- проблемы с подготовкой кадров;
- проблемы с доступом к финансовым ресурсам для развития новых технологических компаний;
- высокие риски реализации инновационных проектов, неопределенность результатов;
- региональные министерства экономики и промышленности используют разные критерии оценки привлекательности и результативности работы инвесторов;
- проблемы в построении региональных инновационных систем, обеспечивающих эффективное функционирование основных участников инновационного процесса;
- недостаточный уровень научно-технического и технологического потенциала.

В данном случае можно сделать вывод о том, что на официальном сайте Нижегородской области представлено меньшее количество проблем. Так, например, к списку добавляются *административно-организационные, кадровые, а также инфраструктурные барьеры*.

По результатам анализа альтернативных сайтов Свердловской области, к имеющимся административно-организационным и инвестиционно-финансовым проблемам можно добавить *кадровые и инфраструктурные барьеры*. Поскольку в данном регионе имеют место проблемы с подготовкой кадров, с доступом к финансовым ресурсам для развития новых технологических компаний, с отсутствием должных условий для активного вовлечения накопленного научно-технического потенциала Свердловской области в процессы модернизации производства и развития высокотехнологичного сектора экономики.

В Новосибирской области контент официального сайта отражает те же проблемы, о которых говорится в альтернативных источниках. Следует отметить, что данный регион имеет наибольшее количество упоминаний о типах имеющихся барьеров. Содержание сторонних источников Омской области также совпадает с отмеченными в табл. 14 барьерами.

В Томской области, помимо инвестиционно-финансовых и инфо-коммуникативных барьеров, существуют проблемы административно-организационного характера, проблемы транспортной доступности, проблемы, связанные с разрывом между городской и областной властью. Можно сделать вывод о том, что данный регион имеет гораздо больше барьеров – *административно-организационных, инфраструктурных, социально-политических*.

Проблемы Белгородской области из альтернативных источников частично совпадают с проблемами, выявленными в контенте официального интернет-портала, однако сторонняя оценка реализации стратегических инновационных и научно-технологических документов представлена гораздо шире. Альтернативные источники дают более детальное рассмотрение таких проблем, как формирование интеллектуально-инновационной среды, пассивное противодействие внедрению инноваций на предприятиях, необходимость создания координационного центра по сплочению всех элементов инновационной инфраструктуры. Наряду с Новосибирской областью, в данном регионе отмечено наибольшее количество барьеров.

На официальном сайте Республики Дагестан отмечено наличие 5-ти из 9-ти представленных в табл. 14 барьеров. Данный регион находится на низшем уровне социокультурной модернизации, о чем открыто говорится как в официальных, так и в альтернативных источниках. Основные образовательные, кадровые и инвестиционные барьеры подробно описаны с позиции официальной власти.

В Смоленской области, наряду с социально-политическими, инвестиционными и кадровыми, существуют *инфраструктурные и инфо-коммуникативные барьеры*. В пользу этого говорят альтернативные источники информации. Основной проблемой Смоленской области, как и ряда других регионов, является незаинтересованность бизнес-структур в реализации инновационных продуктов, отсутствие диалога между властью, разработчиками и поставщиками высокоэффективных технологий.

Как выяснилось по результатам анализа, сегодня на официальных сайтах Правительств регионов (с различным уровнем социокультурной модернизации) прослеживается информация, позволяющая говорить о различном уровне влияния информационно-коммуникативных и административно-организационных барьеров на функционирование и деформацию деятельности региональных органов власти и управления, в том числе и на важнейшие процедуры разработки и реализации стратегических решений и документов, а также на стабильную и эффективную работу информационно-коммуникативного пространства (поля), выстроенную на принципах обратной связи. По результатам исследования на данный момент доминируют модели коммуникационных стратегий на основе выстраивания линейных, односторонних связей.

Основная проблема, отмеченная в ходе анализа, заключается в отсутствии обратной связи, а также в слабом контроле реализации стратегических решений и документов.

В целом, официальные сайты регионов не оправдывают своей функции, а именно, быть инструментами управления и трансляции стратегической информации. Возможности обратной связи при разработке стратегических документов сведены к минимуму. По сути, при помощи сайтов сегодня выстраивается стратегия информационно-коммуникационных взаимодействий (линейные связи), а не информационно-коммуникативных (на принципах обратной связи).

Выводы

В соответствии с целью и задачами исследования авторами были разработаны такие элементы программы, как проблема, объект, предмет, гипотезы и методы их проверки.

В итоге были выполнены задачи первого этапа:

- зафиксирована высокая степень неполного использования потенциала стратегических документов и необходимых операций работы с ними, в зависимости от уровня социокультурной модернизации регионов;

- эмпирически установлены генеральные разработчики стратегических документов, определена роль социальных групп и научных сообществ в их разработке, в зависимости от уровня социокультурной модернизации регионов;
- дистанционно уточнена степень наличия связи между реализацией элементов СНТР РФ с разработкой стратегических документов и уровнем социокультурной модернизации регионов;
- выявлен уровень информирования стейкхолдеров из состава регионального населения как о стратегических документах, так и об используемых формах обратной связи, используемых руководством для вовлечения субъектов управления регионом в процесс разработки и реализации стратегий инновационного и научно-технологического развития (при помощи совещаний, согласительных процедур);
- определен характер преимущественной административно-организационной ориентации разработчиков стратегических документов (на отчетность перед вышестоящими органами, на действительное развитие региона, на комбинацию того и другого, и др.);
- уточнены типы барьеров, тормозящих или деформирующих реализацию планов, программ и стратегий научно-технологического развития регионов с учётом их развития.

По итогам работы был сделан главный вывод: положительные результаты построения региональной инновационной инфраструктуры отмечены, прежде всего, в регионах с высоким уровнем модернизации (Свердловская, Томская, Новосибирская, Нижегородская и Московская области). За ними идут регионы со средним уровнем модернизации: Республики Башкортостан, Саха (Якутия), а также Омская область. Что касается регионов с уровнями модернизации ниже среднего и низким, то здесь отмечается их слабое позиционирование на рынках инноваций, а также незначительная включенность в деятельность по организации цепочек необходимых и достаточных связей между разработчиками и производителями инновационных продуктов. Подобные связи выявлены только в двух регионах – Московской и Новосибирской областях. В Республике Башкортостан и в Омской области пока имеют место только попытки организации таких связей за счет инжиниринговых центров и трансфера технологий.

Результаты исследования показали, что информация, размещаемая региональными органами власти на своих официальных сайтах, а значит, и доля регионального присутствия в процессе разработки и реализации стратегии научно-технологического развития, невелики. Только в 6-ти из 14-ти

обследованных авторами регионах отображены ключевые положения СНТР. Все приоритетные направления СНТР представлены в исследованных регионах, но используются разработчиками выборочно и не носят системного характера. Чаще всего в регионах упоминают о переходе к цифровым технологиям, роботизированным системам, новым материалам и способам конструирования (12 регионов), но не говорится, кем и как это делается.

Как правило, в состав участников разработки и реализации СНТР включены только федеральные и региональные органы власти. В некоторых регионах к этому привлекаются бизнес-структуры (в 3-х регионах) и научное сообщество (в 2-х регионах). Муниципальные же органы власти и общественные организации фактически не участвуют в процессах их разработки и реализации СНТР.

Результаты анализа официальных сайтов Правительств регионов с различным уровнем социокультурной модернизации позволяют говорить об информационно-коммуникативных и административно-организационных барьерах как о следствии деформации принципов обратной связи в деятельности соответствующих органов власти и управления. Отсюда основная проблема, обнаруженная в ходе анализа: она заключается в слабом контроле реализации стратегических решений и принятых на их основе документов по линии «центр–регионы–гражданское общество». Можно сделать вывод, что официальные сайты регионов не оправдывают своего основного назначения – быть инструментами формирования поддержки политики инновационного развития со стороны широких слоев населения. Свидетельством того является то существенное обстоятельство, что социальные возможности как обычной, так и инфо-коммуникативной обратной связи сведены к минимуму как при разработке стратегических документов, так и при их реализации.

Несомненно, что по своему замыслу предпринимаемые стратегические разработки призваны помочь регионам решать целый комплекс накопившихся у них проблем и, в результате, улучшить качество жизни населения. Об этом говорит и интерес регионов к разработке «индекса социального благополучия». Однако, как утверждают независимые эксперты и данные предыдущих и настоящего авторских исследований, ситуация в большинстве регионов не только не улучшается или просто остаётся без изменений, но и довольно часто ухудшается. Нередко бывает, что стратегические планы существуют сами по себе, а неподконтрольные процессы идут самопроизвольно. По

крайней мере, в ходе авторского дистанционного исследования барьеров в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации было обнаружено, что чем ниже уровень развития региона, тем меньше органы власти и управления, при наличии у них стратегических планов, стремятся к их выполнению, хотя, как казалось, всё должно было быть наоборот.

Это противоречие наводит на мысль, что уже разработанные и принятые к исполнению документы либо в принципе неадекватны стоящим перед регионами задачам, либо их реализация сталкивается с непредвиденными ранее трудностями, тормозящими их выполнение. В любом случае, разработка перспективных планов и программ, и тем более их реализация, являются обязательными элементами системы управления, а те случаи, когда они не работают или работают плохо, требуют специальных исследований, к числу которых относится и представленная работа. В результате исследования авторы пришли к выводу, что социологическое сопровождение подготовки и реализации Стратегических документов, на примере реализации СНТР РФ, даёт довольно полную картину организации работы в регионах по решению социально-экономических проблем на основе анализа информации о выборе лучшего сценария развития с использованием инструментария и механизмов реализации инновационной политики.

Настораживает главное: реальные возможности обратной связи в региональных системах управления при разработке стратегических документов и их реализации сегодня сведены к минимуму. Скорее всего, причина в том, что интересы центральных отраслей и ведомств сегодня устойчиво преобладают над интересами пространственного развития регионов, а значит, и интересами значительных слоев населения. Думается, что скоро станут ощутимыми последствия такой политики, в значительной степени препятствующие главной задаче страны на ближайшие 6 лет – реализации «рывка» в социально-экономическом развитии, предусмотренном в майских (2018 г.) Указах Президента РФ. Важно, однако, и то, что эти и другие выводы можно будет проверить и перепроверить на следующем этапе работы Центра социологии управления и социальных технологий ИС РАН, в 2019 году, с помощью других методов, в том числе анализа документов и экспертного опроса специалистов в выделенных регионах.

Список литературы

1. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. М.: Новый хронограф, 2008. 938 с.

2. Гонтмахер Е.Ш. Российская исполнительная власть: реальная и необходимая. В сб. статей: Государство. Общество. Управление / под ред. С. Никольского и М. Ходорковского. М.: Альпина Паблишер, 2013. С. 275–288. URL: <https://iphras.ru/uplfile/philec/nikolskiy/gou/ssg-verstka.pdf>
3. Горшков М.К., Трофимова И.Н. Образование как фактор и ресурс гражданского участия и демократического развития общества // Социологическая наука и социальная практика. 2016. № 1. С. 5–19. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25659454>
4. Давыдов А.П. Проблема медиации в европейской культуре: Запад и Россия // Общественные науки и современность. 2000. № 6. С. 82–93.
5. Лапин Н.И. Спонтанный характер процессов модернизации и развитие региональных инновационных систем (на основе «Атласа модернизации России и ее регионов») // Россия и мир: глобальные вызовы и стратегии социокультурной модернизации: материалы Междунар. науч.-практ. конф. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. С. 73–77.
6. Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов [монография] / [А.В. Тихонов и др.]; отв. ред. А.В. Тихонов. Москва: ФНИСЦ РАН, 2017. 432 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32347021>
7. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / гл. ред. Хэ Чуаньци; пер. с англ. под общ. ред. Н.И. Лапина. Предисл. Н.И. Лапина, Г.А. Тосуняна. М.: Весь Мир, 2011. 255 с. URL: http://www.ifes-ras.ru/attaches/books__texts/He_Chuangqi.pdf
8. Атлас модернизации России и ее регионов: социальноэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / сост.-отв. ред. Н.И. Лапин. М.: Весь Мир, 2016. 360 с.
9. Аксенова О.В. Парадигма социального действия: профессионалы в российской модернизации. М.: ИС РАН, 2016. 304 с.
10. Тихонова Н.Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М.: ИС РАН, 2007. 320 с.
11. Гиденс Э. Последствия современности. М.: Парадокс, 2011. 343 с.
12. Blei D.M., Lafferty J.D. Dynamic topic models / ICML '06 Proceedings of the 23rd international conference on Machine learning. Pittsburgh, Pennsylvania, USA — June 25 – 29, 2006. pp. 113–120. DOI: <https://doi.org/10.1145/1143844.1143859>
13. Coleman J.S. Foundations of Social Theory. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 1990, 933 p.
14. Geddes P. Cities in Evolution. London, 1949, 745 p.
15. Решетов К.Ю. Технопарки: проблемы функционирования и их роль в развитии крупного инновационного предпринимательства России // Бизнес в законе. 2014. № 5. С. 282–302. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23524410> (дата обращения: 26.07.2018)
16. Иншаков О.В. Стратегирование социально-экономического развития региона: научное обоснование и актуализация модели // Региональная экономика. Юг России. 2018. № 1 (19). С. 23–43. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=34942538>
17. Маркин В.В. Региональная структура российского общества: проблемы социального воспроизводства. Часть 1. Основные подходы к анализу социального воспроизводства региональной структуры российского общества: проблема комплексного измерения // Вестник ВЭГУ. 2016. № 3 (83). С. 59–73. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26154633>

Об авторах:

Тихонов Александр Васильевич, главный научный сотрудник, руководитель, Центр социологии управления и социальных технологий, Федеральный социологический центр РАН (117218, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5), Москва, Россия, доктор социологических наук, alvast39@mail.ru

Богданов Владимир Сергеевич, старший научный сотрудник, Центр социологии управления и социальных технологий, Федеральный социологический центр РАН (117218, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5), Москва, Россия, кандидат социологических наук, valarf@mail.ru

Мерзляков Андрей Александрович, ведущий научный сотрудник, Центр социологии управления и социальных технологий, Федеральный социологический центр РАН (117218, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5), Москва, Россия, кандидат социологических наук, merzliakov@mail.ru

Гусейнова Ксения Эльдаровна, аспирант, младший научный сотрудник, Центр социологии управления и социальных технологий, Федеральный социологический центр РАН (117218, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5), Москва, Россия, liksedar@mail.ru

Вклад соавторов:

Тихонов А. В. – общая концепция и организация исследования, описание основных элементов программы исследования (цели, объекта, предмета, и гипотез исследования), обобщение результатов.

Богданов В. С. – описание используемого метода и выборки исследования, описание результатов исследования относительно готовности регионов к инновационной деятельности.

Мерзляков А. А. – описание результатов исследования относительно причастность регионов к реализации целей и задач Стратегии научно-технологического развития.

Гусейнова К. Э. – описание результатов исследования относительно типов барьеров, препятствующих реализации целей и задач СНТР в регионах.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

References

1. Akhiezer A.S. Rossiya: kritika istoricheskogo opyta [Russia: historical experience criticism]. Moscow: Novyj hronograf, 2008. 938 p. (in Russ.)
2. Gontmaxer E.Sh. Russian Executive power: real and necessary. In: Nikol'skij S., Hodorkovskij M. (eds.) *State. Society. Management*. Moscow: AlpinaPabliher, 2013. p. 275–288. Available from: <https://iphras.ru/uplfile/philec/nikolskiy/gou/ssg-verstka.pdf> (in Russ.)
3. Gorshkov M.K., Trofimova I.N. Education as a Factor and Resource of Civic Participation and Democratic Development of Society. *Sociological Science and Social Practice*. 2016; (1):5–19 (in Russ.)
4. Davydov A.P. The problem of mediation in European culture: the West and Russia. *Social Sciences and Contemporary World*. 2000; (6):82–93 (in Russ.)
5. Lapin N.I. The spontaneous nature of the regional modernization processes and innovation systems development (on the basis of the "Atlas of Russia and its regionsmodernization»). In: *Russia and the world: global challenges and strategies of socio-cultural modernization*. Moscow: FNISCHRAN, 2017. p. 73–77 (in Russ.)
6. Russia: the power-management vertical reforming in the context of socio-cultural modernization of regions [monograph] / ed. by A.V. Tikhonov. Moscow: FNISCHRAN, 2017. 432 p. (in Russ.)
7. He Chuangui (ed.). Overview report on modernization in the world and China (2001–2010). Moscow: Ves Mir, 2011. 255 p. Available from: http://www.ifes-ras.ru/attaches/books__texts/He_Chuangqi.pdf (in Russ.)
8. Lapin N.I. (ed.) Atlas of Russia and its regionsmodernization: socio-economic and socio-cultural trends and problems. Moscow: VesMir, 2016. 360 p. (in Russ.)
9. Aksenova O.V. Social action Paradigm: professionals in Russian modernization. Moscow: ISRAS, 2016. 304 p. (in Russ.)
10. Tikhonova N.E. Social stratification in modern Russia: experience of empirical analysis. Moscow: ISRAS, 2007. 320 p. (in Russ.)
11. Giddens E. The Consequences of modernity. Moscow: Paradokys, 2011. 343 p. (in Russ.)
12. Blei D.M., Lafferty J.D. Dynamic topic models. In: ICML '06. Proceedings of the 23rd international conference on *Machine learning*. Pittsburgh, Pennsylvania, USA — June 25 – 29, 2006. p. 113–120. Available from: doi:<https://doi.org/10.1145/1143844.1143859> (in Eng.)
13. Coleman J.S. *Foundations of Social Theory*. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 1990, 933 p. (in Eng.)
14. Geddes P. *Cities in Evolution*. London, 1949, 745 p. (in Eng.)
15. Reshetov K.Yu. Technoparks: the problems of functioning and their role in the development of large innovative business of Russia. *Business in law*. 2014; (5):282–302. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnoparki-problemy-funktsionirovaniya-i-ih-rol-v-razvitii-krupnogo-innovatsionnogo-predprinimatelstva-rossii> [Accessed 20th July 2018] (in Russ.)
16. Inshakov O.V. Strategic planning of the social and economic development of a region: scientific substantiation and updating of a model. *Regionalnayaekonomika. YugRossii*. 2018;1(19):23-43. Available from: doi:<https://doi.org/10.15688/re.volsu.2018.1.3> (in Russ.)
17. Markin V.V. Regional Structure of Russian Society: the Problems of Social Reproduction. Part 1: Basic Approaches to the Analysis of Social Reproduction of the Regional Structure of the Russian Society: the Problem of a Complex measurement. *Vestnik VEGU = VEGU Herald*. 2016; 3(83):59–73 (in Russ.)

About the authors:

Alexander V. Tikhonov, Chief Research Fellow, Head of the Center of sociology of management and social technology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (24/35, korpus 5, Krzhizhanovskogo Street, Moscow, 117218), Moscow, Russian Federation, Doctor of Sociology Sciences, alvast39@mail.ru

Vladimir S. Bogdanov, Senior Researcher, Center of sociology of management and social technology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (24/35, korpus 5, Krzhizhanovskogo Street, Moscow, 117218), Moscow, Russian Federation, Candidate of Sociology Sciences, valarf@mail.ru

Andrey A. Merzlyakov, Leading Researcher, Center of sociology of management and social technology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (24/35, korpus 5, Krzhizhanovskogo Street, Moscow, 117218), Moscow, Russian Federation, Candidate of Sociology Sciences, merzliakov@mail.ru

Ksenia E. Guseynova, Junior Researcher, Center of sociology of management and social technology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (24/35, korpus 5, Krzhizhanovskogo Street, Moscow, 117218), Moscow, Russian Federation, likседar@mail.ru

Contribution of Authors:

Tikhonov A. – General concept and the study organization, the main elements description of the research program (purpose, object, subject, and hypotheses), generalization of the results.

Bogdanov V. – a description of the used method and the sample of the study, a results description of the study on the regions readiness to innovate.

Merzliakov A. – the results description of the study on the regions involvement in the implementation of scientific and technological strategy objectives development.

Guseynova K. – the results description of the study on the barriers types to the regions SNTR goals and objectives implementation.

All authors have read and approved the final manuscript.

УДК 338.1, 34.096, 334.021
JEL: A13, K10, K20, K30, Z13

DOI: 10.18184/2079-4665.2018.9.3.416-429

Экономическое правосознание россиян: внутренние и внешние факторы

Андрей Николаевич Курюкин¹

¹ Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Москва, Россия
117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

E-mail: kuriukin@inbox.ru

Поступила в редакцию: 10.05.2018; одобрена: 29.08.2018; опубликована онлайн: 28.09.2018

Аннотация

Цель: Цель данного исследования заключается в формировании комплексного представления об экономическом правосознании граждан как важнейшем факторе прогрессивного развития отечественной экономики и залого дальнейшего построения правового государства в России.

Методология проведения работы: Включает принципы системного, теоретико-познавательного, институционального, инструментального и междисциплинарного подходов, опосредованные принятыми в обществоведении представлениями о соотношении и взаимодействии субъективного и объективного факторов в общественных процессах при относительной самостоятельности субъекта.

Это обусловлено необходимостью решения следующих задач: охарактеризовать правосознание как явление и раскрыть содержание экономического правосознания; исследовать взаимодействие экономического правосознания современных россиян в отношении экономической задачи повышения реальных доходов граждан; раскрыть правовое сознание современного российского бизнеса, как главного актора решения задачи вхождения Российской Федерации в число пяти крупнейших экономик мира; изложить параметры влияния экономического правосознания на создание в базовых отраслях экономики высокопроизводительного экспортно-ориентированного сектора, развивающегося на основе современных технологий и обеспеченного высококвалифицированными кадрами.

Результаты работы: Экономическое правосознание следует понимать как процесс и результат осознания и оценки индивидом своего правового положения в экономике. Оно лично и социально обусловлено. Государственная экономическая политика России имеет прикладную специфику, которая ставит барьеры на пути интенсивного экономического развития. Современный россиянин, в большинстве случаев, экономически активен только для зарабатывания, для чего готов получить хорошее образование и много работать. В тоже время, он достаточно легко идет на незначительные нарушения закона, такие как работа без оформления за более высокую зарплату или получение кредита, который заведомо не будет возвращен в полном объеме, тогда как российский бизнес, в основном, работает в правовом поле.

Выводы: Можно констатировать, что экономическое правосознание россиян, как и правосознание вообще, имеет ситуационный характер, где мерилом становятся личные желания, потребности и интересы индивида, для реализации которых он готов пойти на нарушение закона. Преодолеть такую ситуацию может только комплексная и планомерная деятельность органов власти, институтов гражданского общества и российского социума по решению стоящих перед ним экономических задач прогрессивного развития, в том числе и посредством правового воспитания и просвещения.

Ключевые слова: экономика, экономическая политика, право, сознание, правосознание, ценности, предпочтения, ориентации

Благодарность. Статья написана в рамках выполнения государственного задания по плановой теме «Россия и мир: взаимодействие внутренних и внешних факторов развития страны и их отражение в массовом сознании»

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Для цитирования: Курюкин А. Н. Экономическое правосознание россиян: внутренние и внешние факторы // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2018. Т. 9. № 3. С. 416–429. DOI: 10.18184/2079-4665.2018.9.3.416-429

© Курюкин А. Н., 2018

The Economic Legal Awareness of Russians: Internal and External Factors

Andrey N. Kuriukin¹

¹ Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
24/35, korpus 5, Krzhizhanovskogo str., Moscow, 117218

E-mail: kuriukin@inbox.ru

Submitted 10.05.2018; revised 29.08.2018; published online 28.09.2018

Abstract

Purpose: is to form a comprehensive view of economic legal awareness as the most important factor in the progressive development of the domestic economy and the pledge of the further construction of the rule of law in Russia.

Methods: the research is based on the principles of systemic, theoretical-cognitive, institutional, instrumental and interdisciplinary approaches, on the idea of the correlation and interaction of subjective and objective factors in social processes accepted in social science, with relative independence of the subject. Which is devoted to the following tasks: To characterize the legal awareness as a phenomenon and disclose the content of economic legal awareness; To investigate the interaction of the economic legal awareness of modern Russians with regard to the economic task of raising real incomes of citizens; To uncover the legal consciousness of modern Russian business, as the main actor of solving the problem of the Russian Federation becoming one of the five largest economies in the world; To outline the parameters of the influence of economic legal awareness on the creation of a high-performance export-oriented sector in the basic sectors of the economy, developing on the basis of modern technologies and provided with highly qualified personnel.

Results: economic legal awareness should be understood as a process and result of the individual's comprehension and evaluation of his legal position in the economy. It is personal and socially conditioned. The state economic policy of Russia has applied specifics, which puts barriers on the way of intensive economic development. The modern Russian in most cases is economically active only for earning, for which he is ready to get a good education and work hard. At the same time, it easily enough goes on minor violations of the law, such as work, without registration for a higher salary or obtaining a loan, which certainly will not be returned in full. At the same time, Russian business, basically, works in the legal field.

Conclusions and Relevance: it can be stated that the economic legal awareness of Russians, like the legal awareness in general, is situational in nature, where the individual's desires, needs and interests become a yardstick, for the implementation of which he is ready to violate the law. Overcome this situation can only complex and systematic activity of government bodies, institutions of civil society and the Russian society to solve the economic problems of progressive development facing it, including through legal education and enlightenment.

Keywords: economics, economic policy, law, awareness, legal awareness, values, preferences, orientations

Acknowledgments. Article is written within performance of the state task on a planned subject "Russia and world: interaction of internal and external factors of development of the country and their reflection in mass consciousness"

Conflict of Interes. The Author declares that there is no Conflict of Interest

For citation: Kuriukin A. N. The Economic Legal Awareness of Russians: Internal and External Factors. *MIR (Modernizatsiia. Innovatsii. Razvitiie) = MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2018; 9(3):416–429. DOI: 10.18184/2079–4665.2018.9.3.416–429

Введение

Экономическое развитие любого общества и государства в современной цивилизации не теряет свою актуальность. Сегодня этот вопрос исследуется практически всеми науками и их отраслями в рамках присущих им объектов и предметов исследований, что отражает их специфику. В то же время, цивилизация находится сегодня в условиях глобальных перемен, которые нарастают лавинообразно. Это ощущается во всех сферах общественной жизни – в экономике и технологиях, в

политических и социокультурных отношениях, в мировом развитии. Такая ситуация требует комплексных исследований и новых точек зрения на вопрос трансформации фундаментальных устоев социального бытия, восприятия и осмысления человеком окружающей действительности, мотивации его поведения в динамично меняющихся условиях жизни.

В то же время, перед Россией сегодня стоят весьма актуальные и серьезные задачи обеспечения прорывного научно-технологического и социально-

экономического развития Российской Федерации, как сказано в Указе Президента Российской Федерации № 204 от 07.05.2018 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» – для увеличения численности населения страны, повышения уровня жизни граждан, создания комфортных условий для их проживания, а также условий и возможностей для самореализации и раскрытия таланта каждого человека. В таких условиях Президент России В.В. Путин поставил перед обществом и государством ряд амбициозных экономических задач, среди которых: обеспечение устойчивого роста реальных доходов граждан, а также роста уровня пенсионного обеспечения выше уровня инфляции, вхождение Российской Федерации в число пяти крупнейших экономик мира, обеспечение темпов экономического роста выше мировых при сохранении макроэкономической стабильности, в том числе инфляции на уровне, не превышающем 4-х процентов, создание в базовых отраслях экономики, прежде всего в обрабатывающей промышленности и агропромышленном комплексе, высокопроизводительного экспортно-ориентированного сектора, развивающегося на основе современных технологий и обеспеченного высококвалифицированными кадрами.

Эти вопросы обсуждались и обсуждаются представителями самых различных наук и научных отраслей. Однако все более и более уверенно на передний план выходят социально-правовые аспекты развития российского общества и государства. Поэтому совершенно не случайно, что еще в 2012 году на конференции НИУ ВШЭ «Модернизация правовых институтов: вызовы времени» Евгений Ясин, в частности, отметил: «Я чувствую, что все наши начинания – я имею в виду рыночную экономику и попытки формирования демократического общества – пока находятся в «плавающем» состоянии. Дальнейшее развитие в вопросе формирования современной российской государственности и развития российской экономики ...зависит от того, в каком состоянии будет право и правосознание большинства граждан России». Рассмотрению современного состояния экономического правосознания россиян и посвящена эта статья.

Обзор литературы и исследований. Зарубежная и отечественная наука обратились к проблеме правосознания практически одновременно, во

второй половине 70-х годов XX века. Именно тогда, в 1976–1977 годах, в Великобритании, США и СССР вышли работы, посвященные социологическому анализу правосознания [1, 2]. Такое обращение было, безусловно, не случайным¹. Его причину, на взгляд автора, следует усматривать в сложении целого ряда факторов. С одной стороны, именно в это время перед обществом и общественными науками весьма остро встали вопросы определения закономерностей развития индивида и социума и его прогнозирования в части определения путей, векторов, форм, движущих сил и т.п. В то же время, к этому периоду мировая социология накопила необходимый опыт и сформировала инструментарий исследования самых различных предметов.

Анализируя методологию исследований правосознания, следует отметить, что, работая в исследовательском поле социологии права, исследователи используют свойственные для этой отрасли инструменты и приемы сбора и обработки данных, а они практически в неизменном виде пришли из общей социологии [3–8]. Однако сложность и специфика такого предмета исследований, как правосознание, отличающееся высокой подвижностью и изменчивостью, вынуждали исследователей трансформировать технологию реализации как полевых, так и лабораторных этапов, учитывая такие факторы, как время суток и т.п. В остальном методика исследований не отличалась от общесоциологической.

Обобщая результаты исследований содержательно, необходимо отметить, что в рамках понятийной базы категория правосознания интерпретируется в научном дискурсе в двух основных парадигмах – теоретической и прикладной, каждая из которых имеет широкое и узкое толкования. Широкое толкование² теоретической парадигмы вовлекает в орбиту социокультурных исследований правосознания огромный спектр явлений и процессов, имеющих как идеальный (умственный), так и реальный характер [9]. Узкое толкование этой парадигмы вовлекает в исследование ограниченный спектр феноменов, которые имеют в большей степени идеопсихологический характер – наличие знаний о праве и законе, понимание права и закона, сформированность личностного отношения к праву и закону, законченность мотивации поведения в ее правовом аспекте [10, 11].

¹ Щегорцов В.А. Правосознание как объект социологического исследования: автореф. ... канд. юр. наук. М.: Министерство юстиции СССР, 1976. 22 с.

² Социология права. Словарь специальных терминов / В. Касьянов, В. Нечипуренко. Ростов Н/Дону: Феникс, 2001. 480 с.

Прикладная парадигма исследований правосознания в фокусе изысканий имеет поведенческие аспекты. Поэтому в ее рамках существенно более высокая степень структурирования объектов исследования, чем в теоретической. Индикатором здесь выступает профессионализм присущего индивиду правосознания, проявляющийся в поведении. Так, специфическими объектами исследований здесь выступают носители профессионального правосознания – судьи, работники прокуратуры, полицейские, адвокаты и проч., обыкновенные граждане, волею судьбы интегрированные в правовую систему в качестве истца или ответчика и, наконец, граждане, не интегрированные в правовую систему. Все они обладают специфическим правосознанием и отличительными чертами поведения, что позволяет на практике констатировать наличие трех типов правосознания – профессионального, полупрофессионального и непрофессионального (обывательского) [12]. В рамках этой парадигмы на переднем плане стоит вопрос прикладного развития правосознания, который предлагается решать за счет повышения уровня правовой грамотности населения через правовое образование и разъяснительную работу [13].

Материалы и методы. В качестве объекта для данного исследования выбрано экономическое правосознание, как комплекс идеальных легальных представлений об экономике, определяющий соответствующую мотивацию поведения индивида. Для его объективной характеристики автором были отобраны социальные данные, полученные из таких исследований и источников, как:

- International Social Survey Programme;
- базы мониторингового исследования Института социологии ФНИСЦ РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», созданные при финансовой поддержке РФФ;
- результаты исследований ФОМ, ВЦИОМ, НИУ-ВШЭ, Левада-центра;
- данные РОССТАТa;
- данные МВД РФ;
- иные данные.

Анализ основывался на применении комплексного подхода к изучению социальных явлений и процессов, подверженных изменениям, которые происходят в контексте внутренних и внешних факторов. Такая стратегия обоснована прежде всего тем, что современная социальная ситуация в России и мире характеризуется повышенной динамикой и усложнением общественной жизни, а это предъявляет повышенные требования к социологическому знанию по показателям комплексности и многоаспектности его характера. В первую очередь, это

относится ко всестороннему анализу и объяснению состояния и тенденций развития как отдельных сфер жизнедеятельности общества, так и социальных изменений, происходящих в нем в целом. Данная проблема особенно актуальна в контексте изучения российского социума, не одно десятилетие переживающего противоречивые трансформационные процессы и по-прежнему решающего вопрос выбора вектора собственного развития. Конкретно были использованы следующие методы: системно-структурный, метод сравнительного анализа, методы количественного и качественного анализа, экономический, конкретно-социологический, логико-юридический, исторический и иные методы комплексного научного исследования.

Результаты исследования

Понятие правосознания и его интерпретация в экономике. Рассматривая вопрос понятия «правосознания», наиболее просто определить его как правовое измерение человеческого сознания, то есть ту специфическую часть, которая отражает особые правовые явления в окружающей действительности и становится основанием формирования к ним личного отношения индивида и, позже, мотивации его поведения и поступков. Однако такой подход не раскрывает сущности правосознания, тем более, рассматриваемого в контексте такого сложного общественного феномена, как экономика.

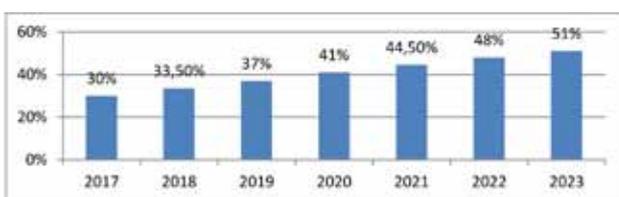
По мнению автора, правосознание заключается в сложной совокупности эмоциональных и рациональных проявлений человеческой психики и интеллекта, которые обеспечивают последовательно восприятие объективных правовых явлений и процессов, их распознавание (идентификацию) и формирование их субъективной (со стороны индивида), рациональной или эмоциональной оценки.

Интерпретируя предложенное определение к экономике, необходимо отметить, что как субъективной, так и объективной основой формирования экономического правосознания выступает так называемая экономическая установка, трактуемая как компонент бессознательного – совокупность верований, предшествующих и определяющих собой мобилизацию перед началом поведения [14]. Применительно к экономическому правосознанию сутью выступает трудовая установка. Именно она обуславливает сначала бессознательное, а позже – осознанное отношение индивида к труду и его экономическую активность в целом, которая может проявляться в легальных и иллегальных формах, что и определяется правосознанием.

В современном российском праве и правосознании фундаментом проявления трудовой установки выступают два базовых принципа – «право на труд» и «право свободы труда».

Наиболее часто трудовая установка в современном общественном поведении проявляется в так называемом феномене работы, то есть систематическом возмездном или безвозмездном выполнении определенной трудовой функции, направленной на удовлетворение потребностей человека или группы лиц. Именно здесь, в организации реализации собственной трудовой функции, и проявляется правосознание двух основных участников этого процесса – работника и работодателя. Оно реализуется, как и было указано выше, в двух основных формах – правомерной и противоправной, и наиболее часто выражается в стремлении и фактическом нахождении в правовом или неправовом поле. Критерием здесь выступает надлежащее юридическое оформление трудовых отношений.

Сегодня и на протяжении последних лет в нашей стране этот вопрос привлекает к себе большой интерес. В 2016–2017 годах было проведено сразу несколько исследований. Весной-летом 2016 года к вопросу «зарплат в конвертах» (а эта идиома и является сегодня выражением реализации работником своей трудовой функции без надлежащего юридического оформления) обратился Всероссийский центр изучения общественного мнения³. По данным проведенного исследования, без оформления в Российской Федерации в настоящий момент работают 25–30% работников. При этом многие идут на отказ от надлежащего юридического оформления не только по принуждению работодателя, но и осознанно, отказываясь от уплаты налогов и иных обязательных платежей, в пользу повышения фактически получаемой заработной платы.

Составлено автором по материалам: Опрос: почти каждый третий россиянин получает зарплату «в конверте». ТАСС, 23.08.2017. URL: <http://tass.ru/obschestvo/4500705>

Рис. 1. Тенденция роста численности работников черной и серой сфер

Compiled by the author based: Poll: almost every third Russian gets a salary "in an envelope." TASS, 23.08.2017. URL: <http://tass.ru/obschestvo/4500705>

Fig. 1. The growth trend in the number of workers in the black and gray spheres

Эту же причину, фактически, указал в качестве основных мотивов перехода реализации трудовой установки в так называемую «серую зону» весной 2017 года и министр экономики Российской Федерации Антон Силуанов, который, в частности, заявил, что объем «серых зарплат» в России составляет 10 трлн рублей ежегодно, что покрывает примерно треть от общего объема⁴.

Исследование 2017 года, проведенное Центром социально-политического мониторинга Института общественных наук РАНХиГС, дало сходные результаты⁵. По данным мониторинга, количество участников современного некриминального теневых рынка труда – около 30% от общего количества работающих, что составляет около 23 млн человек. К ним примыкает еще около 10%, которые находятся на границе теневой и так называемой «белой» зоны, что следует понимать как тот факт, что эти работники (всего около 7–8 млн человек) частично получают так называемую белую зарплату, а частично «зарплату в конвертах». При этом установлено, что ежегодно количество работников, уходящих в теневую зону, прирастает на 3–4%, что может, при сохранении этой тенденции, в определенной перспективе приблизиться к цифре в 50%, а финансовый оборот этой зоны незаконных трудовых отношений может составить от 15 до 20 трлн рублей (см. рис. 1).

При этом следует отметить, что в рассматриваемой трактовке экономического правосознания россиян в ракурсе трудовой установки следует обратить внимание на важность возрастного фактора. Так, по данным упоминавшихся выше исследований,

в большинстве случаев к работе в зоне незаконных трудовых отношений стремятся люди молодые, в возрасте 20–30 лет, количество которых в теневой зоне составляет около 40% от общего числа работающих этого возраста в России. При этом более старшие работники, в возрасте 40 лет и более, демонстрируют существенно большую законопослушность – их в теневой зоне всего 20% от общего количества работающих в России этого возраста.

Вторым ракурсом экономического правосознания выступают потребительские установки россиян. Они подразделяются на первичные и вторичные (базовые и производные). Первые включают в себя непосредственное удовлетворение потребностей, связанных с жизнедеятельностью (питание, одежда, жилье, лекар-

³ ВЦИОМ: Каждый четвертый россиянин получает зарплату «в конвертах» // Ведомости, 02 июня 2016

⁴ Минфин оценил объем серых зарплат в России // Московский комсомолец 20.04.2017

⁵ Опрос: почти каждый третий россиянин получает зарплату «в конверте». ТАСС, 23.08.2017. URL: <http://tass.ru/obschestvo/4500705> (дата доступа: 10.03.2018)

ства). Вторые включают ориентацию на бренд/марку товара и предусматривают предпочтение глобальных дорогих брендов, активно рекламируемых товаров; склонность приобретать продукцию компаний, заботящихся об окружающей среде, осуществляющих социальные проекты; ориентацию потребительских стандартов на высшие слои общества или медийные личности; восприятие шопинга как способа проведения досуга, доставляющего удовольствие; малое внимание к долговечности товара; активное использование кредитов в приобретательстве; следование моде; активные покупки в сети Интернет; использование в повседневной жизни электронных гаджетов (устройств).

Давая потреблению россиян прикладную характеристику, необходимо отметить, что, по данным РОССТАТа, на протяжении 2014–2017 годов оно непрерывно росло. Свидетельством этого выступает ежегодно отмечающийся РОССТАТом рост товарооборота розничной торговли на 0,5% в среднем⁶. В то же время, нельзя не отметить, что на протяжении этого периода времени доходы большинства россиян не возрастали и находились в состоянии стагнации. Чем же обеспечивалось и продолжает обеспечиваться растущее потребление? Источника здесь два:

- во-первых, использование личных сбережений;
- во-вторых, реализация потребительских кредитов, получаемых в банках.

Второй путь характеризует современное потребительское правосознание россиян весьма ярко. По данным ВЦИОМ, непогашенные кредиты есть сегодня у 57% жителей России. В свою очередь, по данным Fitch, общее количество должников банкам сегодня в России составляет 40 млн человек, которые должны 11 трлн рублей. При этом 80% из указанного количества не способны обслуживать свои займы⁷ [21]. Давая правовую характеристику потребительскому кредитованию, необходимо отметить, что оно представляет собой сделку между банком (кредитором) и гражданином (кредитополучателем, должником), по которому первый выдает второму в долг денежные средства, а последний принимает на себя обязательства по их возврату с процентами в оговоренный срок. При этом следует понимать, что изрядная часть, если не большинство, российских граждан отдает себе отчет в том, что, при огромном количестве складываю-

щихся ситуаций, не сможет погасить кредиты, а это подпадает под действие соответствующих статей Федерального закона № 395-1 от 02.12.1990 «О банках и банковской деятельности».

Таким образом, можно констатировать, что желание сохранить уровень потребления выводит огромную массу российских граждан в так называемую «серую зону», которая, уже входя в коллизию с законом, граничит с прямым правонарушением, предусмотренным статьей 177 «Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности» Уголовного кодекса РФ (УК РФ) от 13.06.1996 № 63-ФЗ. Однако в правосознании это рассматривается как допустимое, обосновывается крайней жизненной необходимостью и, собственно, противоправным не считается. Особенно это относится к более молодым гражданам России в возрасте 25–34 года (что весьма настораживает), среди которых, согласно опросам, около 70% должников, не гасящих кредиты⁸.

Третьим, и последним экономическим ракурсом правосознания выступает самостоятельная экономическая активность. Рассматривая ее подробнее, необходимо отметить, что на сегодня, по данным РОССТАТа, в Российской Федерации зарегистрировано в общей сложности 3 817 863 предпринимателей, из которых 151 304 – главы крестьянских (фермерских) хозяйств. Следует при этом отметить, что, по статистике МВД, подавляющее большинство отечественных предпринимателей законопослушны. Так, на протяжении последних 3-х лет (2015, 2016 и 2017) существенной динамики показателей преступлений в сфере экономики не выявляется. По данным МВД РФ, на протяжении этих лет общее количество преступлений против собственности «Мошенничество» находится на уровне около 20–21 тыс. ежегодно, в свою очередь, собственно экономические преступления дают показатель около 30 тыс. ежегодно. Чаще всего экономические преступления связаны с изготовлением, хранением, перевозкой или сбытом поддельных денег или ценных бумаг – около 60%⁹. Поэтому можно констатировать, что в подавляющем большинстве случаев отечественные предприниматели работают в правовом поле, что свидетельствует о достаточном уровне правосознания, присущего им.

Здесь необходимо отметить, что предприниматель не является единственным актором экономической

⁶ Информация о социально-экономическом положении россиян за 2017 год. М.: РОССТАТ, 2018. 114 с.

⁷ Фаляхов Р. Россия в долгах. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2016/02/08/8063009.shtml?updated> (дата доступа: 10.03.2018)

⁸ Россияне в кредитной петле. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2017/11/20/10994738.shtml?updated> (дата доступа: 10.03.2018)

⁹ Состояние преступности в России за 2015, 2016 и 2017 годы соответственно

среды. Большую роль в ней играют сотрудники правоохранительных органов, следователи прокуратуры и прокуроры – государственные обвинители и судьи. Именно эти категории профессионалов активно участвуют в экономико-юридических процессах, связанных с выявлением экономических преступлений, изобличением виновных, расследованием и назначением наказания по приговору суда.

Подробному анализу этот вопрос подвергли весной 2018 года аналитики адвокатской коллегии «Барщевский и партнеры», выдвинувшие парадигму правового положения в сфере российского бизнеса: «Количество преступлений – падает, а количество уголовных дел – растет»¹⁰. По их мнению, здесь мы сталкиваемся с бинарной проблемой. С одной стороны, существует огромное количество коллизий, которые, будучи, по сути, спором между двумя хозяйствующими субъектами, должны рассматриваться не в уголовной, а в гражданско-правовой сфере. Это, например, поставка некачественного продукта или срыв сроков, повлекший за собой финансовый ущерб предприятию и т.п. То есть такие споры и коллизии, которые вообще в ряде случаев могут быть урегулированы в досудебном порядке.

В то же время, здесь играет роль общая репрессивная направленность отечественной юриспруденции, которая не одно десятилетие демонстрирует склонность к обвинительным приговорам, количество которых по делам в отношении предпринимателей достигает более 90%. Для сравнения, количество оправдательных приговоров по результатам судебных разбирательств в отношении предпринимателей с участием суда присяжных достигает 15% от общего количества приговоров. Таким образом, рассматривая правосознание предпринимателей как активных участников современной российской экономики, необходимо учитывать еще и особенности правовых традиций, наличествующих в современных российских ОВД, следственных и судебных органах, которые определяют собой специфику профессионального правосознания их личного состава.

Внешние факторы, определяющие правосознание россиян. Переходя к дальнейшему анализу экономического правосознания современных россиян, необходимо отметить, что оно определяется не только указанным выше содержанием, но и комплексом внешних и внутренних факторов. К первым относятся:

- экономические права россиян по Конституции РФ;

- государственная экономическая политика России;
- судебная практика по вопросам экономического функционирования.

Рассмотрим их подробнее. Итак, Конституция Российской Федерации, принятая на всенародном референдуме в 1993 году, предоставляет и гарантирует гражданам широкий спектр экономических прав, выступающих основанием свободной реализации на территории РФ человеком и гражданином своего личного трудового и предпринимательского потенциала в сфере производства, обмена и распределения товаров и услуг, равно как и их потребления для удовлетворения своих потребностей и реализации законных интересов. При этом фундаментом этих прав выступает обладание собственностью и другими имущественными благами. К основным экономическим правам, закрепленным в Конституции РФ, относятся:

- право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (ст. 34);
- право частной собственности (ст. 35) и ее наследования (ч. 4 ст. 35);
- право свободного владения, пользования и распоряжения землей и другими природными ресурсами (ст. 36) [15].

Регламентируя экономические права более подробно, Конституция гарантирует право на осуществление любой не запрещенной законом экономической деятельности, для чего предоставляет возможность свободно использовать как свои способности, так и имущество (ч. 1 ст. 34). В то же время, экономическая деятельность, направленная на монополизацию и недобросовестную конкуренцию в Российской Федерации, не допускается (ч. 2 ст. 34). По положениям ч. 1 ст. 35, право частной собственности охраняется законом. Оно принадлежит как физическим (частным) лицам (гражданам России, гражданам иных государств, апатридам), так и юридическим лицам (организациям, предприятиям). При этом ст. 36 Конституции устанавливает право свободного владения, пользования и распоряжения землей и другими природными ресурсами для граждан и их объединений.

Таким образом, как мы видим, экономические права граждан России в Конституции разработаны и представлены на высоком уровне, их изложение обладает качественной юридической техникой и находится как по содержанию, так и по форме на

¹⁰ Караханян С. Количество уголовных дел в предпринимательской сфере растет, а количество преступлений – нет. URL: <http://www.bbp.ru/news/1/kolichestvo-ugolovnyx-del-v-predprinimatelskoj-sfere-rastet-a-kolichestvo-prestupenij-net> (дата доступа: 17.03.2018)

уровне мировых стандартов. Думается, что именно эти положения должны стать важнейшим компонентом правосознания российского гражданина вообще и экономического правосознания в частности, составив его парадигмальный фундамент. Но это, к сожалению, не так. Опросы, проводимые на протяжении долгого срока Левада-центром, показывают, что 65% российских граждан либо не читали Конституцию вообще, либо читали, но ничего не помнят¹¹. В таких условиях можно констатировать, что в экономическом правосознании современных российских граждан конституционный компонент просто не сформирован и находится на уровне юридической абстракции, когда на бытовом уровне, в конечном итоге, каждый понимает, что имеет определенные права, но даже минимальной правовой конкретизации у этого понимания не имеется.

Вторым объективным фактором, формирующим экономическое правосознание современных россиян, выступает государственная экономическая политика. Нет нужды объяснять, что и современная отечественная экономика и, что закономерно, государственная экономическая политика, имеют сырьевую направленность. Следует отметить, что на протяжении практически последних трех десятилетий состояние российской экономики весьма часто непосредственно зависело от принимаемых политических решений. Истоки такого положения автор усматривает еще в 80-х – 90-х годах XX века, когда сначала была проведена попытка обновления советской командно-административной системы и свойственной ей плановой экономики путем введения в нее элементов хозрасчета, самокупаемости и самофинансирования, формирования системы конкуренции и конверсии предприятий ВПК, то есть частичного перевода советской экономики на рыночные основы функционирования. Интенсификация перевода отечественной экономики в 90-е годы на капиталистические рельсы проводилась именно государственно-политическими методами, примером чего может служить широко известный в то время Указ Президента РФ от 29.01.1992 № 65 «О свободе торговли».

В то же время необходимо отметить, что такая государственная экономическая политика реализовывалась в условиях несформированности как общественных институтов, так и, собственно, экономических механизмов, свойственных демократическому обществу и капиталистическому типу хозяйства, а в ряде случаев они не сформированы и сейчас. Поэтому среди правовых оценок государственной экономической политики в современной

России у широких масс граждан сформировалась уверенность в ее волюнтаристичности, где истеблишмент, ради реализации своих интересов, готов пойти на любые меры, какой бы результат для общества они не несли.

На современном этапе объективной характеристикой российской экономики выступает так называемая «Модель Гронингена» («Голландская болезнь»), которая характеризуется бурным ростом одного из секторов на фоне падения или стагнации всех остальных [16]. Для России это нефтегазовый сектор, который на протяжении всего этого времени обеспечивал нашей стране стабильно высокий доход от импорта углеводородного сырья, позволив, особенно в годы высоких цен на нефть, накопить определенные финансовые резервы. Они же привели к фактическому отказу от интенсивного развития инвестиционной привлекательности российской экономики как части государственной политики, достаточно свободному поведению в вопросах собственности и инициации большого количества бюджетных проектов с неясной финансово-экономической эффективностью.

Последним по списку, но не по значимости, внешним фактором формирования экономического правосознания индивида объективно выступает судебная практика по вопросам функционирования экономики и поведения ее акторов. Здесь следует отметить, что основная масса российских граждан практически ничего не знает о судебных решениях, разъяснениях Верховного суда РФ и постановлениях Пленума Верховного Суда, которые могут существенно менять правовую практику и, как следствие, легальную экономическую реальность, ею образуемую.

Приведем простой пример. 3 октября 2017 года прошел Пленум Верховного суда Российской Федерации, который выступил с рядом важных инициатив и предложений. Охарактеризуем некоторые из них. Во-первых, суды предлагается освободить от необходимости обосновывать свои решения, сведя все судебные акты к вводной и резолютивной части. В первой будет описываться предмет судебного рассмотрения, а во второй – решение по предмету в окончательном виде, без какой бы то ни было мотивации. Объективно, такое положение приведет к абсолютной и ультимативной шаблонности работы судов, которая в условиях того, что, по данным судебной статистики, в порядке апелляции в России отменяется только 2% судебных решений, а в порядке кассации всего 0,1%, может привести к выхолащиванию самой сути

¹¹ Общественное мнение – 2017. М.: Левада-Центр, 2018. С. 126

суда. Во-вторых, предлагается в качестве обязательного требования к представителю (истца или ответчика) в судах по гражданским делам ввести наличие высшего юридического образования, как уже установлено в административном судопроизводстве. В-третьих, сторону гражданского процесса предлагают обязать самостоятельно рассылать другим участникам дела документы, которых у них нет. В-четвертых, более половины дел предлагается рассматривать в упрощенном порядке. В их число попадут, в том числе, споры до 500 000 руб. в гражданском процессе и до 1 млн руб. в арбитражном¹².

Таким образом, следует констатировать, что, несмотря на то, что судебная практика занимает, фактически, весьма серьезное место в организации и модификации экономико-правовой реальности, в правосознании индивидов она занимает ничтожное место. Большинство граждан уверено в том, что эти акты относятся к каким-то отвлеченным субъектам и не затрагивают жизнь, права, удовлетворение потребностей и реализацию законных интересов большинства граждан. Эти акты и их содержание относятся обывателями к области знания специфических субъектов (юристы, адвокаты, судьи т.п.), к которым, впрочем, согласны обращаться только в крайних случаях. Отказ же от ознакомления с этими документами мотивируется их сложностью для понимания (так как они написаны специфическим юридическим языком), своей занятостью, нехваткой времени и отсутствием необходимого образования и подготовки.

Внутренние факторы, определяющие экономическое правосознание россиян. Наконец, рассмотрим внутренние факторы формирования экономического правосознания россиян. К ним, по результатам исследований, автор отнес такие социально-философские феномены, как:

- ценности;
- ориентации;
- предпочтения.

Итак, как было постулировано выше, центральным вопросом экономического правосознания является обусловленное правом отношение индивида к труду. Поэтому главным внутренним определяющим фактором являются трудовые ценности, на основе которых строится личная оценка правовой

реальности реализации труда в национальной экономической сфере. Давая им определение, следует отметить, что трудовые ценности – это представления и суждения индивида о важности для него труда в целом и отдельных его сторон, имеющие эмоциональную окраску. Они же выступают как индикаторы трудовой мотивации, то есть факторы, определяющие его трудовое поведение.

Рассматривая трудовые ценности как явление, важно заметить, что в сути своей они вытекают из социально-экономических и культурных особенностей конкретного общества и более широко – страны. В то же время, применительно к нашей стране можно сказать, что протекающая социально-экономическая модернизация предполагает формирование специфического комплекса трудовых ценностей, где на переднем плане ответственная и инициативная работа.

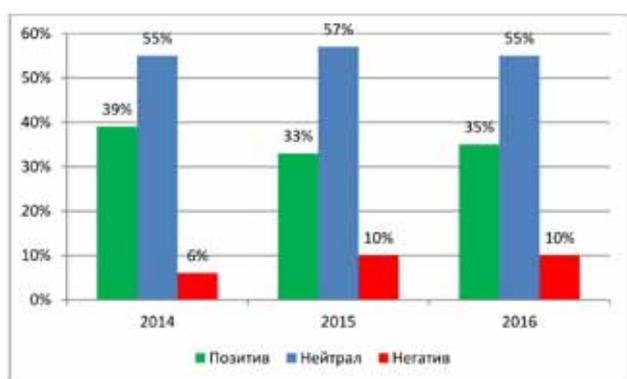
Анализируя трудовые ценности россиян, необходимо отметить, что они сегодня наиболее полно проявляются в отношении к работе. Такое исследование на протяжении 1998–2015 годов проводилось в рамках Международной программы социальных исследований (International Social Survey Programme, ISSP)¹³. Основываясь на собранных данных, 35–45% опрошенных россиян стали бы работать, даже если и не нуждались бы в деньгах, тогда как материальное благополучие (отсутствие денежной нужды) выступает основанием отказа от реализации своей трудовой способности для 18–22%. Однако около 51–53% россиян, по результатам этого исследования, рассматривают работу исключительно как средство извлечения денежного дохода. В свою очередь, 25–30% опрошенных видят в работе не только источник денег, но что-то большее. Это отражает, в определенном плане, и мониторинг Института социологии РАН, по данным которого ценности престижности работы и карьерного роста (совокупно – 47%) сравнимы с ценностями интереса к работе и понимания работником ее высокой индивидуальной и социальной важности (44%) [17].

В то же время, трудовые ценности находятся под сильным воздействием объективной экономической ситуации, которая сегодня характеризуется кризисными явлениями. Поэтому осенью 2016 г., по результатам мониторинга ИС РАН, 35% опрошенных оценивали свою рабочую ситуацию как

¹² Постановление Пленума ВС от 3 октября 2017 года «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <http://vsrf.ru/documents/own/24031/> (дата доступа: 18.03.2018)

¹³ Modules by topic. Work Orientations // International Social Survey Programme URL: <http://www.issp.org/data-download/by-topic>. (дата доступа: 23.03.2018)

хорошую, 55% – как удовлетворительную, и лишь 10% – как плохую. Обращаясь к предыдущим исследованиям этого же вопроса, необходимо отметить, что за 2 предыдущих года, с 2014 года, ситуация сильно не изменилась – тогда показатели удовлетворенности составляли 33%, 57% и 10% соответственно. Несколько ухудшились эти показатели только по сравнению с докризисным периодом. Так, в феврале 2014 года 39% опрошенных оценивали свою рабочую ситуацию как хорошую, 55% – как удовлетворительную, и лишь 6% – как плохую, что дает нам разницу полярных оценок в 33%, по сравнению с 25% в 2016 году [17, с. 36–37]. Представим это в виде диаграммы (рис. 2).

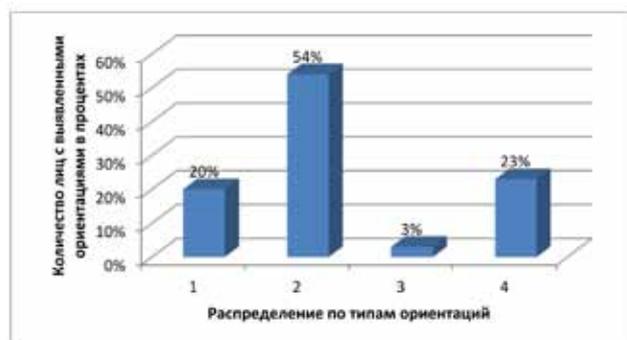
Составлено автором по материалам [17, с. 36–37]

Рис. 2. Отношение россиян к работе (удовлетворенность)

Compiled by the author based [17, p. 36–37]

Fig. 2. The attitude of Russians to work (satisfaction)

Рассматривая ориентации российских граждан в экономике, необходимо отметить, что большинство из них придерживается парадигмы: «Много работать и хорошо зарабатывать». Хорошая ра-

Составлено автором по материалам [18, с. 74–93]

Рис. 3. Распределение российского социума по типам

Compiled by the author based [18, p. 74–93]

Fig. 3. Distribution of Russian society by types

бота, как было показано выше, является для людей инструментальным и терминальным факторами. В первом случае она выступает средством достижения жизненных целей – удовлетворения потребностей, реализации интересов. Во втором – путем самореализации, достижения материального благополучия, приобретения высокого должностного статуса. Таким образом, может быть констатирована материальная и социально-статусная ориентация в сфере труда.

Основанием получения достойной работы российские граждане, главным образом, считают необходимые знания и наличие высокой квалифи-

кации, полученные по результатам образования, о чем напрямую заявляют практически 50% опрошенных [17, с. 35]. В то же время, работники в России все больше и больше приобретают рыночные черты, в частности, на передний план выходит индивидуализм, когда каждый человек строит свою стратегию трудового поведения, в зависимости от личных ценностных приоритетов и объективной ситуации.

Обобщенно можно выделить 5 типов ориентаций, по которым ранжируются участники современных экономических процессов в России. Сильно социально-ориентированный тип, явно предпочитает коллективные ценности индивидуалистским и, одновременно с этим, выступает за стабильность, традиции и безопасность. К этому типу, по результатам исследований, относится около 20% граждан. Полярным с предыдущим типом выступает тип с сильной индивидуалистической ори-

ентация, который максимально открыт новому и выступает за развитие. Одновременно с этим, у него преобладают эгоистические ценности, явно преобладающие над альтруистическими и кол-

лективными. К этому типу суммарно относится более половины россиян (54%). Больше индивидуалистов только в Венгрии, Чехии и Португалии. Еще два типа, примыкающие к указанным, имеют сочетания признаков как у указанных «сильных», но они менее выражены. Это типы слабой социальной и слабой индивидуалистической ориентации соответственно. Последним, пятым типом, выступает тип «сторонник ценностей роста». Его приверженец открыт новому опыту и выступает за постоянное развитие, и, в то же время, настроен на заботу о других и коллективные ценности. Представителей этого типа не более 2–3% – рис. 3 [18].

Наконец, рассматривая экономические предпочтения россиян, важно отметить, что

подавляющее большинство из них предпочитают сегодня статус и положение высоко оплачиваемого наемного работника, нежели самостоятельно-го бизнесмена. По результатам упоминавшихся выше исследований ИС РАН, в частности, волн федерального мониторинга, из общего количества опрошенных всего 5% имеют собственное дело. Это совпадает с данными РОССТАТа. Более того, не более 6-9% из общего числа опрошиваемых видят себя бизнесменами в будущей перспективе. На протяжении последних 15-ти лет большей привлекательностью, по данным статистики, пользовалась сфера розничной торговли, в которой количество занятых за период с 2000 по 2015 годы повысилось на 5% (с 13,7% до 18,8%). Значительный рост показали финансовая сфера и сфера операций с недвижимостью. Так, первая за период с 2000 по 2015 годы продемонстрировала практически двукратный прирост (с 1% до 2%), а вторая – увеличилась на треть (с 7% до 9% соответственно). В свою очередь, ощутимо упала привлекательность таких отраслей, как сельское хозяйство (с 13,9% до 9,2%) и обрабатывающая промышленность (с 19,1% до 14,4%). Практически без изменений остались рыболовство, добыча полезных ископаемых, транспорт и связь, здравоохранение¹⁴.

В это же время, российские работники на протяжении последних трех лет стали отдавать предпочтение работе на приватизированных предприятиях, тогда как привлекательность государственных предприятий стала падать. Если в 2014 году на госпредприятиях работало около 51% занятых в Российской Федерации, то уже в 2016 году эта цифра сократилась на четверть и составила 38%. За тот же период в той же динамике выросла предпочтительность российскими гражданами приватизированных предприятий (с 20% до 26%). Немаловажным фактором здесь выступает и то, что личные медианные среднемесячные доходы в рублях у работников приватизированных предприятий практически на 10% превышают доходы работников государственных предприятий и предприятий иных форм [17, с. 40–41].

Выводы

Подводя итоги проведенного исследования, можно сделать выводы относительно взаимодействия решения экономических задач, поставленных Президентом В.В. Путиным перед страной, и объективными социально-правовыми условиями, в которых будет протекать их реализация. Итак, обеспечение

устойчивого роста реальных доходов граждан, как одна из основных задач, поставленных в новой редакции «майских указов», объективно столкнется с тем, что экономическое правосознание российских граждан на практике лично и социально обусловлено. Так, в основе трудовой установки и параметров потребления находится индивидуальная тяга к удовлетворению потребностей как первого, так и второго уровня, для чего большие массы населения России сознательно выходят из правового поля – получая так называемые «серые зарплаты», работая без правового оформления и оформляя в банках кредиты, заведомо зная, что надлежащим образом их обслуживать не смогут. Рассматривая внутренние ценности, ориентации и предпочтения россиян, автор хотел бы попытаться представить своего рода идеальную модель современного россиянина в рамках его экономических характеристик, отталкиваясь от результатов.

В большинстве случаев современный россиянин экономически активен только для зарабатывания денег, именно для этого он готов получить хорошее образование, инвестируя в собственное будущее, и много работать. В то же время он достаточно легко идет на незначительные нарушения закона, такие как работа без оформления за более высокую зарплату или получение кредита на удовлетворение личных потребностей, который заведомо не будет возвращен в полном объеме. Основанием такого положения, в том числе, выступают и эгоистические индивидуалистические ориентации, свойственные для более чем 50% россиян. Таким образом, проблема увеличения реальных доходов решается населением самостоятельно, не принимая в учет того, что делается это даже и в серой (полузаконной), и в черной (незаконной) зонах.

В свою очередь, для решения задачи вхождения Российской Федерации в число пяти крупнейших экономик мира, обеспечения темпов экономического роста выше мировых при сохранении макроэкономической стабильности и т.д., требуется эффективная экономическая активность частного бизнеса. Здесь необходимо отметить, что формально и декларативно для этого существуют все необходимые условия. Так, наилучшим образом проработан вопрос экономических прав россиян по Конституции Российской Федерации и иному законодательству. В соответствии с этими документами граждане России имеют все необходимые для удовлетворения своих потребностей и законных интересов в экономике права и возможности. Кроме того, можно констатировать,

¹⁴ Среднегодовая численность занятых в России по видам экономической деятельности [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики / Трудовые ресурсы. Подраздел: Занятость и безработица. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/# (дата обращения: 20.03.2018)

что российский бизнес в основном работает в правовом поле. Основанием для такого утверждения может служить тот факт, что на протяжении последних лет общее количество преступлений в сфере экономики, по данным статистики МВД, практически серьезно не меняется. Отдельным вопросом сегодня является профессиональное правосознание сотрудников ОВД, прокуратуры и российских органов суда, которое имеет обвинительно-репрессивную направленность, что сказывается на повышенном количестве обвинительных приговоров в отношении подсудимых. Увязав это с данными статистики о том, что в порядке апелляции и кассации в России пересматривается не более 2% приговоров, картина получается вовсе удручающей.

Наконец, задача создания в базовых отраслях экономики, прежде всего, в обрабатывающей промышленности и агропромышленном комплексе, высокопроизводительного экспортно-ориентированного сектора, развивающегося на основе современных технологий и обеспеченного высококвалифицированными кадрами, сталкивается уже с объективными препятствиями другого рода. Государственная политика Российской Федерации в сфере экономики имеет прикладную специфику, которая в ряде случаев ставит барьеры на пути интенсивного экономического развития. Так, нет нужды еще раз подтверждать сохраняющуюся сырьевую специфику отечественной экономики, которая доросла уже до «эффекта Гронингена». В то же время, последние события (скандал с мессенджером «Telegram», где силовые структуры сделали попытку активно вмешаться в функционирование этого цифрового предприятия) показывают, что репрессивная направленность начинает становиться преобладающей чертой взаимодействия между экономикой и властью. Третьим и последним фактором выступают судебные решения по вопросам функционирования экономических субъектов. Они практически никак не представлены в правосознании российских граждан, даже бизнесменов, и отдаются на откуп профессиональным юристам, которые и должны заниматься их изучением.

Следует отметить, что сегодня перед нашей страной стоят амбициозные и актуальные стратегические задачи выхода из экономического кризиса, преодоления его отрицательных последствий, построения эффективной экономики XXI века, вхождения на равных правах в когорту ведущих мировых экономик. В деле решения этих вопросов, которые являются для нашей страны вопросами сервивальными, кроме большого количества прочих факторов, важнейшую роль играет вопрос формирования необходимого типа правосознания, без чего все, даже и самые позитивные начинания российского руководства в сфере эко-

номики и общественного развития в целом, будут обречены на неудачи.

Список литературы

1. *Friedman L.M.* The Legal System: A Social Science Perspective. Russell Sage Foundation, New York, 1975. 346 p.
2. *Podgorecki A.* Legal Consciousness as a Research Problem. In: *Blegvad B.M., Campbell C.M., Schuyt C.J.* (eds.) European Yearbook in Law and Sociology 1977, pp. 85–97. DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-015-1195-7_6
3. *Lofland John, & Lyn H. Lofland.* Analyzing Social Settings: A Guide to Qualitative Observation and Analysis. 2nd ed. Belmont, CA: Wadsworth, 2007.
4. *Mela V.* Legal awareness. New Delhi, MURG publishing, 2012.
5. *Nelken D.* Comparative Sociology of Law, Hart, Oxford, 2002.
6. *Шереги Ф.Э.* Социология права: прикладные исследования. СПб.: Алетейя. 2012. 447 с.
7. *Щегорцев В.А.* Социология правосознания. М.: Мысль, 1981. 174 с.
8. *Ясюкова Л.А.* Правовое сознание в структуре ментальности россиян. СПб.: изд-во СПбГУ, 2008. 166 с.
9. *Kourilsky-Augeven C.* (ed.) Socialisation Juridique et Conscience du Droit: Attitudes Individuelles, Modeles Culturels et Changement Social. Paris, Reseau Europeen Droit et Societe, 2007.
10. *Hertogh Marc.* Living Law. Hart Publishing, 2009. 292 p.
11. *Науменкова К.В.* Становление правосознания России. Новосибирск: Сибирская ассоциация консультантов, 2012. 137 с.
12. *Chambliss W., Seidman R.* Law, Order, and Power. 3rd ed. Addison-Wesley, Reading, MA, 2002.
13. *Гулевич О.А., Голыничик Е.О.* Правосознание и правовая социализация: аналитический обзор. М.: Междунар. об-во им. Л.С. Выготского, 2003. 270 с.
14. *Braithwaite V.A., Scott W.A.* Values. In *J. P. Robinson, P. R. Shaver, & L. S. Wrightsman* (Eds.), Measures of personality and social psychological attitudes. 3rd ed. New York: Academic Press, 2011. 753 p.
15. *Баглай М.В.* Конституция Российской Федерации: историко-правовой комментарий М.В. Баглая. 3-е изд., перераб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2010. 159 с.

16. *Sadik-Zada R.* Oil Abundance and Economic Growth. Berlin: Logos Verlag, 2016. 156 p.
17. Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / [М.К. Горшков и др.]; под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Весь Мир, 2017. 424 с.
18. *Магун В.С., Руднев М.Г., Шмидт П.* Европейская ценностная типология и базовые ценности россиян // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2015. Т. 121. № 3–4. С. 74–93. URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/174201723>
19. *Sanghi Apurva.* The Russian Economy in 2018: The Cart's Still Here Today // Forbes, February, 2018, pp. 28–32. URL: <http://www.worldbank.org/en/news/opinion/2018/02/28/the-russian-economy-in-2018-the-carts-still-here-today>
20. Whitehouse Mark Maybe Russia's Economy Doesn't Need Democracy // Bloomberg Opinions. July 26 2018. URL: <https://www.bloomberg.com/view/articles/2018-07-26/>
21. *Zevel O.* Russia's Unwelcome Citizens // The New York Times, Oct. 7, 2014.
22. *Osmo K., Smith H., Tiitonen P.* Russia of 2017: three scenarios. Helsinki, ESA Print, 2016. 102 p.
23. *Wood A.* Russia in 2018: What Next? REP Report. March 24, 2018. 29 p.
24. International Monetary Fund Russia: Five Reforms to Increase Productivity Diversity and Growth, 10 July 2017, URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2017/07/05/na070717-russia-five-reforms-to-increase-productivity-diversifygrowth>
25. *White Stephen, McAllister Ian & Neil Munro.* Economic Inequality and Political Stability in Russia // Europe-Asia Studies. 2017. Volume 69. pp. 1–7. DOI: 10.1080/09668136.2016.1270580

Об авторе:

Курюкин Андрей Николаевич, старший научный сотрудник, Центр комплексных социальных исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5), Москва, Россия, кандидат политических наук, kuriukin@inbox.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

References

1. Friedman L.M. The Legal System: A Social Science Perspective. Russell Sage Foundation, New York, 1975. 346 p. (in Eng.)
2. Podgorecki A. Legal Consciousness as a Research Problem. In: Blegvad B.M., Campbell C.M., Schuyt C.J. (eds.). *European Yearbook in Law and Sociology*. 1977, pp. 85–97. Springer, Dordrecht. Available from: https://doi.org/10.1007/978-94-015-1195-7_6 (in Eng.)
3. Lofland John & Lyn H. Lofland Analyzing Social Settings: A Guide to Qualitative Observation and Analysis. 2nd ed. Belmont, CA: Wadsworth, 2007. (in Eng.)
4. Mela V. Legal awareness. New Delhi, MURG publishing, 2012. (in Eng.)
5. Nelken D. Comparative Sociology of Law, Hart, Oxford, 2002. (in Eng.)
6. Sheregi F.E. Sociology of law: applied research. St. Petersburg, Aletiyya, 2012. 447 p. (in Russ.)
7. Schegortsev V.A. Sociology of legal consciousness. Moscow, Thought, 1981. 174 p. (in Rus.)
8. Yasyukova L.A. Legal consciousness in the structure of the mentality of Russians. St. Petersburg, Publishing house of St. Petersburg State University, 2008. 166 p. (in Rus.)
9. Kourilsky-Augeven C. (ed.) *Socialisation Juridique et Conscience du Droit: Attitudes Individuelles, Modeles Culturels et Changement Social*. Paris, Reseau Europeen Droit et Societe, 2007 (in Eng.)
10. Hertogh Marc. Living Law. Hart Publishing, 2009. 292 p. (in Eng.)
11. Naumenkova, K.V. Formation of the legal conscience of Russia. Novosibirsk, Siberian Association of Consultants, 2012. 37 p. (in Rus.)

12. Chambliss W., Seidman R. Law, Order, and Power. 3rd ed. Addison-Wesley, Reading, MA, 2002 (in Eng.)
13. Gulevich O.A., Golynchik E.O. Legal awareness and legal socialization: an analytical review. Moscow, Intern. L.S. Vygotsky Society, 2003. 270 p. (in Russ.)
14. Braithwaite V.A., Scott W.A. Values. In J.P. Robinson, P.R. Shaver, & L.S. Wrightsman (Eds.), *Measures of personality and social psychological attitudes*. 3rd ed. New York, Academic Press, 2011. 753 p. (in Eng.)
15. Baglai M.V. The Constitution of the Russian Federation: Historical and Legal Commentary of M.V. Baglai. 3rd ed., revised. Moscow, Norma: INFRA-M, 2010. 159 c. (in Russ.)
16. Sadik-Zada R. Oil Abundance and Economic Growth. Berlin: Logos Verlag 2016. 156 p. (in Eng.)
17. Russian society and challenges of the time. Book Five. [M.K. Gorshkov et al.]; edited by M.K. Gorshkov, V.V. Petukhov. Moscow, Izdatelstvo VES MIR, 2017. 416 p. (in Russ.)
18. Magun V.S., Rudnev V.G., Shmidt P. European value typology and basic values of Russians. *Bulletin of public opinion. Data. Analysis. Discussions*. 2015; 121(3-4):74–93 (in Russ.)
19. Sanghi Apurva. The Russian Economy in 2018: The Cart's Still Here Today. *Forbes*, February, 2018, 28–32. Available from: <http://www.worldbank.org/en/news/opinion/2018/02/28/the-russian-economy-in-2018-the-carts-still-here-today> (in Eng.)
20. Whitehouse Mark Maybe Russia's Economy Doesn't Need Democracy. *Bloomberg Opinions*. July 26 2018. Available from: <https://www.bloomberg.com/view/articles/2018-07-26/> (in Eng.)
21. Zevel O. Russia's Unwelcome Citizens. *The New York Times*, Oct. 7, 2014 (in Eng.)
22. Osmo K., Smith H., Tiihonen P. Russia of 2017: three scenarios. Helsinki, ESA Print, 2016. 102 p. (in Eng.)
23. Wood A. Russia in 2018: What Next? REP Report. March 24, 2018. 29 p. (in Eng.)
24. International Monetary Fund Russia: Five Reforms to Increase Productivity Diversity and Growth, 10 July 2017. Available from: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2017/07/05/na070717-russia-five-reforms-to-increase-productivity-diversifygrowth> (in Eng.)
25. White Stephen, McAllister Ian & Neil Munro. Economic Inequality and Political Stability in Russia. *Europe-Asia Studies*. 2017; (69):1–7. Available from: doi:10.1080/09668136.2016.1270580 (in Eng.)

About the author:

Andrey N. Kuriukin, Senior Researcher, Center for Comprehensive Social Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (24/35, korpus 5, Krzhizhanovskogo str., Moscow, 117218), Moscow, Russian Federation, Candidate of Political Sciences, kuriukin@inbox.ru

The author read and approved the final version of the manuscript.

УДК 338.242.2
JEL: D22, D23, O16

DOI: 10.18184/2079-4665.2018.9.3.430-442

Влияние агентских отношений на эффективность корпоративного управления и стратегическое развитие компаний

Марина Алексеевна Измайлова¹

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
125993, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 49

E-mail: m.a.izmailova@mail.ru

Поступила в редакцию: 07.07.2018; одобрена: 05.09.2018; опубликована онлайн: 28.09.2018

Аннотация

Цель: Основной целью исследования является обоснование перспективности и востребованности корпоративного управления в России, рассматриваемого в качестве фактора стабильности и прибыльности бизнеса в сложных условиях неопределенности внешней среды, обусловленной чередой вызовов глобального масштаба. Для объективизации выбора менеджеров, обладающих соответствующей компетенцией, и во избежание принципал-агентских конфликтов, представляется важным исследовать факторы, побуждающие процесс делегирования управления компанией профессиональному менеджменту, и выявить его специфику, характерную для российских реалий.

Методология проведения работы: Данная статья основана на концептуальных положениях современной теории корпоративного управления применительно к исследованию агентских отношений, складывающихся в компании на разных этапах ее эволюции. Обобщаются результаты исследований экспертного сообщества, представляющих разные сферы практической и аналитической деятельности, способных оценить состояние и выявить тенденции развития корпоративного управления в современной России.

Результаты работы: Проведен факторный анализ истоков и состояния проблемы делегирования управления компанией профессиональному менеджменту. Обобщены современные тенденции в развитии менеджмента российских компаний на основе сопоставления оценок практиков и экспертов, представляющих разные группы профессионального сообщества, по наиболее проблемным зонам развития корпоративного управления. Определены направления операционной деятельности для оценивания готовности менеджмента решать стратегические задачи и достигать стратегические цели компании. Выявлен комплекс факторов повышения эффективности корпоративного управления и определены приоритетные показатели для проведения его анализа.

Выводы: Проведенное исследование показывает, что тема повышения эффективности корпоративного управления не теряет своей актуальности, ее значимость многократно возрастает для достижения стратегических целей компании, усиления ее конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности. Успех стратегического развития зависит от многих факторов, в числе которых продуктивные, ответственные и доверительные отношения всех субъектов корпоративного управления, в первую очередь – собственников и наемного менеджмента. В стратегическом плане те компании, которые выбрали путь совершенствования корпоративного управления, обретают больше шансов собственного роста, надежного укрепления завоеванных ранее ведущих рыночных позиций, приобретения глобального масштаба.

Ключевые слова: корпоративное управление, акционеры, менеджмент, эффективность корпоративного управления, делегирование управления, оппортунистическое поведение

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Для цитирования: Измайлова М. А. Влияние агентских отношений на эффективность корпоративного управления и стратегическое развитие компаний // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2018. Т. 9. № 3. С. 430–442. DOI: 10.18184/2079-4665.2018.9.3.430-442

© Измайлова М. А., 2018

The Effect of Agency Relationship on the Efficiency of Corporate Management and Strategic Development of Companies

Marina A. Izmailova¹

¹ Finance University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
49, Leningradsky avenue, Moscow, 125993

E-mail: m.a.izmailova@mail.ru

Submitted 07.07.2018; revised 05.09.2018; published online 28.09.2018

Abstract

Purpose: the main purpose of the study is to substantiate the prospects and relevance of corporate governance in Russia, which is considered as a factor of stability and profitability of business in the difficult conditions of uncertainty of the external environment due to a series of global challenges. For the objectivization of the choice of possessing the relevant competence of managers and avoiding principal-agent conflicts it is important to explore the factors driving the process of delegating the management of the company to the professional management, and to identify its specifics, characteristic for the Russian realities.

Methods: the peculiarity of this article is to compare and summarize the views of members of the expert community, representing different areas of practical and analytical activities and able to assess the state and dynamics of corporate governance in Russia from different points of view. The article attempts to integrate common positions of the expert community and to correlate them in cases where consensus is not yet observed. Thus, the author does not pretend to discover new facts and produce new quantitative data, but offers a generalized representation of existing diverse views on the state and trends of corporate governance in modern Russia.

Results: the factor analysis of the origins and status of the problem of delegation of company management to professional management. Modern trends in the development of management of Russian companies are summarized on the basis of a comparison of assessments of practitioners and experts representing different groups of the professional community on the most problematic areas of corporate governance development. The directions of operational activities for assessing the readiness of management to solve strategic tasks and achieve the strategic goals of the company. A set of factors to improve the efficiency of corporate governance was identified and priority indicators for its analysis were identified.

Conclusions and Relevance: the conducted research shows that the topic of achieving the effectiveness of corporate governance does not lose its relevance, its importance increases many times to achieve the strategic goals of the company, improve its competitiveness and investment attractiveness. The success of strategic development depends on many factors, including productive, responsible and trusting relations of all subjects of corporate governance, first of all – owners and hired management. In strategic terms, those companies that have chosen the path of improving corporate governance, gain more chances of their own growth, reliable strengthening of the previously won leading market positions, acquisition of a global scale.

Keywords: corporate governance, shareholders, management, efficiency of corporate governance, delegation of management, opportunistic behavior

Conflict of Interes. The Author declares that there is no Conflict of Interest

For citation: Izmailova M. A. The Effect of Agency Relationship on the Efficiency of Corporate Management and Strategic Development of Companies. *MIR (Modernizatsiia. Innovatsii. Razvitie) = MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2018; 9(3):430–442. DOI: 10.18184/2079-4665.2018.9.3.430–442

Введение

Определяя стратегию развития и формулируя стратегические цели компании, представители российского бизнеса проявляют стремление повысить прибыль и обеспечить стабильность бизнеса в долгосрочной перспективе. Важными задачами корпоративного сектора продолжают оставаться повышение операционной эффективности и сокращение затрат – данная тенденция остается актуальной практически с начала корпоративного строительства. Руководители компаний отмечают, что главными внешними вызовами российскому

бизнесу являются: геополитическая нестабильность, оказывающая прямое влияние на общеэкономическую ситуацию; перерастание конкуренции в гиперконкурентную борьбу; нестабильность рынка, вызванная санкционными войнами; влияние инновационных технологий, повышающих уязвимость деятельности перед новыми цифровыми технологиями и бизнес-моделями. Все большая часть бизнес-сообщества, включая крупный и средний бизнес, стала осознавать, что без профессионального управления компанией невозможно достичь стратегических целей и адекватно ответить

на череду вызовов современного этапа развития общества.

Обзор литературы и исследований. При проведении исследования проводилось обобщение теоретико-методологических подходов к организации и повышению эффективности корпоративного управления, изложенных в трудах зарубежных [6, 7, 17] и отечественных [8, 10, 13, 14] исследователей. Вместе с тем, для обоснования теоретико-методологических положений, изложенных в научных работах, использовались результаты эмпирических исследований, проведенных Независимым фондом «Центр политических технологий», аудиторской сетью PwC в России, Центром корпоративного развития при поддержке Московской биржи, Ассоциацией профессиональных инвесторов.

Материалы и методы. Для формализации и обобщения итогов исследования использовались методы сравнительного и абстрактно-логического анализа, а также методы: общелогические, формализации, индуктивно-дедуктивный, статистический. Применение методов теоретического, функционального и структурного анализа позволило обобщить и структурировать научный материал по проблематике исследования, определить логические отношения стратегических и операционных задач в системе корпоративного менеджмента, выявить тенденции в формировании российской модели корпоративного управления. Метод экспертных оценок позволил интегрировать общие позиции экспертного и профессионального сообщества, как российского, так и зарубежного, по широкому спектру проблем корпоративного строительства. Метод визуализации данных дал возможность отразить основные характеристики корпоративных отношений в российских компаниях.

Результаты исследования

Факторный анализ проблемы делегирования управления компанией профессиональному менеджменту. В России на современном этапе корпоративного строительства в центре научных дискуссий все чаще встает проблема разделения собственности и управления. Изначально собственность и управление в России были в сильной степени соединены [1], но в настоящее время происходит процесс делегирования собственниками реального управления профессионалам – менеджерам.

Следует признать, что существует ряд объективных причин, подталкивающих собственников (принципалов) делегировать управление профессиональ-

ному менеджменту (агенту). К числу таких детерминант относится, прежде всего, рост масштабов компаний. Увеличение размеров компании и расширение территории ее присутствия требует более четкой организации бизнес-процессов и использования более стандартных схем управления – в противном случае неизбежно снижение эффективности управления. Вторым важным детерминантом выступает непрерывное повышение сложности бизнес-процессов – данное обстоятельство требует более высокой квалификации менеджеров, наличия и постоянного приращения у них профессиональных знаний, соответствующих специфике бизнеса и его организации в современных условиях неопределенности экономической среды [2].

Необходимость передачи управления собственностью профессионалам подкрепляется и субъективными факторами. В первую очередь – это возрастная фактор, затрагивающий проблему смены поколений во владении собственностью, также достаточно выражен и такой психологический фактор, как усталость. При этом лишь в относительно редких случаях бизнес может быть эффективно передан собственным детям или родственникам [3].

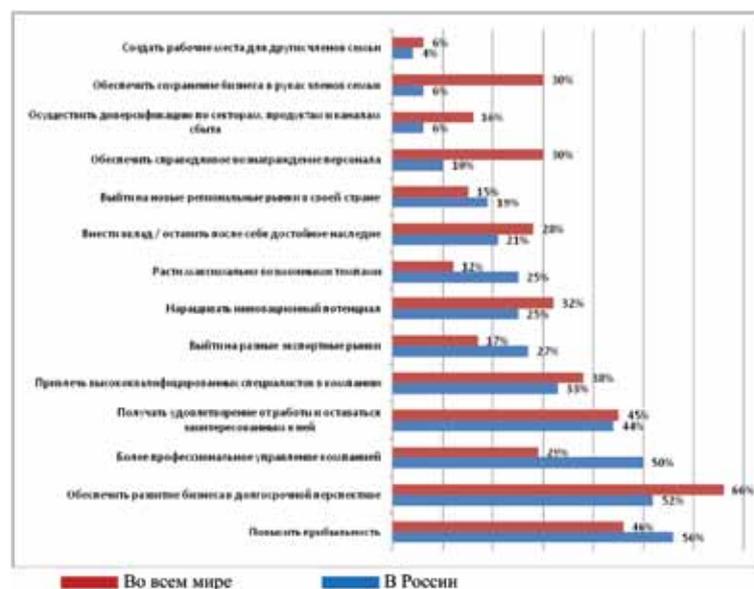
Исследование, проведенное в 2016 году PwC¹, в котором приняли участие более 2800 собственников и руководителей компаний из 50 стран, включая Россию, позволило выявить, что широкий список проблем экономического генеза в частном и семейном бизнесе неизбежно дополняется проблемами взаимоотношений, носящих не только коммерческий, но и эмоциональный характер. Одной из основных проблем выступает передача управления семейным бизнесом следующему поколению. Только 25% респондентов подтвердили активное участие детей в семейном бизнесе, при этом передать управление следующему поколению планирует лишь 9% процентов собственников. Большое количество компаний, скорее всего, поменяют собственников в течение ближайших 5-ти лет, при этом ряд руководителей затруднились ответить, как они видят будущее бизнеса с точки зрения его преемственности. 39% собственников российских частных компаний планируют провести IPO или продать свой бизнес в долгосрочной перспективе, что существенно меньше, чем в 2014 году (50%; аналогичный показатель по миру составляет лишь 17%). 36% респондентов затруднились ответить о судьбе своего бизнеса в будущем – это на 17% ниже, чем в 2014 году (19%). 11% респондентов планируют передачу права собственности следующему поколению, но с привлечением

¹ См.: https://www.pwc.ru/ru/new-site-content/fbs/family-business-survey_rus.pdf/ (дата обращения: 01.08.2018)

профессиональных управленцев (в 2014 году таких было всего 4%).

Следует отметить, что к семейному бизнесу (в узком смысле слова) сдержанное отношение проявлялось еще на этапе становления нового российского предпринимательства, что сохраняется и сегодня – это ассоциируется преимущественно с малым бизнесом [4]. Примеры же отечественных публичных компаний, выросших из семейных бизнесов, крайне лаконичны – в их числе можно назвать Бинбанк, банк «Возрождение», Промсвязьбанк, группу компаний «ТРИО», ЗАО «Август» и др. Кроме того, из-за отсутствия официальной статистики по семейному бизнесу их реальную величину в России представить затруднительно.

Все вышеперечисленное дает собственникам основания для передачи управления наемным профессионалам с профильным образованием, нередко имеющих дипломы западных университетов и бизнес-школ [5]. Так, согласно данным PwC², в числе приоритетных целей организацию более профессионального управления компанией назвали 50% респондентов, в то время как обеспечить сохранение бизнеса в руках членов семьи намереваются лишь 6% опрошенных (в мире этот показатель достигает 30%) (рис. 1).

Разработано автором по материалам: https://www.pwc.ru/ru/new-site-content/fbs/family-business-survey_rus.pdf/

Рис. 1. Важные бизнес- и личные цели на ближайшие 5 лет

Compiled by the author of the materials: https://www.pwc.ru/ru/new-site-content/fbs/family-business-survey_rus.pdf/

Fig. 1. Important business and personal goals for the next 5 years

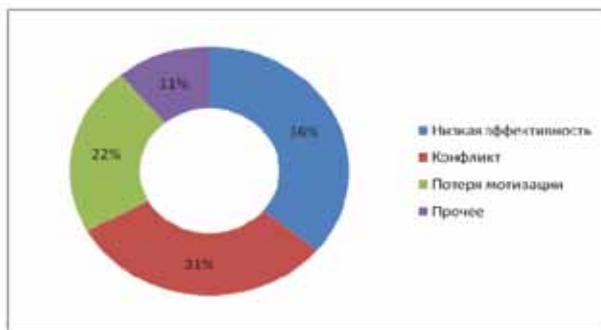
Вместе с тем, несмотря на увеличение числа профессиональных управляющих, отмечается и острый дефицит квалифицированных менеджеров по причине опережающего роста потребности в них.

Современные тенденции в развитии менеджмента компаний. Анализ самого процесса делегирования полномочий наемному менеджменту указывает на его медлительность и высокую болезненность. По мнению исследователей [2], данная характеристика есть следствие нескольких причин. Первой причиной следует назвать боязнь утраты контроля над бизнесом, а потеря контроля способна привести к оппортунистическому поведению менеджеров и преследованию ими своих собственных интересов, которые не всегда совпадают с интересами собственников. Неизбежным следствием этого являются конфликты, которые, как показывают исследования кадрового агентства «Юнити»³, являются второй по частоте причиной смены топ-менеджеров (рис. 2). Опыт предшествующих лет постоянно демонстрировал, что подобные опасения не безосновательны.

Источником второй причины является естественная инерционность управленческих процессов [6], поскольку на достаточно длительном временном отрезке существования компании механизмы управления были настроены на ее руководителя, который устанавливал, поддерживал и расширял большинство деловых контактов с внешним окружением, поскольку российский бизнес в большой степени строится на личных связях. Поэтому передача полномочий не может быть сведена к чисто техническим процедурам передачи дел. И, наконец, третья причина: не следует забывать, что многие собственники не просто сочетали владение с управлением. Они также являются основателями своих компаний – это означает, что они не просто хорошо знают свою компанию изнутри, у них высокая степень личной идентификации со своим делом [7]. В результате на социально-экономические мотивы и расчеты наслаиваются факторы психологического порядка, а с учетом того, что многие из собственников относительно молоды и в полной мере дееспособны, проблема становится еще более осязаемой.

² См.: https://www.pwc.ru/ru/new-site-content/fbs/family-business-survey_rus.pdf/ (дата обращения: 01.08.2018)

³ «Строго конфиденциально»: почему владельцы тайно меняют топ-менеджеров? URL: <http://www.hr-journal.ru/articles/pp/Kak-i-pochemu-sobstvenniki-menjajut-rukovodstvo-v-krizis.html> (дата обращения: 01.08.2018)

Разработано автором по материалам: «Строго конфиденциально»: почему владельцы тайно меняют топ-менеджеров? URL:<http://www.hr-journal.ru/articles/pp/Kak-i-pochemu-sobstvenniki-menjajut-rukovodstvo-v-krizis.html> (дата обращения: 01.08.2018).

Рис. 2. Причины смены топ-менеджмента

Compiled by the author of the materials: "Strictly confidential": Why Owners Secretly Change Top Managers? URL:<http://www.hr-journal.ru/articles/pp/Kak-i-pochemu-sobstvenniki-menjajut-rukovodstvo-v-krizis.html> (01.08.2018).

Fig. 2. Reasons for change of top management

Но, несмотря на трудности, делегирование полномочий медленно и противоречиво, но все же происходит [2]: в одних случаях наблюдается частая смена менеджеров, которые не полностью удовлетворяют высоким требованиям собственника, в других – собственники, не выдержав, в критические моменты возвращаются на позиции генеральных директоров. Подчеркиваем, процесс делегирования управленческих функций является неизбежным, его исход, быстрота и глубина зависят, прежде всего, от основного собственника – его активности, заинтересованности в дальнейшем развитии бизнеса; в случае, если собственник не хочет идти на связанный с делегированием риск, намерение отказаться от управления компанией приводит к ее продаже.

Степень делегирования полномочий во многом зависит и от рыночной ситуации, в которой находится компания. По убеждению экспертов [8], в период реструктуризации совмещение функций собственника и управленца оказывается благотворным, но после выстраивания системы и вхождения компании в жесткую конкурентную борьбу на рынке приходится в большей степени делегировать управленческие функции профессионалам.

Важно отметить, что, даже если делегирование существенной части полномочий состоялось,

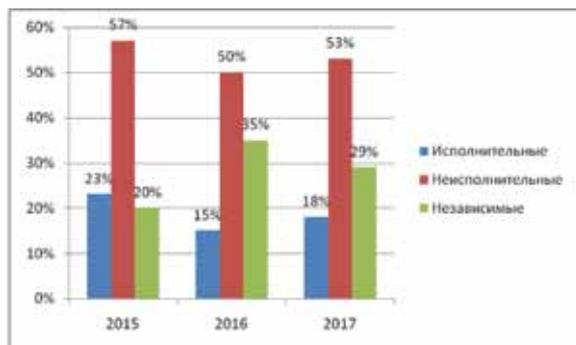
собственники оставляют за собой право на достаточно плотный контроль над деятельностью наемных менеджеров. В случае наличия доминирующего собственника компания самостоятельно принятия решений топ-менеджерами значительно ограничивается и вырастает их зависимость от собственника⁴. Как показывает практика, в крупных отечественных корпорациях часто даже очень влиятельные топ-менеджеры не могут принимать собственных решений. Таким образом, российская действительность достаточно далека от «революции управляющих», провозглашенной еще в 1930-е годы применительно к американской экономике [9]. Безусловно, с распылением собственности основания для самостоятельности менеджеров объективно расширяются, но поскольку процесс такого распыления идет не очень быстро, на структуре управления это сказывается в малой степени.

Для снижения болезненности и предупреждения негативных последствий для собственника, передача полномочий должна осуществляться с помощью механизмов внутреннего контроля и аудита. Существует необходимость объективизации этого процесса с использованием инструментов независимого внешнего аудита. Кроме того, следует указать и на особый статус корпоративного секретаря, который из технического исполнителя должен превратиться в особый центр контроля, а также отвечать за раскрытие информации для инвестиционного сообщества. Возрастает и роль независимых директоров, ревизионных комиссий и комитетов Советов директоров [10]. Вместе с тем, проведенные Центром корпоративного развития TopCompetence исследования показывают снижение доли независимых директоров в Совете директоров до трех человек в 2017 г. по сравнению с 2016 г. (рис. 3).

Несмотря на значимость всех рассмотренных проблем делегирования полномочий, главной из них следует признать *дефицит доверия между собственником и менеджментом*, который оказывает заметное влияние не только на сам процесс делегирования, но и на складывающиеся между ними дальнейшие отношения [11]. Именно по этой причине формирование команды менеджеров происходит по принципу «свой-чужой», исходя из опыта совместной работы, личных отношений, рекомендаций третьих сторон – вследствие этого топ-менеджеры и собственники продолжают быть

⁴ Жданов Д.А., Данилов И.Н. Организационная эволюция корпораций. М.: Дело АНХ, 2011. 272 с.

⁵ Национальный индекс корпоративного управления, 2017. URL: http://www.corpdir.ru/upload/Corporate_governance_Index_Russia2017_Rus.pdf (дата обращения: 02.08.2018)

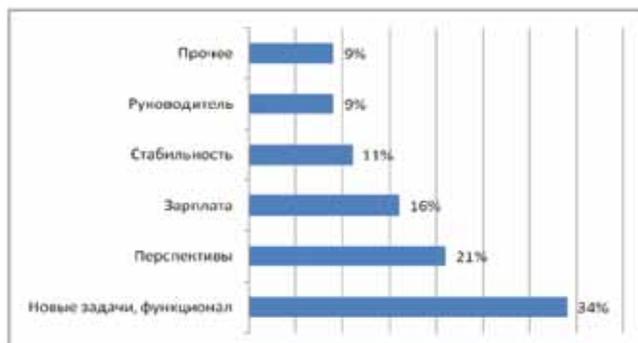
Разработано автором по материалам: Национальный индекс корпоративного управления, 2017. URL: http://www.corpdir.ru/upload/Corporate_governance_Index_Russia2017_Rus.pdf (дата обращения: 02.08.2018)

Рис. 3. Состав Совета директоров, %

Compiled by the author of the materials: National Corporate Governance Index, 2017. URL: http://www.corpdir.ru/upload/Corporate_governance_Index_Russia2017_Rus.pdf (02.08.2018)

Fig. 3. Board of Directors, %

интегрированными в одну команду [12]. Следует признать, что бизнес и раньше, как правило, строился на командной основе, и этот командный – «партнерский» – принцип сохранился в корпоративном управлении и сегодня. Несмотря на то,

Разработано автором по материалам: «Строго конфиденциально»: почему владельцы тайно меняют топ-менеджеров? URL: <http://www.hr-journal.ru/articles/pp/Kak-i-pochemu-sobstvenniki-menjajut-rukovodstvo-v-krizis.html> (дата обращения: 01.08.2018)

Рис. 4. Причины поиска топ-менеджментом нового работодателя

Compiled by the author of the materials: "Strictly confidential": Why Owners Secretly Change Top Managers? URL: <http://www.hr-journal.ru/articles/pp/Kak-i-pochemu-sobstvenniki-menjajut-rukovodstvo-v-krizis.html> (01.08.2018)

Fig. 4. Reasons for top management to search for a new employer

что далеко не все первоначальные команды выжили – по мере роста масштабов кого-то вытеснили, кто-то ушел добровольно в результате раздела бизнеса, – но сам командный принцип принятия ключевых решений с участием ограниченного круга партнеров, знающих и доверяющих друг другу, сохранен и проецируется на отношения с менеджерами.

Нельзя не отметить, что подбор менеджеров по сугубо профессиональным качествам⁶ становится все более распространенным явлением (рис. 4).

Особенно это касается крупных публичных компаний: общий уровень менеджмента в них повышается, а в средних и мелких компаниях структура отношений остается более или менее прежней [13]. Одновременно возрастают и требования квалифицированных менеджеров, за них идет все более острая конкурентная борьба, они часто меняют места работы, диктуя свои условия, в результате принятия более выгодных предложений.

Проблема готовности менеджмента быть интегрированным в достижение стратегических целей компании. Каждый собственник, формируя команду профессиональных менеджеров, должен ясно понимать, на какие *стратегические цели* должны ориентироваться приглашаемые топ-менеджеры.

Цели могут быть связаны как с объективными результатами работы компании – повышение капитализации компании, рост ее чистой выручки и уровня прибыли, доходов акционеров, – так и с ростом репутационного капитала – все чаще декларируется *важность достижения позитивных PR-эффектов* [14], на что раньше вряд ли обращалось сколько-либо пристальное внимание.

При этом подавляющее большинство исследователей указывают на то, что *главной целью для большинства крупных компаний на данном этапе является повышение капитализации* (или повышение стоимости активов для непубличных компаний). Показатели эффективности работы в настоящее время находятся, скорее, на втором плане. Ориентация на прибыльность, безусловно, имеет место, но этот целевой показатель не лишен противоречий: со времен процветания теневой экономики российские компании приучились не демонстрировать высокий уровень прибыли – не только из стремлений к налоговой оптимизации, но также из соображений безопасности бизнеса [15]. Пола-

⁶ «Строго конфиденциально»: почему владельцы тайно меняют топ-менеджеров? URL: <http://www.hr-journal.ru/articles/pp/Kak-i-pochemu-sobstvenniki-menjajut-rukovodstvo-v-krizis.html> (дата обращения: 01.08.2018)

гаем, что определенная инерция в этом отношении сохраняется и сегодня.

Относительно развития собственно корпоративного управления как стратегической цели, то ситуация еще более противоречива. Объективно у менеджеров нет заинтересованности в таком развитии, и оно происходит, скорее, как результат внешнего давления на менеджмент. Явная заинтересованность топ-менеджеров лежит в плоскости повышения уровня их доходов, который в последние годы серьезно возрос, чему способствует отмеченный выше дефицит высококвалифицированных управленческих кадров.

Данные утверждения основаны на результатах исследования ⁷, согласно которому мотивация менеджмента и персонала к внедрению принципов корпоративной социальной ответственности/устойчивого развития в деятельность организации, в том числе связь вознаграждения с результатами в сфере корпоративной социальной ответственности/устойчивого развития, является непопулярным принципом Кодекса корпоративного управления – его соблюдают лишь 19% из 100 крупнейших по капитализации российских компаний, акции которых котируются на Московской бирже.

Кроме того, нельзя исключать возможность оппортунистического поведения менеджмента [16] (рис. 5), благоприятные условия для которого созданы из-за трудности осуществить собственником полный контроль за деятельностью менеджмента. В этом плане большая роль отводится Советам директоров, которые во многом призваны регулировать отношения между собственниками и менеджментом [10].

Анализ структуры доходов менеджеров подтверждает международную практику [17]: *наблюдается тенденция к большему увязыванию уровня доходов топ-менеджеров с результатами работы компании* – это могут быть значительные бонусы или опционные программы. Эти усилия нацелены, помимо прочего, и на преодоление сложившейся ранее практики поиска интереса на стороне контрагента и реализации его в форме «откатов».

Относительно стиля управления можно с большой долей уверенности утверждать, что в большей части *российских компаний сохранено наследие советского периода – авторитарный стиль управления*, который может принимать разные вариации [18], например, патерналистскую форму или бюрократическое управление. В обеих вариациях авторитарность остается ключевым показателем

управленческого стиля большинства российских компаний. И в этом может показаться некий парадокс: каким образом могут сочетаться авторитаризм и ранее упомянутый командный принцип организации бизнеса. Дело в том, что командный принцип не означает коллегиальности: как правило, глава компании в состоянии и вправе принимать единоличные решения, а команда лишь является его непосредственной опорой [19]. Коллегиальные формы могут работать при обсуждении разных вопросов до того момента, пока высший руководитель не определил своей позиции и не готов к принятию единоличного решения.

В этой связи важно ответить на вопрос о *качестве управленческих решений* и его зависимости от степени эффективности сложившейся в компании системы корпоративного управления. Большинство экспертов [2] положительно отвечает на этот вопрос. Но процессы – принятие управленческих решений и корпоративное управление – во многом идут параллельно, и связь между ними не всегда прямая. По крайней мере, отмечается, что эффективное управление компанией вполне возможно и при плохом корпоративном управлении. Но все же предполагается, что в среднесрочной, и тем более длительной перспективе, это способно сыграть ощутимую роль.

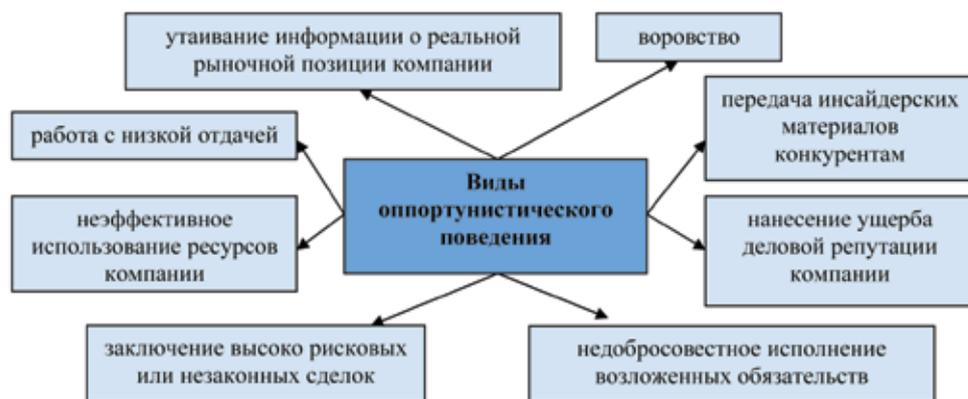
Актуальность корпоративного управления и пути повышения его эффективности. Важнейшими характеристиками эффективного корпоративного управления являются: прозрачность; раскрытие финансовой и иной актуальной информации о работе компании; наличие внутренних механизмов контроля над работой менеджеров; защита прав и интересов всех акционеров; выработка стратегии компании [20]. Каждая из характеристик в определенной степени влияет на эффективность деятельности компании. Проанализируем это на примере контроля бизнеса со стороны собственника, оценка эффективности которого может быть рассчитана по следующей формуле [14]:

$$S = D / T, \quad (1)$$

где S – эффективность контроля собственника в единицу времени, D – прибыль компании, T – время, затрачиваемое собственником на контроль деятельности компании.

То есть при стремлении T к 0 эффективность контроля будет возрастать. При введении параметров формулы (1) в формулу корпорации DuPont получим следующее выражение:

⁷ Национальный индекс корпоративного управления, 2017. URL: http://www.corpdir.ru/upload/Corporate_governance_Index_Russia2017_Rus.pdf (дата обращения: 02.08.2018)

Разработано автором

Рис. 5. Возможные виды оппортунистического поведения

Compiled by the author

Fig. 5. Possible types of opportunistic behaviour

$$ROI = DK = (S \cdot T) / KTS = (K \cdot ROI) / T, \quad (2)$$

где ROI – коэффициент окупаемости, K – инвестированный собственный капитал.

Из формулы (2) следует, что минимизация времени собственника на участие в контроле деятельности компании требует делегирования всех или большей части функций оперативного управления профессиональному менеджменту и создания действенной системы внутреннего контроля, что не всегда удается сделать в компании.

Востребованность корпоративного управления в российских корпорациях может быть аргументирована с нескольких позиций. В макроэкономическом аспекте прямым следствием повышения качества корпоративного управления в отечественных компаниях является их инвестиционная привлекательность, эффективность и конкурентоспособность на глобальном рынке, характеризующемся в настоящее время ограниченностью финансовых ресурсов и ожесточенной борьбой за них [15]. В национальном масштабе хорошо управляемые компании в большей мере привлекают капитал в реализацию масштабных инфраструктурных проектов, активизируют инвестиционные процессы [21], генерируют сверхприбыли – основу формирования государственного бюджета. На местном уровне данные компании являются территориально образующими субъектами, массово реализуют социальные и экологические программы, направленные на развитие территории своего присутствия и, в итоге, всего общества.

Научным сообществом неоднократно предпринимались попытки выявления общих факторов, способствующих повышению эффективности системы корпоративного управления. Однако пер-

манентная нестабильность экономической и геополитической ситуации привносит в список ранее выявленных детерминантов новые элементы. Тем не менее, обращаясь к исследованиям российских ученых, максимально полно учитывающих специфику работы отечественных компаний в современных условиях, отмечаем обстоятельство трудов профессора В.В. Радаева, который определил следующие подходы к повышению эффективности корпоративного управления [2]:

1. *Наличие четко сформулированных стратегических ориентиров.* Корпорации, как двигатели инновационного процесса, все осуществляемые нововведения в различных сферах своей деятельности должны нацеливать на опережение конкурентов и укрепление своих рыночных позиций. При этом важно контролировать, чтобы экономический эффект от нововведений превышал затраты на их внедрение.

2. *Минимизация управленческих расходов.* Одним из индикаторов неэффективности корпоративного управления является избыточность управленческих расходов, когда они становятся выше, чем положительный результат. В этом случае обязательным действием должно стать перестроение всей системы менеджмента или отдельных ее звеньев.

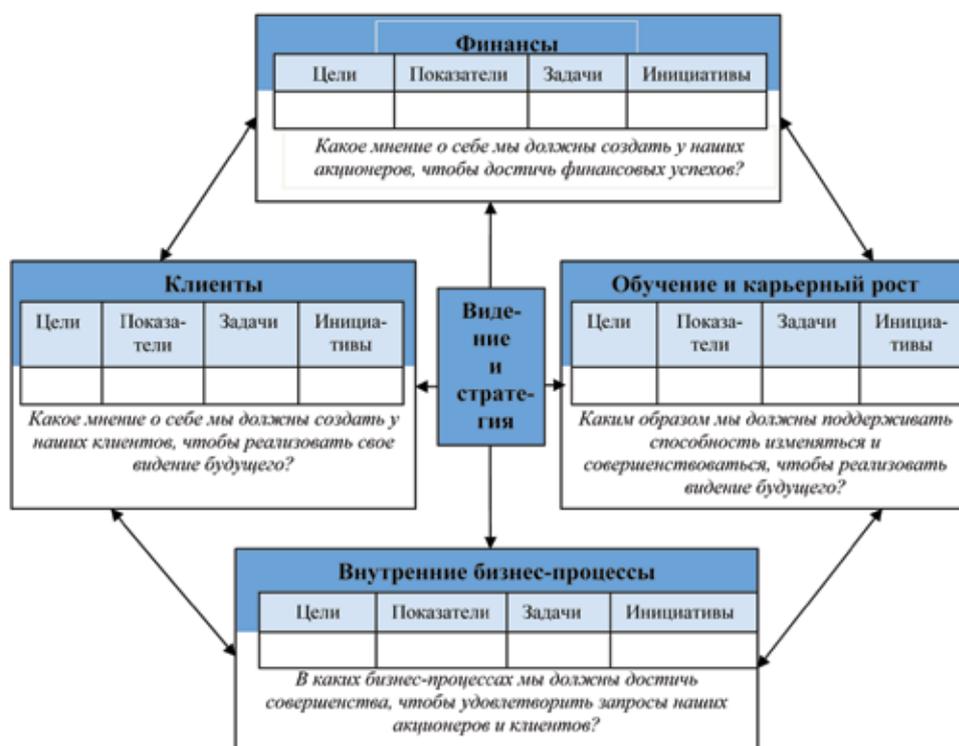
3. *Совершенствование внутрифирменной структуры.* Позитивной мерой повышения мобильности и скорости функционирования структуры управления компании является переход от функционально-структурной к процессно-ролевой или матричной модели – устанавливается горизонтальный тип управления, сокращается число иерархических уровней, минимизируется разрыв в диаде «руководитель-исполнитель».

4. *Институциональные аспекты, развитие нормативно-правовой базы.* Содержание данного фактора, относящегося к компетенции государства, заключается в реализации политики, которая должна быть направлена на создание в стране технологических и экономических институтов, деятельность которых должна основываться на критической оценке лучших практик мирового бизнеса с целью гибкого их применения в российских условиях в сочетании с передовыми отечественными традициями. Такой подход обеспечит формирование среды, благоприятствующей российскому предпринимательству и выводящей его на уровень мировых стандартов. В эпоху цифровой трансформации общества внимание государства должно быть особым образом сфокусировано и на стимулировании российских компаний в проведении политики инноваций [22].

Важность названных подходов к повышению эффективности корпоративного управления определяется их основополагающей ролью в достижении компанией своих стратегических целей. Неоднократно учеными и практиками делались попытки доказательства прямой зависимости уровня корпоративного управления, степени эффективности работы профессионального менеджмента и достижения стратегических целей. Наиболее досто-

верное доказательство взаимосвязи данного триумвирата показателей работы компании находим в работах Р. Каплана и Д. Нортон [23], где предложена новая модель сбалансированной системы показателей эффективности работы компании, интегрирующая все ее финансовые и нефинансовые показатели. Данная модель носит название *Balanced Scorecard*. Анализ этой модели, основанной на взаимосвязи четырех блоков информации, необходимой для принятия управленческих решений (рис. 6), дает основание полагать, что предлагаемая система может рассматриваться как схема трансформации общей стратегии компании в целеполагание операционного процесса.

Все блоки (финансы, обучение и карьерный рост, внутренние бизнес-процессы, клиенты) интегрированы в единую систему на основе установления причинно-следственных связей. Механизм работы данной системы подчинен следующей логике: разработка конкретных показателей эффективности (индикаторов) в каждом блоке – сравнение плановых значений и фактических данных – анализ руководителем полученной информации, и ее оценка – формулирование выводов и принятие управленческих решений, касающихся эффективности реализации стратегии в каждой из областей. Исходя из данной логики, *Balanced Scorecard* имеет двойное

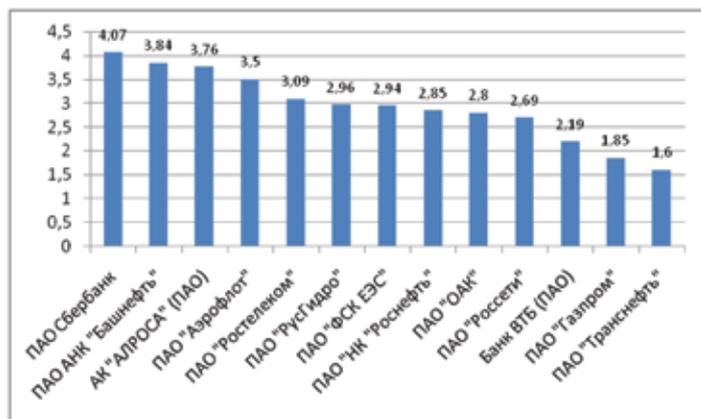

Разработано автором по материалам [23]

Рис. 6. Сбалансированная система показателей эффективности

Compiled by the author of the materials [23]

Fig. 6. Balanced scorecard

Разработано автором по материалам: Оценка корпоративного управления в публичных акционерных обществах с участием Российской Федерации, акции которых обращаются на организованном рынке ценных бумаг, 2017

Рис. 7. Оценка восприятия инвесторами качества корпоративного управления

Compiled by the author of the materials: Assessment of corporate governance in public joint stock companies with participation of the Russian Federation whose shares are traded on the organized securities market, 2017 (in Russ.)

Fig. 7. Evaluation of investors' perception of the quality of corporate governance

значение – и как средство мониторинга корпоративного управления, и как эффективный инструмент для стратегического планирования. В обоих случаях модель может рассматриваться как инструмент повышения рейтинга корпоративного управления.

В мировой экономической практике существует понятие рейтинга корпоративного управления, составлением которого занимаются международные рейтинговые компании. Для интеграции в мировое бизнес-сообщество и выхода на международный рынок российским предприятиям необходимо добиваться высоких позиций в рейтинге – это становится прямым подтверждением качества корпоративного управления и эффективности бизнеса [24]. Так, согласно оценке институциональных и портфельных инвесторов⁸ (по 5-балльной шкале) самый высокий уровень корпоративного управления признан в ПАО Сбербанк (рис. 7).

Анализируя проблему рейтинга, нельзя обойти вниманием вопрос измеримости уровня корпоративного управления, по которому следует отметить ряд сомнений. Признавая наличие хорошо известных методик международных рейтинговых

агентств, экспертами высказывается мнение, что существующие измерения в большей степени опираются на процедурную сторону вопроса, в то время как качество реальных практик корпоративного управления оценить значительно сложнее. Хотя помимо фиксации издержек, понесенных в связи с внедрением корпоративного управления, и оценок рейтинговых агентств, возникают и механизмы оценки со стороны самого рынка – например, в виде премии, получаемой при продаже пакета акций, которая может составлять 10-20% или даже больше.

Анализ эффективности корпоративного управления можно проводить, используя показатели, в достижении которых оно традиционно имеет ключевое значение [20]:

1. *Повышение эффективности деятельности компании* достигается посредством четко выстроенной системы корпоративного управления, которая позволяет достичь: рациональности всех бизнес-процессов компании; снижения капитальных затрат; строгой подотчетности менеджеров в управленческой иерархии; соблюдения баланса интересов собственников и профессионального менеджмента; минимизации и/или предотвращения рисков, вызванных вследствие конфликта интересов и неправомерных действий участников корпоративных отношений; соблюдения правил корпоративного поведения и этических норм, стандартов деятельности, требований законодательства.

2. *Упрощение доступа к рынку капитала* обеспечивается формированием доверия инвестиционного сообщества к компании, в которой в полной мере реализуется принцип корпоративного управления – прозрачность, т.е. своевременное раскрытие достоверной информации о результатах деятельности компании, ее финансовом положении, структуре собственности и управленческом составе. Анализ данной информации, даже носящей негативный характер, позволяет инвесторам оценить свои перспективы и прогнозировать риски, снизить уровень неопределенности в процессе принятия инвестиционного решения и повысить свою лояльность к данной компании [25].

⁸ Оценка корпоративного управления в публичных акционерных обществах с участием Российской Федерации, акции которых обращаются на организованном рынке ценных бумаг, 2017. URL: https://buscom.hse.ru/data/2017/04/20/1168797690/%D0%9F%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B4%D0%BD%D1%8F%D1%8F%20%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%B8%D1%8F%20%D0%BE%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82%D0%B0_%D1%80%D1%83%D1%81.pdf (дата обращения: 01.08.2018)

3. *Снижение затрат на привлечение капитала* происходит вследствие получения компаниями с высоким качеством корпоративного управления преимуществ в более эффективных формах, выгодных условиях и расширении источников получения заемных средств. Кроме того, признанная деловым сообществом практика корпоративного управления ведет к повышению капитализации компании. Так, по итогам исследования специалистов ОАО «Норильский никель»⁹, в ходе которого был проведен анализ экспертных мнений лондонских биржевых аналитиков и инвестиционных консультантов из разных компаний, было установлено, что качественная система управления компании способна обеспечить рост ее капитализации на 37%.

Таким образом, корпоративное управление, основанное на реализации принципов справедливости и ответственности перед участниками корпоративных отношений, прозрачности и подотчетности [25], является ведущим фактором роста благосостояния компании и формирования ее положительной деловой репутации как стратегического актива.

Выводы

Размышляя над будущим корпоративного строительства в России, следует признать, что в процессе формирования российской модели корпоративного управления является неизбежным заимствование ряда элементов из других моделей с безусловной адаптацией к российским реалиям. Современный вид российской модели корпоративного управления будет перманентно эволюционировать и претерпевать трансформацию вследствие ряда причин, в том числе: постепенного снижения концентрации собственности; возрастания требований к прозрачности компаний; неспособности собственников управлять компанией в сложных условиях турбулентной среды, что неминуемо приведет к делегированию все большего числа функций наемному менеджменту. Но коридор возможностей, следует признать, все равно остается ограниченным – действует так называемая зависимость от предшествующего развития, сопряженная с сильной структурной и институциональной инерцией.

Прогнозируя наиболее сильный вектор корпоративного строительства в России, с большой долей вероятности следует ожидать эволюцию в сторону стейкхолдерской модели корпоративного управления, а это означает, что руководству компаний предстоит учитывать интересы самого широкого перечня заинтересованных сторон, выделяя из них в первую очередь ключевых стейкхолдеров. Следовательно,

потребуется создать механизмы реального удовлетворения интересов широкого круга стейкхолдеров. В первую очередь, более сильные позиции будет занимать государство, как главный стейкхолдер, за ним последует часть наиболее активных и профессиональных миноритариев из числа инвестиционных структур. Неизбежно будет возрастать роль высших менеджеров. На более слабых позициях окажутся работники, потребители, местное сообщество.

Прогнозируя стратегический успех компаний, можно утверждать, что его наивысшее достижение возможно в корпорациях, руководство которых обладает стратегическим мышлением, погружено в решение широкого круга проблем, предпринимает максимальные усилия по укреплению своей деловой репутации, обеспечивая стабильность в долгосрочной перспективе.

Список литературы:

1. *Веселовский М.Я.* Формирование инновационных территориальных кластеров как основа повышения эффективности региональных экономик // Вопросы региональной экономики. 2017. № 3 (32). С. 26–38. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30147536>
2. *Корпоративное управление в современной России: опыт и перспективы / В.В. Радаев.* М.: Национальный совет по корпоративному управлению, 2007. 100 с. URL: http://koef.syktso.ru/download/corp_upr_sovr.pdf
3. *Волков Д.А.* Преемственность в семейном бизнесе. Теория управления // Инновации и инвестиции. 2015. № 12. С. 54–58
4. *Волков Д.А., Ильин А.Б.* Развитие семейного предпринимательства как синергии предпринимательских компетенций // Российское предпринимательство. 2017. № 3 (18). С. 439–450. DOI: 10.18334/gr.18.3.37309
5. *Современные корпоративные стратегии и технологии в России: монография / под науч. ред. И.Ю. Беляевой, О.В. Даниловой.* М.: Финансовый университет, 2018. 458 с.
6. *Mallin C.* Corporate Governance. Oxford University Press, 2012. 408 p.
7. *Jensen M., Meckling W.* Theory of the Firm. Managerial Behavior, Agency Costs and Ownership Structure // Journal of Financial Economics, October. 1976. 3(4). 305–360. DOI: [https://doi.org/10.1016/0304-405x\(76\)90026-x](https://doi.org/10.1016/0304-405x(76)90026-x)
8. *Ивашковская И.В.* Проблемное поле корпоративного управления: исследовательские идеи и результаты // Экономическая наука современной России. 2008. № 1. С. 132–141. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11726486>

⁹ *Федоров А.* Корпоративное управление на предприятии: примеры эффективного внедрения // Генеральный директор. 2014. URL: <https://www.gd.ru/articles/3292-red-korporativnoe-upravlenie-na-predpriyatii?ustp=W> (дата обращения: 05.08.2018)

9. Фридман М. Капитализм и свобода: пер. с англ. В. Козловского. М.: Новое издательство, 2016. 240 с.
10. Беликов И.В. Эффективный совет директоров: новый взгляд // Акционерное общество: вопросы корпоративного управления. 2017. № 03 (154). С. 28–34
11. Миловидов В.Д. Корпоративное управление 2.0: эволюция системы корпоративных отношений в информационном обществе // Проблемы национальной стратегии. 2017. № 4 (43). С. 171–189. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29823292>
12. Либман А.В. Теоретические аспекты агентской проблемы в корпорации // Вестник СПбГУ. Сер. 8. 2005. Вып. 1 (№ 8). С. 123–140. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9253640>
13. Вербичий В.К. Корпоративное управление в средних российских непубличных компаниях: иное корпоративное управление // Акционерное общество: вопросы корпоративного управления. 2016. № 12. С. 56–64
14. Менеджмент корпорации и корпоративное управление / А.Н. Асаул, В.И. Павлов, Ф.И. Бескиерь, О.А. Мышко. СПб.: Гуманистика, 2006. 328 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15206773>
15. Цыганков К.Ю., Фадейкина Н.В. Капитал и прибыль как понятия и показатели: происхождение, экономический смысл, роль в менеджменте // Сибирская финансовая школа. 2015. № 6. С. 141–151. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25328143>
16. Шевченко И.В., Курузов М.В. Внутрикorporативные агентские конфликты и их классификация // Финансы и кредит. 2014. № 10. С. 25–30. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21231450>
17. Gompers P.A., Ishii J.L., Metrick A. Corporate governance and equity prices // Quarterly Journal of Economics. 2003. 118 (1). 107–156. DOI: <https://doi.org/10.1162/00335530360535162>
18. Адизес И.К. Развитие лидеров: Как понять свой стиль управления и эффективно общаться с носителями иных стилей. М.: Альпина паблишерз, 2010. 312 с.
19. Schuh G., Potente T., Wesch-Ponte C., Weber A.R., Prote J.-P. Collaboration Mechanisms to increase Productivity in the Context of Industrie 4.0 // Procedia CIRP. 2014. 19. 51–56. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.procir.2014.05.016>
20. Волкова Н.А. Модель оценки уровня эффективности корпоративного управления // Статистика и экономика. 2018. Т. 15. № 2. С. 49–58. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2500-3925-2018-2-49-58>
21. Salleh Y., Goh W.K. Managing Human Resources Toward Achieving Knowledge Management // Journal of Knowledge Management, 2002. 6 (5). 457–468. DOI: <https://doi.org/10.1108/13673270210450414>
22. Zeng S.X., Xie X.M., Tam C.M. Relationship between cooperation networks and innovation performance of SMEs // Technovation. 2010. 30 (3). 181–194. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.technovation.2009.08.003>
23. Каплан Р.С., Нортон Д.П. Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию: пер. с англ. М. ЗАО «Олимп-Бизнес». 2003. 214 с.
24. Повышение инновационной активности промышленных предприятий: монография / под ред. Веселовского М.Я., Кировой И.В. М.: Научный консультант, 2018. 394 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27503933>
25. Leuz C., Nanda D., Wysocki P.D. Earnings management and investor protection: An international comparison // Journal of Financial Economics. 2003. 69 (3). 505–527. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0304-405X\(03\)00121-1](https://doi.org/10.1016/S0304-405X(03)00121-1)
26. Винслав Ю.Б. Интегрированные корпоративные структуры: стимулирование топ-менеджмента, штаб-квартир и бизнес-единиц // Российский экономический журнал. 2010. № 3. С. 72–81. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18180347>

Об авторе:

Измайлова Марина Алексеевна, профессор Департамента корпоративных финансов и корпоративного управления, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (125993, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 49), Москва, Россия, доктор экономических наук, доцент, Scopus ID: 57189310428, ResearcherID: F-6838-2017, ORCID: orcid.org/0000-0001-7558-9639, m.a.izmailova@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

References

1. Veselovsky M.Ya. Formation of innovative territorial clusters as a basis for improving the efficiency of regional economies. *Problems of regional economy*. 2017; 3(32):26–38 (in Russ.)
2. Radaev V.V. Corporate Governance in Modern Russia: Experience and Prospects. Moscow, National Council for Corporate Governance, 2007. 100 p. (in Russ.)
3. Volkov D.A. Succession in a family business. Theory of management. *Innovations and Investments*. 2015; (12):54–58 (in Russ.)
4. Volkov D.A., Ilyin A.B. The development of family business as a synergy of entrepreneurial competencies.

- Russian Journal of Entrepreneurship*. 2017; 3(18):439–450. Available from: doi:10.18334/rp.18.3.37309 (in Russ.)
5. Modern corporate strategies and technologies in Russia: monograph. under the scientific. ed. by I.Y. Belyaeva, O.V. Danilova. M.: Financial University, 2018. 458 p. (in Russ.)
 6. Mallin C. Corporate Governance. Oxford University Press, 2012. 408 p. (in Eng.)
 7. Jensen M., Meckling W. Theory of the Firm: Managerial Behavior, Agency Costs and Ownership Structure. *Journal of Financial Economics*. October, 1976; 3(4):305–360. Available from: doi:https://doi.org/10.1016/0304-405x(76)90026-x (in Eng.)
 8. Ivashkovskaya I.V. Corporate Finance Research: Challenges, Approaches and Results. *Economics of Contemporary Russia*. 2008; (1):132–141 (in Russ.)
 9. Friedman M. Capitalism and freedom. Chicago: Univ. of Chicago Press Publ., 2002. 224 p. (Russ. ed.: Friedman, M. Kapitalizm i svoboda. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 2016. 288 p.)
 10. Belikov I.V. Effective Board of Directors: New View. *Joint-Stock company*. 2017; 03(154):28–34 (in Russ.)
 11. Milovidov V.D. Corporate Governance 2.0: Corporate Relations' Evolution in the Information Society. *National Strategy Issues*. 2017; 4(43):171–189 (in Russ.)
 12. Libman A.V. Theoretical aspects of the problem of Agency in corporations. *Vestnik of Saint Petersburg University. Management*. Ser. 8. 2005; 1(8):123–140 (in Russ.)
 13. Verbitsky V.K. Corporate governance in medium-sized Russian non-public companies: other corporate governance. *Joint-stock company*. 2016; (12):56–64 (in Russ.)
 14. Asaul A.N., Pavlov V.I., Beskier F.I., Myshko O.A. Corporate Management and Corporate Governance. Saint Petersburg, Humanistica, 2006. 328 p. (in Russ.)
 15. Tsygankov K.Yu., Fadeikina N.B. Capital and Profit as Concepts and Indicators: Origin, Economic Sense, Role in Management. *Siberian Financial School*. 2015; (6):141–151 (in Russ.)
 16. Shevchenko I.V., Kuruzov M.V. Intra-Agency Conflicts and Their Classification. *Finance and Credit*. 2014; (10):25–30 (in Russ.)
 17. Gompers P. A., Ishii J.L., Metrick A. Corporate governance and equity prices. *Quarterly Journal of Economics*. 2003; 118(1):107–156. Available from: doi:https://doi.org/10.1162/00335530360535162 (in Eng.)
 18. Adizes I. Leading the leaders: How to enrich your style of management and handle people whose style is different from yours. Carpinteria: Adizes Inst. Publ., 2004. 312 p. (Russ. ed.: Adizes, I. Razvitiye liderov. Kak ponyat' svoj stil' upravleniya i effektivno obshchat'sya s nositelyami inykh stiley. Moscow: Alpina Publ., 2014. 259 p.)
 19. Schuh G., Potente T., Wesch-Ponte C., Weber A.R., Prote J.-P. Collaboration Mechanisms to increase Productivity in the Context of Industrie 4.0. *Procedia CIRP*. 2014; (19):51–56. Available from: doi:https://doi.org/10.1016/j.procir.2014.05.016 (in Eng.)
 20. Volkova N.A. Model of Evaluation of the Level of Efficiency of Corporate Governance. *Statistics and Economics*. 2018; 15(2):49–58. Available from: doi:http://dx.doi.org/10.21686/2500-3925-2018-2-49-58 (in Russ.)
 21. Salleh Y., Goh W.K. Managing Human Resources Toward Achieving Knowledge Management. *Journal of Knowledge Management*. 2002; 6(5):457–468. Available from: doi:https://doi.org/10.1108/13673270210450414 (in Eng.)
 22. Zeng S.X., Xie X.M., Tam C.M. Relationship between cooperation networks and innovation performance of SMEs. *Technovation*. 2010; 30(3):181–194. Available from: doi:https://doi.org/10.1016/j.technovation.2009.08.003 (in Eng.)
 23. Kaplan R.S., Norton D.P. The balanced scorecard: Translating strategy into action. Boston, MA: Harvard Business School Press Publ., 1996. 336 p. (in Eng.)
 24. Increase of innovative activity of industrial enterprises: monograph. Veselovsky M.Y., Kirova I.V. (eds.). M.: Publishing house "Scientific consultant", 2018. 394 p. (in Russ.)
 25. Leuz C., Nanda D., Wysocki P.D. Earnings management and investor protection: An international comparison. *Journal of Financial Economics*. 2003; 69(3):505–527. Available from: doi:https://doi.org/10.1016/S0304-405X(03)00121-1 (in Eng.)
 26. Vinslav Yu.B. Integrated corporate structures: incentives of top management, headquarters and business units. *Russian Economic Journal*. 2010; (3):72–81 (in Russ.)

About the author:

Marina A. Izmailova, Professor, Finance University under the Government of the Russian Federation (49, Leningradsky avenue, Moscow, 125993), Moscow, Russian Federation, Doctor of Economic Sciences, Assistant Professor, **Scopus ID: 57189310428**, **ResearcherID: F-6838-2017**, **ORCID: orcid.org/0000-0001-7558-9639**, m.a.izmailova@mail.ru

The author read and approved the final version of the manuscript.

УДК 332.144
JEL: R13, R38, R58

DOI: 10.18184/2079–4665.2018.9.3.443–459

Варианты развития экономики региона при наличии преобладающего вида хозяйственной деятельности на примере Липецкой области

Ирина Сергеевна Борисова¹

¹ Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Институт экономики», Москва, Россия

105005, Москва, ул. Малая Почтовая, 2/2

E-mail: gotika00@mail.ru

Поступила в редакцию: 14.03.2018; одобрена: 05.08.2018; опубликована онлайн: 28.09.2018

Аннотация

В статье проанализированы основные положения стратегии социально-экономического развития Липецкой области на период до 2020 года. Представлены цель, задачи и индикаторы развития Липецкой области на период до 2020 года, а также разработан процесс обоснования сценариев развития экономики региона с преобладанием отдельного вида хозяйственной деятельности (ПВХД) на основе качественного анализа установленных дополнительных параметров. Проведено тестирование сценариев развития Липецкой области с учетом затрат участников экономики региона по годам. Осуществлена апробация разработанного автором процесса обоснования сценариев развития экономики региона на примере Липецкой области. Предварительно установлен и обоснован оптимальный сценарий развития экономики Липецкой области в условиях преобладания вида хозяйственной деятельности «Обработывающие производства».

Цель: Разработать рекомендации по выбору предпочтительного варианта развития экономики Липецкой области на основе детального анализа стратегических сценариев развития для повышения управляемости экономики региона в условиях преобладания отдельного вида хозяйственной деятельности.

Методология проведения работы: Научные результаты опираются на основные положения неоклассической институциональной теории, принципы устойчивого развития и базовые постулаты теории региональной экономики. В статье использованы методы сравнительного, экономико-статистического анализа, а также метод систематизации и моделирования.

Результаты работы: Сформирован процесс обоснования сценариев развития экономики региона с преобладанием отдельного вида хозяйственной деятельности (ПВХД), выявлены дополнительные параметры сравнения сценариев, учитывающие особенности развития экономики региона с ПВХД, описаны шаги качественного анализа индикаторов обоснования сценариев развития экономики региона, протестированы сценарии развития Липецкой области, а также предварительно установлен оптимальный сценарий развития экономики региона.

Выводы: Анализ вариантов развития Липецкой области показал, что особенностью «базового» сценария является более равномерное изменение целевых показателей, тогда как сценарий «2» предполагает резкий экономический рывок в ближайшие 1–2 года с последующим замедлением. Сценарий «3», наоборот, показывает медленные изменения в ближайшие годы, обусловленные недостатком бюджетных средств, однако активность действий участников экономики региона в последующие годы возрастет в связи с ростом возможностей регионального бюджета. Поэтому, в Липецкой области целесообразно реализовать базовый сценарий развития, предполагающий сбалансированный рост преобладающего и других видов хозяйственной деятельности.

Ключевые слова: варианты развития, экономика региона, преобладающий вид хозяйственной деятельности, Липецкая область

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Для цитирования: Борисова И. С. Варианты развития экономики региона при наличии преобладающего вида хозяйственной деятельности на примере Липецкой области // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2018. Т. 9. № 3. С. 443–459. DOI: 10.18184/2079–4665.2018.9.3.443–459

© Борисова И. С., 2018

Variants of Development of the Economy Region in the Presence of the Prevailing Type of Economic Activity on the Example of the Lipetsk Region

Irina S. Borisova¹

¹ Non-governmental educational institution of higher professional education "Institute of Economics", Moscow, Russian Federation

2/2, Malaya Pochtovaya street, Moscow, 105005

E-mail: gotika00@mail.ru

Submitted 14.03.2018; revised 05.08.2018; published online 28.09.2018

Abstract

The article analyzes the main provisions of the strategy of social and economic development of the Lipetsk region for the period until 2020. The goal, tasks and indicators for the development of the Lipetsk region for the period up to 2020 are presented, and a scheme for justifying scenarios for the development of the region's economy with the predominance of a type of economic activity (PTEA) on the basis of a qualitative analysis of the established additional parameters. The testing scenarios for the development of the Lipetsk region have been tested on the basis of an analysis of the costs incurred by participants in the region's economy, which are necessary to implement the economic development scenarios of the Lipetsk region by years. Approbation of the process of substantiating scenarios for the development of the region's economy based on the example of the Lipetsk region was carried out. Preliminarily established and justified the most optimal scenario for the development of the economy of the Lipetsk region in conditions of the predominance of the type of economic activity "Processing industries".

Purpose: to develop recommendations for choosing the preferred option for the development of the economy of the Lipetsk region on the basis of a detailed analysis of strategic development scenarios to improve the manageability of the region's economy in conditions of the predominance of a particular type of economic activity.

Methods: the scientific results are based on the main provisions of the neoclassical institutional theory, the principles of sustainable development and the basic postulates of the regional economy. The article uses comparative, analytical and economic-statistical research methods.

Results: the process of substantiating scenarios for the development of the region's economy with PTEA is formulated, additional parameters for comparing scenarios that take into account the specifics of the development of the region's economy with PTEA are described, steps for qualitative analysis of indicators for justifying scenarios for the development of the region's economy are described, scenarios for the development of the Lipetsk region are tested, development of the economy of the Lipetsk region.

Conclusions and Relevance: the practical importance of the developed methodological provisions is the possibility of their application to manage changes in the economy of the region, aimed at increasing the sustainability of its development. In particular, in the Lipetsk region, it is advisable to implement a basic scenario of development, which implies a balanced growth of the prevailing and other types of economic activity.

Keywords: options for development, the region's economy, the predominant type of economic activity, Lipetsk region

Conflict of Interes. The Author declares that there is no Conflict of Interest

For citation: Borisova I. S. Variants of Development of the Economy Region in the Presence of the Prevailing Type of Economic Activity on the Example of the Lipetsk Region. *MIR (Modernizatsiia. Innovatsii. Razvitie) = MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2018; 9(3):443–459. DOI: 10.18184/2079–4665.2018.9.3.443–459

Введение

Для достижения желаемого состояния экономики региона необходимо не только установить целевые значения основных показателей (индикаторов), к которым стремится регион, но и определить возможные сценарии развития, описывающие траектории движения экономики региона к запланированным результатам. Обоснование сценариев развития экономики региона с преобладанием отдельного вида хозяйственной деятельности (далее – ПВХД) в настоящее время является достаточно трудоемкой задачей из-за сложности оценки фак-

торов влияния и расчета их реального воздействия на состояние экономической системы региона.

Обзор литературы и исследований. Среди всего многообразия исследований, посвященных особенностям эффективного управления на региональном уровне, особый интерес представляют работы российских ученых, которые внесли огромный вклад в решение данной проблемы. Вопросы развития экономики региона рассматривались Никитиным А.Ю. [1], Гириной А.Н., Лапаевой М.Г. [2], Лаженцевым В.М. [3]. Основные проблемы управления на региональном уровне решались

Кузнецовой О.В. [4], Чичкановым В.П., Раевским С.В. и Ярлыкаповым А.Б.¹ Особенности моделирования в системе регионального управления и территориального планирования стали предметом исследований Божко Ю.Н. [5], Калмаковой Н.А. [6], Кузнецовой Ю.А., Шмаковой М.В. [7], Причины О.С. [8], Болонина А.И. и Лайпанова К.Д. [9], Митрофановой С.В. и Смирновой Е.В. [10]. Исследования ученых затрагивают различные аспекты данной проблемы, однако требуют адаптации, уточнения и дополнения в части их применения к регионам, развивающимся с преобладанием отдельного вида хозяйственной деятельности.

Материалы и методы. В процессе исследований современных тенденций управления развитием экономики региона осуществлена творческая адаптация известных научных методов к рассматриваемому явлению ПВХД в экономике региона:

- при разработке алгоритма выбора приоритетного направления развития экономики региона с ПВХД нашли применение метод «построения дерева целей», а также элементы кластерного и SWOT-анализа;
- при анализе ключевых показателей социально-экономического развития Липецкой области задействовались методы структурного, сравнительного, экономического и статистического анализа;
- при тестировании сценариев развития экономики региона с ПВХД нашли применение метод экспертных оценок, а также элементы анализа чувствительности и стресс-тестирования;
- при обосновании сценариев развития экономики региона с ПВХД использовались методы сценарного анализа и оптимизации.

Результаты исследований

По мнению О.В. Кузнецовой, «Диагностика факторов социально-экономического развития регионов важна как с точки зрения развития фундаментальной экономической науки, так и для практики государственного регулирования экономики. ...к настоящему времени в России с пониманием факторов регионального развития сложилась неоднозначная ситуация» [4, с. 121–131]. Фактически это означает, что использование классических методов анализа сценариев развития экономики

региона, применяемых, например, при оценке инвестиционных проектов, достаточно затруднено. Разрабатываемые сценарии развития экономики региона косвенно влияют на условия разработки и реализации приоритетного направления развития через соответствующие административные, экономические, организационно-правовые и информационные механизмы управления. Сравнение сценариев развития экономики региона при наличии преобладающего вида хозяйственной деятельности (ПВХД) осуществляется с учетом особенностей данного явления в экономике конкретного региона.

В настоящее время в большинстве регионов РФ разрабатываются и уточняются программы устойчивого развития, многие из которых при этом имеют однонаправленный характер и не содержат развернутый анализ возможных траекторий развития [1–3]. В частности, анализ «Стратегии социально-экономического развития Липецкой области на период до 2020 года»² показал, что сценарии развития экономики региона не предусмотрены. Однако, на основании указанной стратегии, автором установлены цель и задачи развития экономики Липецкой области, а также индикаторы для оценки их достижения (рис. 1).

Если цель деятельности участников экономики региона достигается за ряд этапов, необходимо разделять текущий результат и итоговый эффект. В процессе достижения итогового эффекта, как правило, необходимо получить нескольких текущих результатов, причем характер эффекта определит его величину. Эффект представляет собой абсолютную величину экономического результата деятельности без привязки к тому, с использованием каких ресурсов он достигнут. Если существуют различные варианты достижения итогового эффекта, необходимо обосновать возможные сценарии развития экономики региона. Тогда каждый сценарий описывает наиболее вероятные значения текущих результатов развития экономики области с учетом имеющихся в регионе ресурсов, сбалансированности объемов производства между видами хозяйственной деятельности, а также характера хозяйственных связей³.

Можно выделить следующие отличительные черты развития экономики региона с ПВХД. Влияние

¹ Чичканов В.П., Раевский С.В., Ярлыкапов А.Б. Особенности развития хозяйства региона // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2012. № 12. С. 92–95. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20296823>

² О внесении изменений в Закон Липецкой области «Стратегия социально-экономического развития Липецкой области на период до 2020 года»: закон Липецкой области: принят Липецким областным Советом депутатов от 14 декабря 2011 г. №580-ОЗ // Липецкая газета. 2011. № 246

³ Чичканов В.П., Раевский С.В., Ярлыкапов А.Б. Указ. соч.

Разработано автором

Рис. 1. Цель, задачи и индикаторы развития Липецкой области на период до 2020 года

Developed by the author

Fig. 1. The purpose, objectives and indicators of the development of the Lipetsk region for the period until 2020

ПВХД на развитие экономики региона носит как положительный, так и отрицательный характер. В зависимости от характера влияния ПВХД выделены следующие отличительные черты.

А. Положительные черты:

- участники ПВХД являются основными заказчиками для других видов деятельности, а также поставщиками сырья, когда продукт преобладающего вида хозяйственной деятельности используется для производства продуктов других видов хозяйственной деятельности и является источником гармонизации экономики региона;
- устойчивые взаимоотношения производственных предприятий и ВУЗов региона позволяют накапливать достаточный интеллектуальный капитал с высокой степенью его практической реализации, позволяя расширять номенклатуру производимой продукции и обеспечивать гармонизацию в рамках вида хозяйственной деятельности.

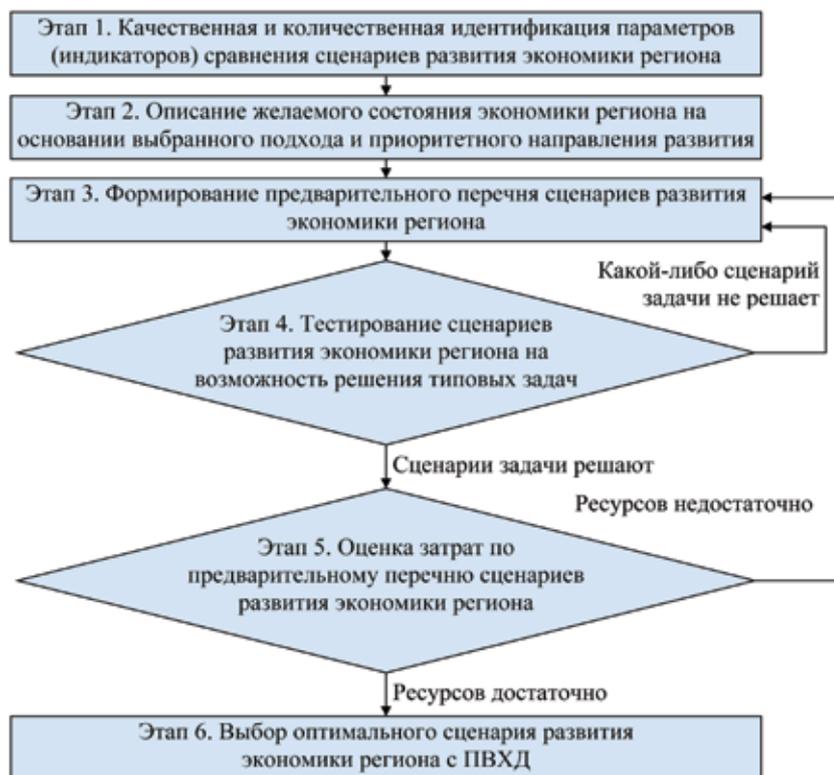
Б. Отрицательные черты:

- наличие и качество большей части номенклатуры элементов инфраструктуры и ресурсов в конкретном регионе зависят от деловой активности в ПВХД;
- приток внешних инвестиционных ресурсов в экономику региона зависит от колебаний глобального рынка однородных продуктов преобладающего вида хозяйственной деятельности, а внутренние инвестиционные ресурсы недостаточны для проведения реальной гармонизации экономики региона;
- высокий уровень занятости в ПВХД, несмотря на высокий качественный состав трудоспособного населения региона, является источником гармонизации доходов населения, а модернизация хозяйствующих субъектов (особенно металлургических) приводит к высвобождению кадров и усилению напряженности на рынке труда;

- ПВХД является одним из основных источников поступлений в бюджет региона, что может привести к снижению финансовой стабильности и уменьшению прибыли, особенно в ситуации резкого падения цен на продукт ПВХД.

Учитывая особенности развития экономики регионов с преобладанием отдельного вида хозяйственной деятельности⁴, автор предлагает следующую структуру процесса обоснования сценариев развития экономики региона (рис. 2). Как видно из рис. 2, процесс выбора оптимального сценариев развития экономики региона является итерационным, то есть предполагает изменение набора сценариев в зависимости от возможностей решения типовых задач, а также объемов затрат, необходимых для реализации каждого сценария. Завершающим этапом обоснования сценариев развития экономики региона является выбор оптимального сценария устойчивого развития экономики конкретного региона в условиях преобладания отдельного вида хозяйственной деятельности. Рассмотрим основные этапы предла-

⁴ Борисова И.С. Особенности развития экономики региона с преобладанием отдельного вида хозяйственной деятельности // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2015. № 3. URL: <http://uecs.ru/regionalnaya-ekonomika/item/3432-2015-04-07-07-16-26> (дата обращения: 15.05.2015)

Разработано автором на основании [5, 6]

Рис. 2. Процесс обоснования сценариев развития экономики региона с преобладанием отдельного вида хозяйственной деятельности

Developed by the author basing on [5, 6]

Fig. 2. The substantiating process of scenarios for the development of the region's economy with the predominance of a concrete type of economic activity

гаемого процесса обоснования сценариев развития экономики региона подробнее.

Этап 1. В процессе управления развитием экономики региона государственным органам исполнительной власти области необходимо реализовать стратегию сбалансированного развития, с учетом интересов всех участников данного процесса. Однако сбалансированное развитие экономики регионов затрудняется объективными ограничениями, существующими на местах. Одним из таких ограничений считается отраслевая структура экономики региона, при которой один вид хозяйственной деятельности признается преобладающим. Преобладание может выражаться не только в ведущей роли отдельного вида хозяйственной деятельности при формировании регионального бюджета, но и в значительном влиянии его хозяйствующих субъектов на рынок труда, интенсивность хозяйственных связей, экологическую обстановку в регионе и др. В процессе управления развитием экономики региона с преобладанием отдельного вида хозяйственной деятельности важ-

но понимать тот факт, что на экономику отдельных регионов ПВХД оказывает как положительное, так и отрицательное влияние.

При разработке и реализации сценариев развития экономики региона необходимо учитывать, что в условиях роста ПВХД доходы регионального бюджета увеличиваются, но возникает дефицит ресурсов для обеспечения других видов хозяйственной деятельности. Это может привести к перекосам на рынке труда, диспропорциям в образовательной сфере, а также к истощению определенного вида природных ресурсов.

В условиях спада ПВХД экономика региона начинает испытывать не только сокращение бюджетных доходов, но и рост социальных расходов, в связи с резким скачком безработицы и необходимостью трудоустроить или переобучать высвободившиеся трудовые ресурсы.

При анализе сценариев развития экономики регионов, имеющих ПВХД, необходимо учитывать ряд дополнительных параметров, которые выходят за рамки чисто экономической сферы. В частности, выделяются следующие особенности развития экономики региона, влияющие на состав параметров оценки сценариев развития экономики региона (табл. 1). При этом в ходе проведения качественного анализа рассматривается возможность влияния индикатора на результат, а в количественном – предусматривается выбор единиц измерения и методики расчета.

Общий процесс качественного анализа параметров, в процессе обоснования сценариев развития экономики региона с учетом указанного подхода, предполагает установление условий развития экономики региона (рис. 3). В результате качественной идентификации выбираются параметры, описывающие сценарии развития экономики региона. Выбранные параметры используются для сбора исходных данных и позволяют количественно описать цели устойчивого развития экономики региона.

Таблица 1

Дополнительные параметры сравнения сценариев, учитывающие особенности развития экономики региона с ПВХД

Table 1

Additional parameters for comparing scenarios, taking into account the specifics of the development of the region's economy with PTEA

Особенности развития экономики региона	Параметр сравнения сценариев	Результат реализации сценария
Ресурсные	Эффективность использования имеющихся в регионе ограниченных ресурсов	Преодоление безработицы и неполной занятости; эффективное соединение трудовых и капитальных ресурсов; формирование наукоемкого и ресурсосберегающего производства
	Соотношение внешних и внутренних ресурсов развития	Рост внешних инвестиций; расширение ресурсной базы региона; рост внутреннего совокупного дохода, приращение сбережений; собственные инвестиции; рост производительности труда
Институциональные	Доля и дисперсия структуры ВРП по видам хозяйственной деятельности	Повышение стабильности динамики развития видов хозяйственной деятельности; пропорциональность темпов развития участников экономики региона, в том числе ПВХД
	Качество управления развитием экономики региона	Снижение административных барьеров; диверсификация экономики региона; повышение удовлетворенности населения деятельностью органов власти региона

Составлено автором на основании [7]

Compiled by the author basing on [7]

Составлено автором на основании [8, 9]

Рис. 3. Процесс качественного анализа параметров обоснования сценариев развития экономики региона

Compiled by the author basing on [8, 9]

Fig 3. The process of qualitative analysis of parameters for justifying scenarios for the development of the region's economy with PTEA

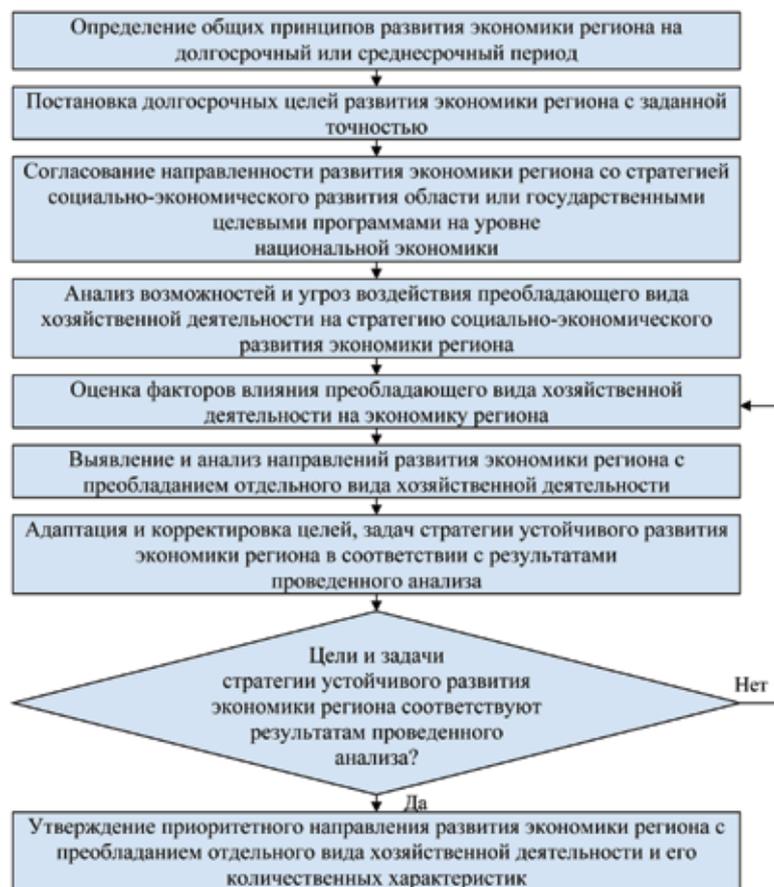
выбора приоритетного направления развития экономики региона с ПВХД представлен на рис. 4.

Определение общих принципов развития экономики региона на долгосрочный или среднесрочный период. Основные цели устойчивого развития экономики региона определяются в соответствии с основными положениями официальных документов, принятых федеральными органами государственной власти на долгосрочную и среднесрочную перспективу:

- Письмо Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации;
- «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года»;

Этап 2. Описание желаемого состояния экономики региона на основании выбранного подхода и приоритетного направления развития. Методика

- «Программа социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу»;

Разработано автором

Рис. 4. Блок-схема реализации методики выбора приоритетного направления развития экономики региона с ПВХД

Developed by the author

Fig. 4. Block diagram of the implementation of the method of choosing the priority direction of development of the region's economy with PTEA

- «Концепция Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации».

В соответствии с перечисленными документами основными принципами социально-экономического развития Липецкой области на период до 2020 года устанавливаются⁵:

- повышение уровня и качества жизни населения Липецкой области является главной целью «Стратегии социально-экономического развития Липецкой области на период до 2020 года»;
- поступательная динамика социально-экономических процессов, их сбалансированность и экологичность, как основные условия устойчивого развития региона;

- создание условий для сочетания интересов различных групп участников экономики региона при решении стратегических проблем экономического, социального, экологического и территориального развития на основе межрегионального и международного сотрудничества.

Опираясь на указанные принципы устойчивого развития экономики региона с преобладанием отдельного вида хозяйственной деятельности, устанавливаются долгосрочные цели развития региона с заданной точностью. С учетом сложившейся в экономике Липецкой области ситуации, формируется перечень приоритетных долгосрочных целей, количественное выражение которых представлено в табл. 2.

На основании табл. 2 видно, что наибольший рост предполагается по «Стратегической цели 2» – цели развития предполагают рост значений Индикатора 21 и Индикатора 22 в 1,56 и 2,06 раза соответственно, а также по «Стратегической цели 3» – планируемый рост составляет 80%. Далее по динамике темпов развития находится «Стратегическая цель 4» – прирост должен составить 15%, и наконец, сле-

дует «Стратегическая цель 1» – основным является Индикатор 12. «Среднемесячная номинальная заработная плата», и его рост запланирован в 1,56 раза.

Сравнивая целевые значения индикаторов с принципами устойчивого развития экономики Липецкой области, сформулированными на шаге 1 алгоритма, выявлено, что основной принцип повышения уровня и качества жизни прописан достаточно полно, тогда как сочетание интересов различных групп при решении стратегических проблем не нашло должного отражения в целевых индикаторах. «Стратегическую цель 2» целесообразно дополнить:

- Индикатор 23 «Объем внешних инвестиций в экономику области»;

⁵ О внесении изменений в Закон Липецкой области «Стратегия социально-экономического развития Липецкой области на период до 2020 года»: закон Липецкой области: принят Липецким областным Советом депутатов от 14 декабря 2011 г. № 580-ОЗ // Липецкая газета. 2011. № 246

Таблица 2

Долгосрочные цели развития экономики Липецкой области на период до 2020 г. с заданной точностью⁶

Table 2

Long-term economic development goals of the Lipetsk region for the period up to 2020 with a given accuracy

Цели развития экономики Липецкой области	Рост 2020/2016 гг.
Стратегическая цель 1. Повышение благосостояния и качества жизни населения	
Индикатор 11. Индекс качества жизни	100,38%
Индикатор 12. Среднемесячная номинальная заработная плата, руб.	156,64%
Индикатор 13. Уровень регистрируемой безработицы, %	100,00%
Стратегическая цель 2. Создание инновационной и конкурентоспособной экономики в регионе	
Индикатор 21. Объем валового регионального продукта, млрд руб.	206,60%
Индикатор 22. Доля инновационной продукции в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ и услуг промышленными организациями, %	156,25%
Стратегическая цель 3. Улучшение экологической обстановки и качества окружающей среды	
Индикатор 31. Общий объем загрязнений атмосферы на единицу ВРП, тыс. т/млрд руб.	55,56%
Стратегическая цель 4. Создание и внедрение системы эффективного государственного управления в области	
Индикатор 41. Удовлетворенность населения деятельностью исполнительных органов государственной власти области, в % от числа опрошенных	115,84%

Составлено автором

Compiled by the author

- Индикатор 24 «Доля инвестиций преобладающего вида хозяйственной деятельности в общем объеме инвестиций».

Сформированная совокупность целей развития области получает количественное измерение, что позволяет перейти к следующему шагу.

Автором выделены несколько альтернативных приоритетов трансформации характера хозяйственных связей в экономике региона с учетом требований обеспечения устойчивого развития.

1. Укрупнение – организационное объединение участников смежных видов хозяйственной деятельности экономики региона с целью сокращения номенклатуры продуктов и увеличения объема их производства.

2. Специализация – концентрация ресурсов в преобладающем виде хозяйственной деятельности для дальнейшего улучшения производимых продуктов и развития приоритетной технологической цепочки в экономике региона.

3. Кластеризация – выделение ключевых групп участников экономики региона, производящих однородные наиболее конкурентоспособные

продукты, и формирование сети вспомогательных и обеспечивающих основную деятельность хозяйствующих субъектов.

4. Гармонизация – стимулирование развития нескольких видов хозяйственной деятельности помимо преобладающего, путем структурного реформирования экономики региона.

Установлено, что приоритетным направлением развития экономики Липецкой области с ПВХД «Обработывающие производства» целесообразно утвердить гармонизацию.

Исполнительные органы государственной власти области, как регулятор отношений в части установления стратегических приоритетов развития территории, осуществляют стимулирование и контроль за реализацией разработанных сценариев развития экономики региона, которые в итоге должны способствовать достижению целей его поступательного развития по направлениям [10]:

- улучшения ресурсного обеспечения производственной деятельности;
- повышения качества функционирования участников экономики региона;

⁶ Социально-экономическое положение Липецкой области в январе-декабре 2015 года. Официальное издание. Липецк: Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Липецкой области, 2016. 114 с.; Социально-экономическое положение Липецкой области в январе-декабре 2014 года. ... 2015. 112 с.; Социально-экономическое положение Липецкой области в январе-декабре 2013 года. ... 2014. 108 с.

- снижения негативных последствий влияния преобладающего вида хозяйственной деятельности на региональную экономику;
- совершенствования процесса реализации стратегии развития экономики региона.

В соответствии с выбранным подходом к управлению развитием экономики региона устанавливаются целевые значения параметров, описывающие желаемое состояние экономики региона на заданном горизонте планирования. Для этого используются процедуры сравнения показателей региона с федеральными показателями (индикаторами) [11, 12].

Для установления целевых значений параметров развития экономики региона и выявления необходимых темпов развития автором анализировались ключевые показатели социально-экономического развития Липецкой области и Российской Федерации за 2016–2020 гг. Сравнительный анализ показал, что Липецкая область превышает отдельные показатели, поэтому при обосновании сценариев требуется четко определить желаемые темпы роста.

Другая задача установления целевых параметров развития экономики региона – обеспечить опережающее развитие по тем показателям, по которым регион отстает от Российской Федерации. На основании прогноза среднедушевых показателей социально-экономического развития Липецкой области по отношению к аналогичным показателям Российской Федерации за 2016–2020 гг. можно сделать вывод, что наибольший рост наблюдается по следующим:

- валовой региональный продукт на душу населения – 115,6%;
- среднемесячная начисленная заработная плата – 111,5%;
- объем производства продукции сельского хозяйства – 107,0%.

На основании анализа автором построены лепестковые диаграммы сопоставления среднедушевых показателей социально-экономического развития Липецкой области к аналогичным показателям Российской Федерации за 2016–2020 гг. (рис. 5).

Контур фигуры описывает социально-экономическое положение Липецкой области на фоне Российской Федерации. Установлено, что к 2020 году размеры фигуры не только существенно возрастают по площади, что свидетельствует о положительной динамике развития Липецкой области, но и приближаются к средним значениям показателей социально-экономического развития в целом по

России. Специфика развития экономики региона с ПВХД состоит в том, что варианты достижения перечисленных целевых показателей зависят от его роли и участия в реализации сценария развития экономики региона.

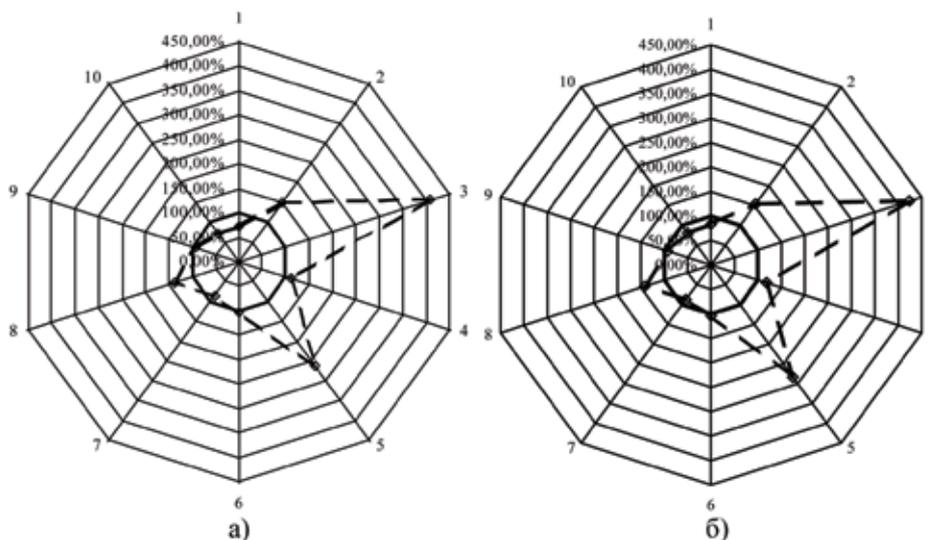
Этап 3. Для формирования предварительного перечня сценариев развития экономики региона используются различные подходы. Наиболее распространенным является подход, предполагающий разработку оптимистичного, реалистичного и пессимистичного сценариев. Сценарии развития учитывают тенденции изменения внешней среды, а также принципы и приоритеты развития экономики региона. Поэтому каждый сценарий представляет собой совокупность количественных и качественных параметров, описывающих желаемое состояние всех групп стейкхолдеров экономики региона.

Обоснование сценариев предполагает формирование прогнозных показателей социально-экономического развития экономики региона. В настоящее время прогнозирование показателей социально-экономического развития экономики осуществляется в соответствии с требованиями Министерства экономического развития Российской Федерации и включает три варианта сценария развития⁷:

- «инерционный» (консервативный), сохраняющий существующую тенденцию развития и умеренные темпы экономического роста;
- «инновационный» (инвестиционный), предполагающий интенсивное развитие с максимальным привлечением инвестиций;
- «целевой» (компромиссный), определяющий стратегическую цель и приоритеты развития.

Однако данные типы сценариев целесообразно использовать в регионах, которые имеют сбалансированную структуру экономики и не зависят от отдельного вида хозяйственной деятельности. Автор считает, что в регионах, развивающихся в особых условиях, набор сценариев должен учитывать существующие особенности развития и ресурсные возможности ПВХД. Поэтому для определения траектории развития Липецкой области предварительно выбраны следующие варианты сценариев развития экономики региона: «базовый» сценарий, сохраняющий существующую структуру развития экономики региона с учетом требований «Стратегии социально-экономического развития Липецкой области на период до 2020 года»; «2» – предполагающий, что основная нагрузка по развитию экономики региона возложена на ПВХД; сценарий «3» – предполагающий равномерное

⁷ Распоряжение Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. №2227-р «Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г.» URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70006124>

Условные обозначения показателей:

- 1 – Валовой региональный продукт на душу населения;
- 2 – Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам экономической деятельности;
- 3 – Отгружено товаров собственного производства инновационного характера;
- 4 – Инвестиции в основной капитал за счет всех источников финансирования;
- 5 – Объем производства продукции сельского хозяйства;
- 6 – Оборот розничной торговли;
- 7 – Объем платных услуг;
- 8 – Объем бытовых услуг;
- 9 – Среднедушевой денежный доход населения в среднем за месяц;
- 10 – Среднемесячная начисленная заработная плата, руб.

Составлено автором на основании источников⁸

Рис. 5. Лепестковая диаграмма сопоставления среднедушевых показателей социально-экономического развития Липецкой области к аналогичным показателям Российской Федерации за 2016 г. (а) и 2020 г. (б)

Compiled by the author on the basis of the sources⁹

Fig. 5. The petal diagram of comparing the average per capita indicators of the social and economic development of the Lipetsk region to similar indicators of the Russian Federation for 2016 (a) and 2020 (b)

участие всех категорий заинтересованных сторон в развитии экономики региона.

Этап 4. В настоящее время существует достаточное количество методик тестирования. Количественные тесты (анализ чувствительности, стресс-тестирование и т.п.) предполагают изменение параметров объекта и установление границ его устойчивости под влиянием определенных факторов.

Качественные тесты (экспертные оценки) позволяют привлечь соответствующих специалистов для анализа вероятности решения поставленной задачи. Для тестирования сценариев развития эко-

номики региона достаточно использовать стресс-тестирование как метод анализа, основными шагами которого являются:

- 1) определение факторов стресса;
- 2) оценка влияния факторов стресса;
- 3) установление масштабов влияния факторов стресса;
- 4) тестирование сценариев;
- 5) принятие решения по сценарию: оставить в печене / исключить.

⁸ Основные показатели социально-экономического развития Липецкой области в сравнении с Российской Федерации за 2016 год. URL: http://adm lip.ru/doc/app/bus/econ/pokazateli_2016_2.xls

⁹ The main indicators of socio-economic development of the Lipetsk region in comparison with the Russian Federation for 2016. Access mode: http://adm lip.ru/doc/app/bus/econ/pokazateli_2016_2.xls

Основными факторами наступления «стресса» при тестировании сценариев развития экономики региона являются: ресурсный фактор (в разрезе основных видов ресурсов); компетентностный фактор (в части организации управления развитием); временной фактор (достаточность времени для реализации сценария развития экономики региона). Также устанавливаются тестовые условия: достижение целевых показателей (индикаторов) развития; достаточность ресурсов; устойчивый социальный климат в регионе.

«Стрессом», с точки зрения тестирования, является негативное событие по одному из тестовых условий. Целевые показатели (индикаторы) не будут достигнуты из-за низкого качества управления развитием со стороны исполнительных органов государственной власти области, недостаточности ресурсов в регионе, отсутствия поддержки населения, дефицита времени. С учетом перечисленных «стрессовых» событий задача оценки влияния факторов сводится к обоснованию вероятности отсутствия «стресса» при реализации конкретного сценария развития экономики региона. Соответственно, масштаб влияния факторов предполагает количество условий, на которые влияет фактор. Например, компетентностный фактор воздействует на условие достижения цели, а ресурсный фактор может оказывать влияние на все условия.

Тестирование сценариев развития экономики региона проводится в форме установления вероятности проявления конкретного фактора для наступления «стресса» по одному из условий. Рассчитывается совокупная вероятность стресса (p^{Σ}) по формуле:

$$p^{\Sigma} = 1 - \prod_{j=1}^J \left(1 - \prod_{i=1}^I p_{ij} \right), \quad (1)$$

где p_{ij} – вероятность наступления «стресса» в результате влияния i -го фактора на j -е условие развития экономики региона.

Вероятность «стресса» определяется, например, на основании актуарных расчетов. Если совокупная вероятность «стресса» (p^{Σ}) ниже пороговой отметки (например, 0,25), то сценарий прошел «стресс-тест» и включается в перечень для дальнейшего анализа. Пример тестирования сценариев развития Липецкой области представлен в табл. 3.

В результате тестирования сценариев развития Липецкой области установлено, что все они позволяют обеспечить достижение целевых показателей при наличии имеющихся ресурсов в экономике региона.

Этап 5. Для проведения оценки затрат рассматриваются предполагаемые затраты по основным группам заинтересованных сторон в экономике региона. Исходные данные для оценки затрат участников экономики региона, необходимых для реализации сценариев развития экономики Липецкой области, представлены в табл. 4.

В результате тестирования сценариев развития Липецкой области установлено, что все они позволяют обеспечить достижение целевых показателей при наличии имеющихся ресурсов в экономике региона.

Этап 5. Для проведения оценки затрат рассматриваются предполагаемые затраты по основным группам заинтересованных сторон в экономике региона. Исходные данные для оценки затрат участников экономики региона, необходимых для реализации сценариев развития экономики Липецкой области, представлены в табл. 4.

Таблица 3

Результаты тестирования сценариев развития Липецкой области

Table 3

The results of testing the development scenarios of the Lipetsk region

Сценарий	Условие	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Pr_{ij}	p^{Σ}
Базовый сценарий	Условие 1	0,182	0,246	0,483	0,022	0,06
	Условие 2	0,214	0,192	0,189	0,008	
	Условие 3	0,484	0,245	0,263	0,031	
Сценарий 2	Условие 1	0,224	0,317	0,394	0,028	0,19
	Условие 2	0,286	0,495	0,586	0,083	
	Условие 3	0,383	0,297	0,795	0,090	
Сценарий 3	Условие 1	0,294	0,185	0,427	0,023	0,08
	Условие 2	0,316	0,421	0,426	0,057	
	Условие 3	0,228	0,124	0,233	0,007	

Рассчитано автором

Calculated by author

Таблица 4

Затраты участников экономики региона, необходимые для реализации сценариев развития экономики Липецкой области по годам

Table 4

Costs of participants in the region's economy, necessary for the implementation of scenarios for the development of the economy of the Lipetsk region by years

Сценарий	Затраты органов власти, млн руб.			Затраты участников экономики региона, млн руб.			Затраты ПФХД, млн руб.		
	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
«Базовый»	65,5	72,1	73,3	201,2	203,4	202,6	190,1	198,3	201,6
Сценарий «2»	67,8	89,3	92,1	192,3	183,6	187,8	220,4	230,7	237,3
Сценарий «3»	120,5	127,4	129,2	136,3	131,1	138,2	170,4	172,2	171,8

Обобщено автором на основании источников¹⁰

Summarized by the author on the basis of the sources¹¹

В «Стратегии социально-экономического развития Липецкой области на период до 2020 года» разработаны показатели, позволяющие отслеживать и контролировать динамику изменений развития экономики области. Из стратегии следует, что наибольшие изменения развития в Липецкой области запланированы по Показателю 132 «Объем внутреннего и въездного туристического потока в области» – прирост составит 49,6%. Далее находятся Показатель 163 «Удовлетворенность населения качеством жилищно-коммунальных услуг» и Показатель 131 «Удельный вес населения, систематически занимающегося физической культурой и спортом» (соответственно 28,21% и 25%).

Предварительный анализ значений контрольных показателей для развития Липецкой области свидетельствует о том, что они являются следствием социально-экономических изменений в регионе, но не предоставляют информации, как достичь указанного уровня в рассматриваемом периоде.

Углубленный анализ значений контрольных показателей по Стратегической цели 2 «Создание инновационной и конкурентоспособной экономики в регионе» показывает, что наибольшая динамика наблюдается у Показателя 252 «Доля энергетических ресурсов, производимых с использованием возобновляемых источников энергии и (или) вторичных энергетических ресурсов, в общем объеме энергетических ресурсов, производимых на территории Липецкой области» – 993,5%.

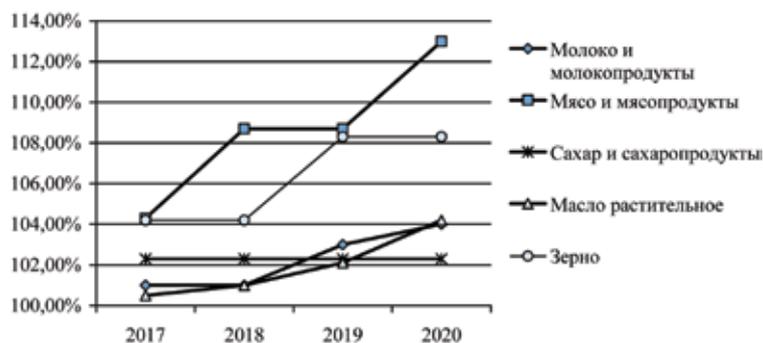
В качестве примера рассмотрим подробнее динамику прироста значений Показателя 221 «Уро-

вень самообеспеченности области продуктами питания» (рис. 6). Из рис. видно, что Липецкая область не испытывает дефицита ни по одному из перечисленных продуктов. Более того, по элементу «Мясо и мясные продукты» удовлетворенность самая высокая.

Однако из «Стратегии социально-экономического развития Липецкой области на период до 2020 года» не ясно, какие сценарии развития экономики области необходимо использовать для достижения указанных целевых значений показателя. Также остается без ответа вопрос о том, за счет каких ресурсов необходимо развивать данный вид хозяйственной деятельности, т.е. вопрос траектории развития экономики Липецкой области является непроработанным и требует более глубокого анализа. Концепция устойчивого развития экономики региона предполагает, что, помимо экономического и социального направлений, в области реализуется комплекс мер по экологическому оздоровлению территории. Данный набор задач консолидируется в «Стратегии социально-экономического развития Липецкой области на период до 2020 года» в рамках Стратегической цели 3 «Улучшение экологической обстановки и качества окружающей среды». Руководство области ставит перед экономикой региона ряд амбициозных задач не только по снижению объема выбросов в атмосферу загрязняющих веществ от стационарных источников и сокращению объема сбросов загрязненных сточных вод, но и росту доли использованных и обезвреженных отходов производства и потребления в общем объеме образовавшихся

¹⁰ Основные показатели социально-экономического развития Липецкой области в сравнении с Российской Федерацией за 2016 год. [Электронный]. Режим доступа: http://admlip.ru/doc/app/bus/econ/pokazateli_2016_2.xls

¹¹ The main indicators of socio-economic development of the Lipetsk region in comparison with the Russian Federation for 2016. [Electronic]. Access mode: http://admlip.ru/doc/app/bus/econ/pokazateli_2016_2.xls

Составлено автором

Рис. 6. Динамика значений Показателя 221 «Уровень самообеспеченности области продуктами питания» по элементам для Липецкой области в 2016–2020 гг. (2016 – базовый год)

Compiled by the author

Fig. 6. Dynamics of the values of the indicator 221 «The level of self-sufficiency of the region with food» by elements for the Lipetsk region in 2016–2020 (2016 – base year)

отходов, а также количеству месторождений общераспространенных полезных ископаемых, числящихся на государственном балансе.

Сравнение сценариев развития экономики региона по данному направлению необходимо в связи с тем, что отдельные задачи, решаемые в рамках экологического развития экономики региона, могут войти в противоречие с задачами «Стратегической цели 2», так как рост сельскохозяйственного производства способен привести к дефициту земель, которые предполагается выделять для обезвреживания отходов или повышения лесистости территории. В решении данного вопроса важную роль играет соответствующее распределение ресурсов экономики региона между видами хозяйственной деятельности, а также конкретные траектории движения к целевым значениям контрольных показателей.

Другими словами, без обеспечения надлежащего качества управления изменениями устойчивое развитие региона невозможно. Поэтому в «Стратегии социально-экономического развития Липецкой области на период до 2020 года» предусмотрена Стратегическая цель 4 «Создание и внедрение системы эффективного государственного управления в области», основные показатели по которой свидетельствуют о том, что основными критериями эффективного управления исполнительными органами государственной власти Липецкой области является Показатель 412 «Численность государственных гражданских служащих в органах исполнительной власти, чел. на 10 тыс. чел. населения» и Показатель 413 «Количество государственных услуг, предоставляемых в электронном виде, шт.»,

которые приводят к необходимости повышения квалификации служащих и трансформации способов оказания услуг в Липецкой области. Наилучшая динамика наблюдается у контрольного Показателя 413 «Количество государственных услуг, предоставляемых в электронном виде» – их рост с 2016 по 2020 годы должен составить 20%.

Рассмотрим сценарии развития по промежуточным показателям. В частности, для группы показателей по Задаче 21 «Создание условий для модернизации существующих производств, стимулирование инновационной и экономической активности бизнеса» разработаны следующие сценарии социально-экономического развития экономики Липецкой области (рис. 7–9).

Из рис. 7 видно, что «базовый» сценарий предполагает резкий рост производительности в 2018 году, тогда как наиболее сбалансированным является сценарий «3», который описывает поступательное развитие Липецкой области по данному показателю.

На рис. 8 показано, что основные изменения по Показателю 212 «Удельный вес инновационно-активных организаций, в общем числе обследованных» в соответствии с «базовым» сценарием должны произойти к 2020 году, а сценарий «2» предполагает накопление изменений в течение 2016–2019 годов с последующим замедлением роста инновационно-активных организаций. При реализации сценария «3» наиболее активные изменения запланированы также на период с 2019 по 2020 годы. Таким образом, каждый сценарий устанавливает целевые ориентиры и иллюстрирует необходимые темпы изменения по рассматриваемым показателям развития области.

По аналогии с предыдущими показателями, различные сценарии предусмотрены по Показателю 213 «Доля неторгового сектора в обороте малых и средних предприятий». «Базовый» сценарий устанавливает наибольший темп роста в 2016–2017 годах, а сценарии «2» и «3» выглядят более сбалансированными и позволяют хозяйствующим субъектам области создавать необходимые условия для реализации изменений (рис. 9).

Анализ сценариев развития Липецкой области показал, что особенностью «базового» сценария является более равномерное изменение целевых показателей, тогда как сценарий «2» предполагает резкий экономический рывок в ближайшие 1–2

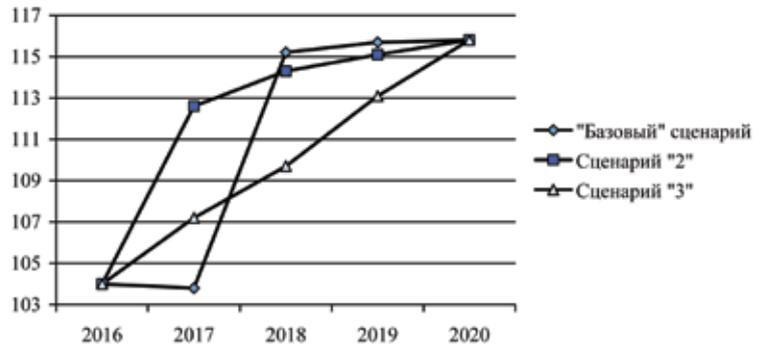
года с последующим замедлением. Сценарий «3», наоборот, показывает медленные изменения в ближайшие годы, обусловленные недостатком бюджетных средств, однако активность действий участников экономики региона в последующие годы возрастет в связи с ростом возможностей регионального бюджета.

Поэтому, учитывая результаты проведенного анализа набора сценариев развития экономики региона, необходимо сделать вывод, что в сложившихся условиях развития экономики Липецкой области наиболее обоснованным и обеспеченным ресурсами является «базовый» сценарий. Однако при определенных условиях (появление новых технологий у резидентов особой экономической зоны, привлечение новых инновационно-активных инвесторов) возможен переход к реализации сценария «3», который является сбалансированным и реально достижимым.

Этап 6. Конечной целью процесса обоснования сценариев устойчивого развития экономики региона является выбор оптимального с точки зрения интересов всех участников экономики региона сценария, описывающего развитие региона с ПВХД на основании выбранного подхода к его управлению. Таким образом, в результате решения задачи оптимизации из обоснованных сценариев развития экономики региона осуществляется выбор наиболее приоритетного (оптимального) сценария.

Выводы

Автором осуществлен выбор варианта развития экономики региона на основании предложенного формализованного алгоритма. Установлен наиболее предпочтительный сценарий развития Липецкой области. Сценарий «3» способен стимулировать развитие экономики Липецкой области и обеспечить нестандартные варианты решения задач совместного производства тех или иных продуктов. Однако, учитывая, что главным ограничением при выборе оптимального сценария являются возможности бюджета ре-

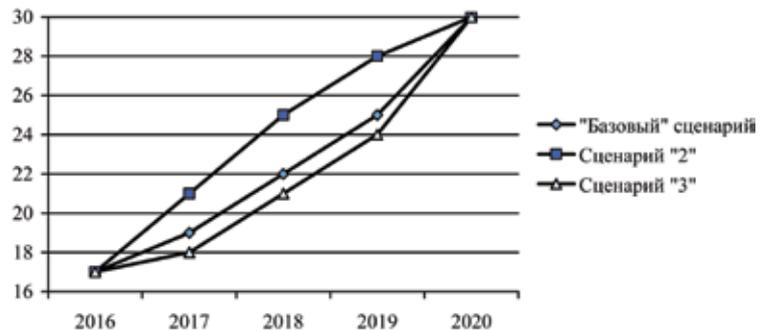

Составлено автором

Рис. 7. Сценарии развития экономики Липецкой области по Показателю 211 «Индекс производительности труда в промышленности» за 2016–2020 гг.

Compiled by the author

Fig. 7. Scenarios for the development of the economy of the Lipetsk region by Indicator 211 «Labor productivity index in industry» for 2016–2020

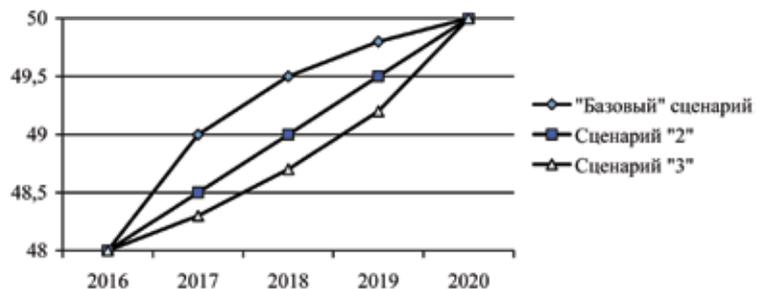

Составлено автором

Рис. 8. Сценарии развития экономики Липецкой области по Показателю 212 «Удельный вес инновационно-активных организаций, в общем числе обследованных» за 2016–2020 гг.

Compiled by the author

Fig. 8. Scenarios for the development of the economy of the Lipetsk region by Indicator 212 «The share of innovative-active organizations, in the total number of surveyed» for 2016–2020

Составлено автором

Рис. 9. Сценарии развития экономики Липецкой области по Показателю 213 «Доля неторгового сектора в обороте малых и средних предприятий» за 2016–2020 гг.

Compiled by the author

Fig. 9. Scenarios for the development of the economy of the Lipetsk region by Indicator 213 «The share of the non-trade sector in the turnover of small and medium-sized enterprises» for 2016–2020

гиона, целесообразно использовать «базовый» сценарий развития экономики Липецкой области.

Предложенный автором процесс обоснования сценариев развития экономики региона с ПВХД позволяет трансформировать изменение ограничений в повышение гибкости при выборе оптимального сценария развития экономики области, а стратегия социально-экономического развития области преобразуется в единую программу действий, которая содержит стратегические задачи для всех заинтересованных сторон в экономике конкретного региона [15]. Таким образом, автором разработаны и апробированы этапы процесса обоснования сценариев развития экономики региона в условиях преобладания отдельного вида хозяйственной деятельности, позволяющие исполнительным органам государственной власти области использовать её ресурсные возможности для обеспечения реализации стратегических изменений в зависимости от активности участников экономики региона.

Список литературы

1. *Никитин А.Ю.* Программы развития экономики региона: механизм разработки и реализации // Вестник СГСЭУ. 2010. № 5. С. 126–128. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15586138>
2. *Лапаева М.Г., Гирина А.Н.* Теоретические аспекты регионального развития в современных условиях // Вестник Оренбургского государственного университета. 2013. № 8 (157). С. 119–123. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20315858>
3. *Лаженцев В.М.* Территориально-хозяйственные системы как объекты географических и экономических исследований // Современные производительные силы. 2013. № 4. С. 99–110. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20881636>
4. *Кузнецова О.В.* Пирамида факторов социально-экономического развития регионов // Вопросы экономики. 2013. № 2. С. 121–131. URL: <https://dlib.eastview.com/browse/doc/28703180>
5. *Божко Ю.Н.* Современные подходы к управлению региональным развитием // Социально-экономические процессы и явления. 2012. № 9 (043). С. 18–22. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19018272>
6. *Калмакова Н.А.* Уровни управления сбалансированным развитием экономики региона на принципах самоорганизации // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 27 (402). С. 24–27. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23803985>
7. *Кузнецова Ю.А., Шмакова М.В.* Разработка стратегии развития региона на основе пространственного подхода // Проблемы современной экономики. 2012. № 2 (42). С. 267–270. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23113414>
8. *Причина О.С.* Системный подход к управлению комплексным развитием региона // Terra Economicus. 2010. № 3–3 (7). С. 224–226. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18322616>
9. *Болонин А.И., Лайпанов К.Д.* Детерминанты формирования стратегий развития региональных социально-экономических систем в условиях отраслевой интеграции // Микроэкономика. 2013. № 4. С. 94–95. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20391288>
10. *Митрофанова С.В., Смирнова Е.В.* Приоритетные направления стратегии социально-экономического развития региона // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2007. № 4 (13). С. 28–36. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9447204>
11. *Татаркин А., Романова О., Акбердина В.* Технологические и пространственные возможности новой индустриализации промышленных регионов // Федерализм. 2014. № 3 (75). С. 45–56. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22030129>
12. *Гринберг Р.С.* Экономика современной России: состояние, проблемы, перспективы // Вестник Института экономики РАН. 2015. № 1. С. 10–29. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23011828>
13. *Лексин В.Н., Порфирьев Б.Н.* Оценка результативности государственных программ социально-экономического развития регионов России // Проблемы прогнозирования. 2016. С. 81–94. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28163863>
14. *Маркина М.В.* Многокритериальные задачи оптимизации в экономике // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 4-1. С. 416–421. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23006289>
15. *Ивантер В.В.* и др. Структурно-инвестиционная политика в целях модернизации экономики России // Проблемы прогнозирования. 2017. № 4. С. 3–16. URL: https://ecfor.ru/publication/01_strukturno-investitsionnaya-politika
16. *Полтерович В.М.* Общий социальный анализ и проектирование реформ // Журнал новой экономической ассоциации. 2013. № 1 (17). С. 185–188. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18972648>

17. Zhou Z. Traditional Development Modes and Service Economy. In: The Development of Service Economy. Springer, Singapore, 2016. p. 131–161. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-287-901-1_8
18. Phillips N. The Political Economy of Development. In: John Ravenhill (ed.) Global Political Economy (5th edn). Oxford University Press, 2017. DOI: 10.1093/hepl/9780198737469.001.0001
19. Andreeva E.L., Linetsky A.F., Ratner A.V., Kuznetsova D.E. Institutional factor in international economic activity of region and its socio-economic development. *Ekonomika regiona = Economy of Region*. 2016; 12(4):1050–1059. DOI: 10.17059/2016-4-7
20. Keck A. & Schropp S. Indisputably Essential: The Economics of Dispute Settlement Institutions in Trade Agreements (September 2007). WTO Staff Working Paper No. ERSD-2007-02. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=1018828> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1018828>
21. Zafar Tariq S.M., Hmedat Waleed, Chaubey D.S., Thomas Baby. An Analysis of MENA Region Economy Performance in Prevailing Global Economic Conditions. *International Journal of Engineering and Management Research*. 3 Mar 2018. 8(02). 163–175. DOI: <https://doi.org/10.31033/ijemr.v8i02.11606>
22. Hvidt Martin. Economic diversification in GCC countries: Past records and future trends. Kuwait Programme on Development, Governance and Globalisation in the Gulf States, London: UK, 2013

Об авторе:

Борисова Ирина Сергеевна, доцент кафедры экономики, Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Институт экономики» (105005, Россия, г. Москва, ул. Малая Почтовая, 2/2), кандидат экономических наук, доцент, gotika00@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

References

1. Nikitin A.Yu. Regional economy development programs: development and implementation. *Vestnik of Saratov State Socio-Economic University*. 2010; 5:126–128 (in Russ.)
2. Lapaeva M.G., Girina A.N. Theoretical aspects of regional development in the current conditions. *Vestnik of the Orenburg State University*. 2013; 8(157):119–123 (in Russ.)
3. Lazhentsev V.M. Territorial-economic systems as objects of geographic and economic research. *Sovremennye proizvoditel'nye sily = Modern productive forces*. 2013; 4:99–110 (in Russ.)
4. Kuznetsova O.V. Pyramid of factors of social and economic development of regions. *Questions of economics*. 2013; 2:121–131. Available from: <https://dlib.eastview.com/browse/doc/28703180> [Accessed 19th June 2015] (in Russ.)
5. Bozhko Yu.N., Modern approaches to management of regional development. *Social and Economic Phenomena and Processes*. 2012; 9(043):18–22 (in Russ.)
6. Kalmakova N.A. Levels of management of the balanced development of the region's economy on the principles of self-organization. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika = Regional economy: theory and practice*. 2015; 27(402):24–27 (in Russ.)
7. Kuznetsova Yu.A., Shmakova M.V. Development of the regional development strategy on the basis of the spatial approach. *Problems of modern economics*. 2012; 2(42):267–270 (in Russ.)
8. Pricina O.S. System approach to managing the complex development of the region. *Terra Economicus*. 2010; 3-3(7):224–226 (in Russ.)
9. Bolonin A.I., Laipanov K.D. Determinants of formation of the strategies of development of regional socioeconomic systems in the conditions of sectoral integration. *Microeconomics*. 2013; 4:94–95 (in Russ.)
10. Mitrofanova S.V., Smirnova E.V. Priority directions of the socio-economic development strategy of the region. *National interests: Priorities and Security*. 2007; 4(13):28–36 (in Russ.)

11. Tatarkin A., Romanova O., Akberdina V. Technological and spatial possibilities of the new industrialization of industrial regions. *Federalism*. 2014; (3(75):45–56 (in Russ.)
12. Grinberg R.S. Economy of modern Russia: state, issues, prospects. *Bulletin of the Institute of Economics RAS*. 2015; (1):10–29 (in Russ.)
13. Leksin V.N., Porfiryev B.N. Organizational issues of expert review and evaluation of macroregional development projects in Russia. *Studies on Russian Economic Development*. 2016; 27(6):621–628 Available from: <https://doi.org/10.1134/S1075700716060095> (in Eng.)
14. Markina M.V. Multicriteria optimization problems in the economy. *Vestnik Nizhegorodskogo unta im. Lobochevskogo = Bulletin of the Nizhny Novgorod University N.I. Lobochevsky*. 2014; (4-1):416–421 (in Russ.)
15. Ivanter V.V. Structural and investment policy as an instrument for modernizing the Russian economy. *Studies on Russian Economic Development*. 2017; 28(4):364–372. Available from: <https://doi.org/10.1134/S1075700717040086> (in Eng.)
16. Polterovich, V. M. General Social Analysis and Reform Design. *Zhurnal novoy ekonomicheskoy assotsiatsii = Journal of the new economic association*. 2013; 1(17):185–188 (in Russ.)
17. Zhou Z. Traditional Development Modes and Service Economy. In: *The Development of Service Economy*. Springer, Singapore, 2016. p. 131–161. Available from: https://doi.org/10.1007/978-981-287-901-1_8 (in Eng.)
18. Phillips N. The Political Economy of Development. In: John Ravenhill (Ed.) *Global Political Economy* (5th edn). Oxford University Press, 2017. Available from: doi:10.1093/hepl/9780198737469.001.0001 (in Eng.)
19. Andreeva E.L., Linetsky A.F., Ratner A.V., Kuznetsova D.E. Institutional factor in international economic activity of region and its socio-economic development. *Ekonomika regiona = Economy of Region*. 2016; 12(4):1050–1059. Available from: doi:10.17059/2016-4-7 (in Eng.)
20. Keck A. & Schropp S. Indisputably Essential: The Economics of Dispute Settlement Institutions in Trade Agreements (September 2007). WTO Staff Working Paper No. ERSD-2007-02. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=1018828> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1018828> (in Eng.)
21. Zafar Tariq S.M., Hmedat Waleed, Chaubey D.S., Thomas Baby. An Analysis of MENA Region Economy Performance in Prevailing Global Economic Conditions. *International Journal of Engineering and Management Research*. 3 Mar 2018; 8(02):163–175. Available from: <https://doi.org/10.31033/ijemr.v8i02.11606> (in Eng.)
22. Hvidt Martin. Economic diversification in GCC countries: Past records and future trends. *Kuwait Programme on Development, Governance and Globalisation in the Gulf States*, London: UK, 2013 (in Eng.)

About the author:

Irina S. Borisova, Non-governmental educational institution of higher professional education "Institute of Economics" (2/2, Malaya Pochtovaya str., Moscow, 105005), Moscow, Russian Federation, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, gotika00@mail.ru

The author read and approved the final version of the manuscript.

УДК 338.1; 343.535.2
JEL: G33, G38, L24

DOI: 10.18184/2079-4665.2018.9.3.460-474

Развитие концепции субсидиарной ответственности как инструмента повышения эффективности института банкротства и обеспечения экономической безопасности страны

Валерий Николаевич Алферов¹, Марьям Микоиловна Коригова²

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
125993, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 49

E-mail: expertavn@bk.ru

² ИТ-компании "GreenData", Пермь, Россия

614002, г. Пермь, ул. Белинского, д. 31

E-mail: maryam.korigova@yandex.ru

Поступила в редакцию: 27.06.2018; одобрена: 10.08.2018; опубликована онлайн: 28.09.2018

Аннотация

Цель: Основная цель статьи состоит в исследовании современных проблем института банкротства и влияния результатов его функционирования на систему экономической безопасности государства, выработке рекомендаций по совершенствованию института банкротства и концепции субсидиарной ответственности. Для достижения цели в статье решаются следующие задачи: определение теоретических и практических аспектов, обобщение процессов по формированию и развитию концепции субсидиарной ответственности недобросовестного контролирующего должника лица; анализ практических проблем реализации концепции субсидиарной ответственности недобросовестного контролирующего должника лица; исследование российской и зарубежной практики реализации института банкротства и субсидиарной ответственности недобросовестного контролирующего должника лица; формирование предложений по развитию концепции субсидиарной ответственности недобросовестного контролирующего должника лица как инструмента повышения эффективности института банкротства и обеспечения экономической безопасности.

Методология проведения работы: Статья основана на системном подходе к определению и формированию концепции субсидиарной ответственности, теоретическом, экономическом и функциональном анализе комплексного взаимодействия основных участников института банкротства и влияния их деятельности на экономическую безопасность страны.

Результаты работы: Увеличение количества неправомерных действий в делах о банкротстве в последнее десятилетие привело к необходимости усиления экономической (субсидиарной) ответственности лиц, контролирующих должника. Авторами обобщены теоретические и практические аспекты регулирования ответственности таких лиц за неправомерные действия при банкротстве должника в концепции субсидиарной ответственности. Исследование показало, что сформированная концепция субсидиарной ответственности и принятые в 2017 году новые правила субсидиарной ответственности контролирующих лиц значительно увеличили риск привлечения к ответственности недобросовестных лиц, использующих схемы прекращения деятельности компании без прохождения официальной процедуры банкротства. Однако эффективность этих мер остается недостаточной, существуют пробелы в реализации концепции. В работе, на основе практического опыта применения концепции субсидиарной ответственности в России и зарубежного опыта, сформированы предложения по совершенствованию концепции. Их реализация, наряду с другими предложениями по модернизации института банкротства, позволит повысить эффективность института банкротства и предупредить возникающие кризисные явления в экономике, стабилизировать финансовое положение субъектов предпринимательской деятельности и обеспечить экономическую безопасность страны.

Выводы: Проведенное исследование показывает значение концепции субсидиарной ответственности в обеспечении эффективности института банкротства и экономической безопасности страны. Анализ зарубежной практики подтверждает необходимость регулирования института банкротства, экономико-правовой ответственности контролирующего должника лица за доведение должника до банкротства и неправомерные действия при банкротстве. Предложенные направления совершенствования концепции субсидиарной ответственности предоставляют возможность ее развития, в части повышения ответственности лиц, участвующих в деле о банкротстве, за неправомерные действия при банкротстве.

Ключевые слова: экономическая безопасность, институт банкротства, неправомерные действия при банкротстве, обязательства, субсидиарная ответственность, контролирующее должника лицо, «снятие корпоративной вуали»

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Для цитирования: Алферов В. Н., Коригова М. М. Развитие концепции субсидиарной ответственности как инструмента повышения эффективности института банкротства и обеспечения экономической безопасности страны // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2018. Т. 9. № 3. С. 460–474. DOI: 10.18184/2079-4665.2018.9.3.460-474

© Алферов В. Н., Коригова М. М., 2018

Development of the Concept of Subsidiary Liability as a Tool to Increase the Effectiveness of the Institution of Bankruptcy and Ensure the Economic Security of the Country

Valery N. Alferov¹, Maryam M. Korigova²

¹ Finance University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
49, Leningradsky avenue, Moscow, 125993

E-mail: expertavn@bk.ru

² IT-company "GreenData", Perm, Russian Federation
31, Belinsky str., Perm, 614002

E-mail: maryam.korigova@yandex.ru

Submitted 27.06.2018; revised 10.08.2018; published online 28.09.2018

Abstract

Purpose: the main purpose of the article is to investigate modern problems of the institution of bankruptcy and the impact of its results on the system of economic security of the state, to develop recommendations for improving the institution of bankruptcy and the concept of subsidiary liability. To achieve the goal, the following problems are solved in the article: the definition of theoretical and practical aspects, the generalization of processes for the formation and development of the concept of subsidiary liability of an unscrupulous controlling the debtor's persons; the analysis of practical problems of realization of the concept of subsidiary responsibility of an unscrupulous controlling the debtor's persons; a study of the Russian and foreign practice of implementing the institution of bankruptcy and subsidiary liability unscrupulous controlling the debtor's persons; the formation of proposals on the development of the concept of subsidiary liability of an unscrupulous debtor controlling the debtor as a tool to increase the efficiency of the institution of bankruptcy and ensure economic security.

Methods: methods the article is based on a systematic approach to the definition and formation of the concept of subsidiary responsibility, theoretical, economic and functional analysis of the complex interaction of the main participants of the institution of bankruptcy and the impact of their activities on the economic security of the country.

Results: the increase in the number of illegal actions in bankruptcy cases led to the need in the last decade to strengthen the economic (subsidiary) responsibility of the debtor controlling the debtor. The author summarizes the theoretical and practical aspects of regulating the subsidiary responsibility of an unscrupulous controlling debtor for improper actions in the bankruptcy of the debtor in the concept of subsidiary liability. The study showed that the formed concept of subsidiary liability and the new rules adopted in 2017 for the subsidiary liability of the debtor controlling persons significantly increased the risk of bringing to account those who use the scheme to terminate the company without going through a formal bankruptcy procedure. However, the effectiveness of these measures remains insufficient, there are gaps in the implementation of the concept. In the work on the basis of practical experience of the application of the concept of subsidiary responsibility in Russia and foreign experience, proposals have been made to improve the concept, their implementation along with other proposals for the modernization of the institution of bankruptcy will increase the efficiency of the institution of bankruptcy and prevent emerging crisis phenomena in the economy, stabilize the financial situation of business entities and ensure the economic security of the country.

Conclusions and Relevance: the conducted research shows the importance of the concept of subsidiary liability in ensuring the effectiveness of the institution of bankruptcy and economic security of the country. The conducted analysis of foreign practice confirms the need to regulate the institution of bankruptcy of economic and legal responsibility of the controlling debtor for bringing the debtor to bankruptcy and wrongful actions in bankruptcy. The proposed directions for improving the concept of subsidiary liability provide an opportunity for its development, in terms of increasing the responsibility of persons involved in the bankruptcy case, for improper acts in bankruptcy.

Keywords: economic security, institution of bankruptcy, wrongful actions in bankruptcy, obligations, subsidiary responsibility, debtor controlling the person, piercing the corporate veil

Conflict of Interests. The authors declares that there is no Conflict of Interest

For citation: Alferov V. N., Korigova M. M. Development of the Concept of Subsidiary Liability as a Tool to Increase the Effectiveness of the Institution of Bankruptcy and Ensure the Economic Security of the Country. *MIR (Modernizatsiia. Innovatsii. Razvitie) = MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2018; 9(3):460–474. DOI: 10.18184/2079–4665.2018.9.3.460–474

Введение

Экономический анализ состояния института банкротства в России, с позиции проблем обеспечения экономической безопасности, показывает, что экономико-правовое регулирование процедур банкротства в Российской Федерации в последние годы претерпело существенные изменения по

многим, не всегда проработанным, направлениям, что оказывает влияние на уровень экономической безопасности государства. На фоне постоянной борьбы за собственность в условиях остающейся недостаточно эффективной рыночной экономики, применение законодательных и нормативных актов в сфере банкротства в интересах отдельных субъектов экономики наносит существенный

ущерб другим участникам дел о банкротстве, интересам государства, а также осознанию необходимости и целесообразности банкротства в обществе.

Недобросовестное поведение в рамках процедур, применяемых в делах о банкротстве, является довольно распространенным явлением в России. Зачастую в ходе банкротства выясняется, что никаких сколько-нибудь существенных активов у должника уже нет, хотя он мог много лет вести активную хозяйственную деятельность и иметь значительные обороты. Нередко активы могут выводиться в пользу бенефициаров или дружественных должнику (аффилированных) компаний.

В настоящее время в рамках модернизации института банкротства в России обсуждаются три законопроекта, направленные на развитие института банкротства, в том числе, расширение реабилитационной направленности, повышение эффективности саморегулирования в арбитражном управлении и профессиональной деятельности арбитражных управляющих (повышение гарантий независимости, добросовестности и компетентности арбитражного управляющего в ходе дела о банкротстве). Данные законопроекты затрагивают экономические интересы всех участников дела о банкротстве и, прежде всего, должника и контролирующих его лиц.

Обзор литературы и исследований. В последние годы на различных уровнях активно проходят обсуждения и научные дискуссии по современным проблемам института банкротства и влиянию результатов его функционирования на систему экономической безопасности государства¹. При написании статьи изучались работы российских и зарубежных ученых и специалистов по совершенствованию института банкротства, формированию понимания необходимости банкротства в обществе как важного инструмента обеспечения экономической безопасности Российской Федерации, опубликованные в научной литературе. Особый интерес в этом смысле представляют статьи представителей научной школы Финансового университета «Антикризисное управление» и ряда других авторов и специалистов, посвященные вопросам эффективности функционирования инсти-

тута банкротства и повышения ответственности за недобросовестные действия в отношении несостоятельности (банкротства) [1–16].

Материалы и методы. Представленное исследование выполнено с использованием совокупности методов теоретического, функционального и экономического анализа. В частности, анализа взаимодействия основных участников института банкротства, который позволяет перейти к формированию предложений по развитию концепции субсидиарной ответственности. Использованные в ходе подготовки статьи статистические и аналитические данные, научные и информационные материалы обобщены и структурированы, с учетом общих требований методологических основ проведения научных исследования.

Результаты исследования

За последние три года количество процедур банкротства юридических лиц выросло, но эффективность их снизилась. В 2017 году арбитражными судами введено конкурсное производство и признано несостоятельными более 13 тыс. компаний, что на 7,7% больше, чем в 2016 году. Несмотря на рост числа банкротств, эффективность института банкротства остается стабильно низкой. Доля удовлетворенных требований по завершенным делам в 2017 году составила 5,5%, в 2016 году она была 6%, а в 2015-м – 6,3%. При этом средняя сумма удовлетворенных требований (на одно дело) в 2017 году достигла 4 млн руб., в 2016 году средняя сумма составила 6 млн, а в 2015-м – 5 млн руб.²

Восстановить платежеспособность организаций, признанных банкротами, наряду с существующими реабилитационными процедурами не удается с использованием оспаривания сделок по выводу активов. На эффективность реабилитационных процедур (количество восстановлений платежеспособности организаций) принимаемые меры по усилению субсидиарной ответственности и оспариванию незаконных сделок с имуществом должника не оказывают существенного влияния. Хотя процент удовлетворения судами требований о признании таких сделок недействительными удалит слова последние остается на высоком уровне — 41% (всего в 2017 году заявлен 7101 иск по

¹ 30 ноября 2018 года в Москве состоялась Всероссийская конференция «Развитие института банкротства в ответ на вызовы современности», в которой был рассмотрен вопрос «Влияние института банкротства на экономическую безопасность государства: вызов или инструмент обеспечения». В резолюции конференции отражено, что «Неэффективное функционирование института несостоятельности... является серьезной угрозой для экономической безопасности государства и формирования эффективной рыночной экономики»

² Процедуры банкротства: статистические данные ЕФРСБ за 2015–2017 гг. // Единый Федеральный Реестр Сведений о Банкротства (Федресурс). [Электронный ресурс]. URL: <https://fedresurs.ru/news/6d6f73ad-9bac-4e15-a8c5-8899f7d05a9c> (дата обращения: 15.04.2018)

оспариванию незаконных сделок, удовлетворено 2937 исков)³. Однако согласно официальным статистическим данным, привлечение к уголовной ответственности за преступления в сфере несостоятельности (банкротства) (ст. 195–197 УК РФ) снижается: в 2013 году зафиксировано 426 преступлений, в 2014 году – 313, в 2015 году – 279 и в 2016 году – 274 преступления⁴. Кроме того, несмотря на рост количества заключений о наличии признаков преднамеренного банкротства почти в два раза (2017 год – 1626, 2015 год – 906 заключений), доля заключений о наличии этих признаков снижается (2017 год – 8%, 2015 год – 7%).

Одной из причин сложившего положения являются неправомерные действия должника в предвидении несостоятельности (банкротства) и недобросовестные действия должника и арбитражных управляющих в делах о банкротстве.

Недобросовестные действия должника и ряда участников предпринимательской деятельности в делах о банкротстве зачастую деструктивно отражаются на экономической безопасности хозяйствующих субъектов и национальной экономике в целом, деформируются рыночные механизмы ликвидации и реабилитации бизнеса, дискредитируются институт несостоятельности и деятельность добросовестных арбитражных управляющих.

С недобросовестным поведением должника и контролирующего должника лица последовательно ведется концептуальная борьба: в законодательстве о банкротстве расширяются возможности кредиторов по возврату выведенных активов должника, совершенствуется законодательное регулирование субсидиарной ответственности недобросовестного контролирующего должника лица за неправомерные действия при банкротстве должника (далее – концепция субсидиарной ответственности недобросовестного контролирующего должника лица).

Под концепцией субсидиарной ответственности недобросовестного контролирующего должника лица понимается сформулированная в гражданском законодательстве и законе о банкротстве система экономико-правовой ответственности

данного лица за совершение неправомерных и недобросовестных действий, направленных на доведение хозяйствующего субъекта до кризисного состояния (банкротства) с целью получения личной выгоды, через неисполнение возникающих у должника обязательств перед кредиторами, в том числе, перед государством.

В Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ⁵ (далее – Закон о банкротстве) на протяжении последних лет были внесены существенные изменения, устанавливающие ответственность контролирующего должника лица (руководителя, органов управления, собственников, участников (учредителей) и аффилированных лиц) за доведение должника до банкротства и неправомерные действия в отношении должника.

Так, в 2009 году в Закон о банкротстве была введена глава III.1 «Оспаривание сделок должника», которая урегулировала вопросы оспаривания неправомерных сделок должника⁶, введены понятия «контролирующего должника лица» и вреда, причиненного имущественным правам кредиторов. Также расширены обстоятельства, при которых руководитель должника обязан подать заявление должника о банкротстве должника в арбитражный суд.

В 2013 году введена статья 10 «Ответственность должника и иных лиц в деле о банкротстве», которая установила субсидиарную ответственность контролирующего должника лица в случае недостаточности имущества должника для удовлетворения требований кредиторов (если должник признан несостоятельным (банкротом) вследствие их действия и (или) бездействия)⁷.

В 2015 году расширен круг лиц, имеющих право подать заявление о привлечении контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности. Таким образом, заявление может быть подано не только конкурсным управляющим, но и конкурсным кредитором, представителем работников должника, работником, бывшим работником должника или уполномоченным органом по двум основаниям: за нарушение обязанности по подаче заявления должника; за действия и (или)

³ Алферов В.Н. Российская и зарубежная практика антикризисного и арбитражного управления в ликвидации кризисных процессов хозяйствующих субъектов // Вестник ИЭАУ № 19 от 26.03.2018 года

⁴ Статистические данные [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел РФ. Электрон. дан. М., 2013–2016. URL: <https://www.mvd.ru> (дата обращения: 15.04.2018)

⁵ Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ [ред. от 23.06.2018] «О несостоятельности (банкротстве)». СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.consultant.ru/

⁶ Федеральный закон от 28.04.2009 № 73-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»

⁷ Федеральный закон от 28.06.2013 № 134-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям»

бездействия контролирующих должника лиц, приведшие к признанию должника несостоятельным (банкротом)⁸.

В 2016 году был продлен срок привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц за дату завершения конкурсного производства. Заявление о привлечении контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности (по вышеуказанным двум основаниям) может быть подано не позднее трех лет со дня завершения конкурсного производства⁹.

В 2017 году Федеральным законом от 29.07.2017 № 266-ФЗ (далее – Закон об ответственности)¹⁰ введена глава III.2. «Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве», которая расширила понятие контролирующего должника лица, в части возможности определения действий должника, и систематизировало подходы по субсидиарной ответственности за нарушение законодательства Российской Федерации о несостоятельности (банкротстве).

Реализация концепции субсидиарной ответственности недобросовестного контролирующего должника лица и активность законодателя в этой сфере привели к росту количества исков со стороны арбитражных управляющих, кредиторов и, особенно, уполномоченного органа, а также процента удовлетворенных требований по искам о привлечении к субсидиарной ответственности при банкротстве.

Динамика привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности с 01.10.2015 г. по 31.12.2017 г. представлена на рис. 1 и 2.

Статистика привлечения к ответственности контролирующего должника лица показывает медленный рост указанных показателей с 2009 года¹¹. Только с ужесточением законодательства о банкротстве в отношении контролирующего должника лица в 2015 году происходит резкий рост привлечения их к субсидиарной ответственности. В четвертом квар-

Разработано авторами по материалам¹²

Рис. 1. Динамика числа поданных и удовлетворенных заявлений о возмещении убытков за 2015–2017 гг.

Developed by the authors on the materials¹²

Fig. 1. Dynamics of submitted and satisfied applications for compensation of losses for 2015–2017

Разработано авторами по материалам¹²

Рис. 2. Динамика изменения числа поданных и удовлетворенных заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующего должника лиц за 2015–2017 гг.

Developed by the authors on the materials¹²

Fig. 2. The dynamics of changes in filed and satisfied applications for bringing to the subsidiary liability of the controlling debtor for the years 2015–2017

тале 2017 года был зафиксирован максимальный рост количества случаев привлечения арбитражных

⁸ Федеральный закон от 29.06.2015 № 186-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»

⁹ Федеральный закон от 28.12.2016 № 488-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»

¹⁰ Федеральный закон № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 29 июля 2017 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2017/08/04/bankrotsvo-dok.html>

¹¹ В 2009 году Федеральный закон от 28.04.2009 № 73-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» введена глава III.1 «Оспаривание сделок должника»

¹² Результаты процедур в делах о банкротстве за 2017 год // Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности (Федресурс). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fedresurs.ru/news/6d6f73ad-9bac-4e15-a8c5-8899f7d05a9c> (дата обращения: 20.04.2018)

Results of procedures in bankruptcy cases for 2017 // The unified federal register of legally significant information on the activities of legal entities, individual entrepreneurs and other economic entities (Fedresurs). (Electronic resource). Mode of access: fedresurs.ru/news/6d6f73ad-9bac-4e15-a8c5-8899f7d05a9c (accessed 20.04.2018) (in Russ.)

ми судами к ответственности бенефициаров и руководителей компаний-банкротов.

Как показано на рис. 1, за два года, с 4-го квартала 2015 года по 4-й квартал 2017 года, количество поданных заявлений об убытках возросло более чем в три раза, а удовлетворено заявлений о возмещении убытков в 60 раз больше (если в 2015 году удовлетворялось каждое 50-е заявление об убытках, то в 2017 году – почти каждое третье).

В 2017 году 377 владельцев или руководителей компаний-банкротов были привлечены к субсидиарной ответственности в виде возмещения убытков (в 1,8 раза больше, чем в 2016 году).

Как показано на рис. 2, за два года, с 4-го квартала 2015 года по 4-й квартал 2017 года, подано в 2,5 раза больше заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, а удовлетворено заявлений об ответственности в 16 раз больше (если в 2015 году удовлетворялось только каждое 25-е заявление, то в 2017 году – почти каждое четвертое).

При общем росте активности кредиторов и иных заинтересованных лиц, в 2016–2017 годах заметно увеличилась и доля удовлетворенных судами заявлений о привлечении к ответственности контролирующих лиц. Если в 2016 году этот показатель составлял 16%, то в 2017 году он вырос до 22%.

Существует мнение, что главной причиной появления концепции субсидиарной ответственности и дальнейшего развития экономико-правовых норм, предусматривающих ответственность контролирующих лиц, является прокредиторский характер действующего Закона о банкротстве [17, с. 21].

В рамках концепции субсидиарной ответственности, в случае возбуждения в отношении должника дела о банкротстве, судьба этого должника фактически зависит и пребывает под контролем кредиторов (конкурсных кредиторов и уполномоченных органов). Это проявляется в том, что исключительно кредиторы уполномочены:

- принимать решения о введении реабилитационных процедур финансового оздоровления, внешнего управления, мирового соглашения, а также регулировать сроки их проведения;
- инициировать процедуру конкурсного производства и обращаться с ходатайством в арбитражный суд о признании должника несостоятельным (банкротом);
- инициировать выбор и выбирать арбитражного управляющего или саморегулируемую органи-

зацию арбитражных управляющих (из ее членов арбитражный суд утверждает арбитражного управляющего) [4; 7, с. 70–71].

Таким образом, менеджмент и бенефициары (собственники, учредители, участники) должника постепенно теряют (а в процедурах внешнего управления и конкурсного производства – утрачивают) контроль над должником при возбуждении в отношении него дела о банкротстве. В этом случае дальнейшее существование должника полностью подконтрольно воле кредиторов, а мнение собственников бизнеса существенного значения не имеет.

По нашему мнению, это является одной из основных причин использования собственниками бизнеса различных ухищрений (в том числе и правонарушений), минимизирующих влияние кредиторов на должника и на судьбу его бизнеса и имущества. В основном это происходит путем вывода ликвидных активов должника либо созданием контроля над его пассивами (обязательствами) – имеется в виду внесение в реестр требований кредиторов должника контролируемой или фиктивной задолженности.

На противодействие и нейтрализацию вышеуказанных действий со стороны владельцев бизнеса был направлен радикальный механизм, предложенный Законом об ответственности¹³, который систематизировал практику по возможности привлечения контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности в деле о банкротстве. С точки зрения данного закона, реализация механизма привлечения к ответственности имеет цель повысить для руководителей и контролирующего должника лица имущественные риски, которые связаны с действиями, прямо противоположными интересам кредиторов.

Анализ внесенных изменений указывает на расширение возможных последствий для контролирующих должника лиц. Так, предусмотрена возможность привлечения к ответственности не только участников (акционеров) и руководителей должника, данные о которых внесены в Единый государственный реестр юридический лиц (далее – ЕГРЮЛ), но и лиц, являющихся реальными владельцами бизнеса. К ним теперь относятся лица, которые имеют возможность иным образом определять действия должника, либо иным образом оказывать существенное влияние на членов органов управления должника или на его руководителя, а также лицо, которое извлекает выгоду из недобросовестного и незаконного поведения

¹³ Федеральный закон № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 29 июля 2017 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2017/08/04/bankrotstvo-dok.html>

лица, действующего от имени компании на формальных основаниях, а также его руководителя. При этом арбитражный суд имеет право и по иным причинам признать лицо контролирующим должника лицом (п. 5 ст. 61.10 Закона о банкротстве)¹⁴.

Анализ практики привлечения к ответственности показывает, что до принятия Закона об ответственности¹⁵ конкурсному управлению или кредиторам практически невозможно было привлечь к субсидиарной ответственности лицо, которое не соответствовало существовавшим ранее критериям отнесения к контролирующему должника лицу¹⁶. В табл. 1 приведена статистика дел о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц и материнских компаний в 2013–2017 годах.

Как показано в табл. 1, в 2013–2014 годах были удовлетворены иски о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в среднем по 26% всех дел, в 2016 году – уже по 36%, а в 2017 году – 50% дел. В то же время, таких исков в 2013–2014 годах – 122, а в 2016–2017 годах – 207 (примерно в 2,4 раза больше).

В 2013–2017 годах каждая вторая материнская компания привлечена к субсидиарной ответственности: в 2013–2014 годах выявлено 28 исков, а в 2016–2017 годах – 53 иска (примерно в 1,9 раза больше).

Причиной неэффективности концепции субсидиарной ответственности в первые годы ее реализации являлась невозможность (неосуществимость) выявления реальных владельцев бизнеса и их влияния на деятельность должника и доведение его до банкротства. Например, в ходе рассмотрения арбитражного дела о банкротстве № А40-51764/14, по иску конкурсного управляющего о привлечении бывшего руководителя и учредителя должника к субсидиарной ответствен-

¹⁴ Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 23.06.2018) «О несостоятельности (банкротстве)». СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.consultant.ru/

¹⁵ Федеральный закон № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 29 июля 2017 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2017/08/04/bankrotstvodok.html>

¹⁶ Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (в ред. от 28.12.2013) «О несостоятельности (банкротстве)»

Таблица 1

Статистика дел о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц и материнских компаний в 2013–2017 гг.

Table 1

Statistics of cases on bringing to subsidiary responsibility of debtor controlling persons and parent companies in 2013–2017

	2013		2014		2015		2016		2017	
	Контролирующих должника лиц	Материнских компаний								
Выявлено судебных дел	49	11	73	17	81	16	95	20	112	33
Требования удовлетворены	7 (14%)		28 (38%)		30 (37%)		34 (36%)		56 (50%)	
Требования отклонены	42 (86%)		45 (62%)		51 (63%)		61 (64%)		56 (50%)	
Материнская компания привлечена к субсидиарной ответственности		7 (64%)		10 (59%)		8 (50%)		11 (55%)		16 (48%)
Отказ		4 (36%)		7 (41%)		8 (50%)		9 (45%)		17 (52%)

Разработано авторами по материалам: Результаты процедур в делах о банкротстве за 2017 год // Единый Федеральный Реестр Сведений о Банкротстве (Федресурс). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fedresurs.ru/news/6d6f73ad-9bac-4e15-a8c5-8899f7d05a9c> (дата обращения: 20.04.2018)

Developed by the authors on the materials: Results of procedures in bankruptcy cases for 2017 // Unified Federal Register of Information on Bankruptcy (Fedresurs). (Electronic resource). Mode of access: fedresurs.ru/news/6d6f73ad-9bac-4e15-a8c5-8899f7d05a9c (accessed 20.04.2018) (in Russ.)

ности по обязательствам должника в размере 267 853 386,16 рублей¹⁷, три судебные инстанции не признали его контролирующим должника лицом, несмотря на то, что он владел 49% долей уставного капитала компании.

Рассмотрим основные причины, приведшие к банкротству, и основания по привлечению к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц ряда крупных хозяйствующих субъектов¹⁸:

- Банкротство АКБ ОАО «Межпромбанк». Фактическое основание по привлечению к ответственности руководителя – выдача «технических» кредитов, не предполагавшихся к возврату, компаниям, не осуществляющим реальной хозяйственной деятельности. Большая часть кредитов была необеспеченной. Все это привело к банкротству банка (13 марта 2007 года) и возбуждению уголовного дела по факту преднамеренного банкротства банка по ст. 196 УК РФ (преднамеренное банкротство). Размер ответственности: 75 642 466 311,39 рублей;
- Банкротство ОАО «АБ Пушкино». Фактическое основание по привлечению к ответственности руководителя – хищение имущества банка под видом выдачи кредитов заинтересованным юридическим лицам. 26 марта 2013 года банк был признан банкротом. Возбуждено уголовное дело по ст. 159 УК РФ (мошенничество). Размер ответственности: 14 774 565 000,00 рублей;
- Банкротство ООО «УралСнабКомплект». Фактическое основание по привлечению к ответственности руководителя – осуществление вывода денежных средств на счета организаций, находящихся под контролем контролирующего должника лица. Общество в феврале 2009 года признано банкротом, возбуждены уголовные дела по ст. 159 УК РФ (мошенничество) и ст. 174.1 УК РФ (легализации преступных доходов). Размер ответственности: 6 393 145 713,00 рублей;
- Банкротство ООО «ЕвроГранит». Фактическое основание по привлечению к ответственности руководителя – не исполнена обязанность по передаче арбитражному управляющему документов финансово-хозяйственной деятельности общества, в результате чего управляющий не смог выявить активы и взыскать дебиторскую задолженность, а также ненаправление в арбитражный суд заявления о признании должника

банкротом в установленный Законом о банкротстве срок. Общество в ноябре 2017 года признано банкротом. Размер ответственности: 4 881 244 325,23 рублей;

- Банкротство ООО «Санрайз Тур». Фактическое основание по привлечению к ответственности руководителя – налоговая проверка показала получение обществом необоснованной налоговой выгоды. Общество в феврале 2014 года признано банкротом, возбуждено уголовное дело по п. «б» ч. 2 ст. 199 УК РФ (уклонение от уплаты налогов с организации путем включения в налоговые декларации заведомо ложных сведений, в особо крупном размере). Руководитель привлечен к уголовной ответственности. Размер ответственности: 1 012 701 881,00 рублей.

Положительным моментом действующего Закона об ответственности является определение фактического недобросовестного контролирующего должника лица. Законом об ответственности предусмотрена возможность арбитражного суда уменьшить или полностью освободить от субсидиарной ответственности контролирующее должника лицо, если оно докажет, что при реализации функций учредителя (участника) или органов управления юридического лица фактически не имело существенного влияния на деятельность должника и осуществляло функции органа управления номинально [4, с. 132].

Таким образом, номинальный участник (директор) может указать на лицо, которое реально принимает или принимало участие в принятии управленческих решений и отрицательно повлияло на эффективность хозяйственной деятельности должника, его финансовую устойчивость и платежеспособность. Тогда оно будет привлечено к ответственности и будет выплачивать задолженность своей компании.

Следующей причиной и проблемой, приводившей к неэффективности привлечения к субсидиарной ответственности в 2013–2014 годах, являлось необоснованное возвращение части долга субсидиарно ответственному лицу. Часть денежных средств, взысканных с ответственного лица, фактически возвращалась обратно лицу, привлеченному к субсидиарной ответственности, потому что его требования как кредитора были включены в реестр требований кредиторов [17, с. 37].

¹⁷ Постановление от 1 сентября 2016 г. по делу № А40-51764/2014. Решение Арбитражного суда города Москвы от 16.12.2014 по делу № А40-51764/14-103-48 ООО «Энерготех-Менеджмент» признано несостоятельным (банкротом) // Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: sudact.ru/arbitral/doc/WZ6F1bYhBRW9/ (дата обращения: 20.04.2018)

¹⁸ Евгений Фомин. Ответственность бенефициаров при банкротстве в связи с новыми правилами субсидиарной ответственности // 21-22 сентября 2017, Intax Expo Russia. [Электронный ресурс]. Режим доступа: intax-group.com/wpcontent/uploads/2017/07/Eugene-Fomin.pdf (дата обращения: 25.04.2018)

Важной проблемой в первые годы реализации концепции (обозначенной в Законе об ответственности) являлась возможность ухода от ответственности контролирующего должника лица после завершения дела о банкротстве. Недобросовестные владельцы бизнеса считали нормой провести процедуру банкротства компании, и по итогам ее проведения «обнулить» требования всех кредиторов. На практике очень часто реализовывалось преднамеренное банкротство с дальнейшей ликвидацией организации, как способ уйти от удовлетворения требований кредиторов. Примером такого случая стало дело ОАО «ЮКОС».

В настоящее время, в случае, если будут выявлены основания для привлечения контролирующего должника лиц к ответственности, соответствующее заявление может быть подано и после завершения конкурсного производства. Срок, установленный для подачи такого заявления, составляет три года со дня завершения конкурсного производства.

В концепции субсидиарной ответственности на текущий момент остается только одна оправданная причина для ограничения привлечения к субсидиарной ответственности контролирующего должника лица – это предпринимательская деятельность, неэффективность которой обусловлена внутренними или внешними причинами и/или непринятием своевременных антикризисных мер [18, с. 51]. Однако неполное удовлетворение всех требований кредиторов, причинами которых стали недобросовестные действия контролирующего должника лица, являются основанием для привлечения к субсидиарной ответственности лиц, которые имеют к этому непосредственное отношение, в том числе и последующим основаниям:

- отсутствие или искажение каких-либо финансово-хозяйственных документов (хранение которых является необходимым), без которых невозможно проведение процедуры наблюдения или признание юридического лица банкротом;
- невнесение обязательных (или внесение недостоверных) сведений о юридическом лице в юридические документы.

По существующей практике, искажение информации в документах или их отсутствие является причиной существенных затруднений при проведении процедур банкротства, анализа финансового состояния должника и выявлении признаков

преднамеренного банкротства [19, с. 7–10]. Это неоднократно было подтверждено практикой дел о банкротстве. Например, в процессе рассмотрения дела о банкротстве № А48-2087/2011, Арбитражный суд Центрального округа¹⁹ отправил его на повторное рассмотрение, так как судами нижестоящих инстанций не был исследован вопрос о наличии причинно-следственной связи между передачей директором документации и невозможностью формирования конкурсной массы²⁰.

В зарубежных странах, для привлечения к субсидиарной ответственности органов управления должника при их неправомерных действиях, давно применяется доктрина «снятия корпоративной вуали» (от англ. *piercing/lifting the corporate veil*) [20], которая допускает принципиальную возможность возложения ответственности по обязательствам компании на контролирующее ее лицо. Возможна и обратная ситуация (англ. *reverse piercing*), когда взыскание к физическому или юридическому лицу обращается на активы контролируемой им компании. Суть ее состоит в том, что при определенных условиях ответственность по обязательствам юридического лица может быть возложена на его акционеров или иных контролирующих лиц, несмотря на нормы корпоративного законодательства, то есть, необходимо выявить конечного бенефициара для привлечения к субсидиарной ответственности [21, с. 82].

Законодательством Франции активно реализуется указанная доктрина, в том числе, в части привлечения к субсидиарной ответственности. В Коммерческом кодексе Франции (далее – ФКК) статья 652-1 посвящена субсидиарной ответственности неплатежеспособного должника. Основаниями для возложения субсидиарной ответственности являются:

- обладание и распоряжение имуществом должника как своим собственным;
- совершение коммерческих сделок в персональных интересах под прикрытием юридического лица;
- использование имущества или кредита юридического лица в противоречии с интересами этого лица, в персональных целях или в пользу другого юридического лица или компании, в котором есть прямая или косвенная заинтересованность;
- злоупотребление, выраженное в осуществлении деятельности в персональных интересах, которое может привести только к остановке платежей;

¹⁹ Определение от 19 марта 2015 г. по делу № А48-2087/2011 Арбитражный суд Орловской области. // Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа. <http://sudact.ru/arbitral/doc/nFP7Lq9cO0mO/> (дата обращения: 05.03.2018)

²⁰ Определение от 19 марта 2015 г. по делу № А48-2087/2011 Арбитражный суд Орловской области о привлечении учредителей ООО «ПромРегионСнаб» субсидиарной ответственности по обязательствам должника в сумме 33 023 754,43 руб. по иску конкурсных кредиторов

- хищение активов или намеренное увеличение пассивов юридического лица.

Эти основания применимы, если привели к остановке платежей (в России – к неплатежеспособности). Согласно ст. 651-2 ФКК суммы, взысканные с руководителя, входят в имущество должника, они пропорционально распределяются среди всех кредиторов. Во Франции для иска к руководителям, действия которых привели к недостаточности средств, предусмотрен трехгодичный срок давности с момента открытия судебной ликвидации (ст. 651-2 ФКК) [22, с. 72–77].

Нормы об ответственности контролирующего лица действуют во многих странах: Германии, США, Великобритании, Австралии и ряде других. Так, в Германии предусмотрено, что в определенных ситуациях участники обществ могут быть лишены преимуществ ограниченной ответственности, причем ответственность может быть возложена не только на руководителей, но и на менеджеров. Закон о корпорациях Германии обязывает руководителя должника в течение 3-х недель после выявления хотя бы одного из 2-х признаков несостоятельности (неплатежеспособность и чрезмерная задолженность) подать в суд заявление о банкротстве. В противном случае на него возлагается субсидиарная ответственность за ущерб должнику и кредиторам, а это является уголовным преступле-

нием (наказание до трех лет заключением и/или штраф).

В 1986 году в Великобритании был принят Закон о несостоятельности, статья 214 которого устанавливает ответственность контролирующего лица за деятельностью компании в предбанкротном состоянии. То есть, если директор знал или должен был знать о грядущем банкротстве, он несет личную ответственность за неподачу заявления о банкротстве. При этом истцу (кредитору) необходимо предоставить убедительные явные доказательства наличия умысла у руководителя компании.

В Австралии действует Закон о корпорациях (2001 года), содержащий статью 588G, которая прописывает, что директора могут быть привлечены к ответственности компетентными органами в том случае, если юридическое лицо берет на себя обязательства после проявления признаков несостоятельности. А в предбанкротный период к ответственности привлекают тех лиц, которые приняли на себя обязательство, размер которого невозможно определить во время его принятия.

Рассмотренные зарубежные подходы по доктрине субсидиарной ответственности используются и в России, следствием чего стало формирование концепции субсидиарной ответственности. Однако по сравнению с другими странами эффективность ин-

ститута банкротства в нашей стране остается низкой, что подтверждается данными рейтинга Всемирного банка «Благоприятность условий ведения Бизнеса» по показателю «Разрешение платежеспособности», приведенными в табл. 2.

По данным, приведенным в табл. 2, институт банкротства в России по сравнению с другими странами занимает на данный момент 35-е место в глобальном рейтинге (по количеству процедур банкротства), а в рейтинге по разрешению платежеспособности только 54-е место (по количеству и реализации реабилитационных процедур). Это говорит о том, что эффективность институциональной среды экономики нашей страны гораздо выше, чем уровень развития института банкротства.

Таблица 2

Данные рейтинга Всемирного банка «Благоприятность условий ведения бизнеса» за 2016–2018 гг.

Table 2

Rating data the World Bank "Favorability of business conditions" for 2016–2018

Страна	2017/2018		2016/2017	
	Глобальный рейтинг	Разрешение платежеспособности	Глобальный рейтинг	Разрешение платежеспособности
США	6	3	8	5
Великобритания	7	14	7	13
Канада	18	11	22	15
Германия	20	4	17	3
Франция	31	28	29	24
Япония	34	1	34	2
Россия	35	54	40	51

Составлено авторами по материалам²¹

Compiled by the author based²¹

²¹ Разрешение неплатежеспособности // Всемирный банк. Doing Business Оценка Бизнес Регулирования. [Электронный ресурс]. (Electronic resource). Режим доступа. russian.doingbusiness.org/data/exploreconomies/russia#resolving-insolvency (дата обращения: 20.04.2018)

Resolving insolvency // The World Bank. Doing Business Assessment of Business Regulation. [Electronic resource]. (Electronic resource). Mode of access. russian.doingbusiness.org/data/exploreconomies/russia#resolving-insolvency (accessed 22. 04. 2012) (in Russ.)

В России институт банкротства оказывает серьезное влияние на экономику страны. По экспертным оценкам²², учитывая, что процедуры банкротства продолжаются в среднем два года, до 700 тысяч организаций втянуты в сферу судебных разбирательств о банкротстве, то есть ежегодно около 15% организаций России оказывается в сфере действия института банкротства в качестве кредиторов и должников.

Проанализируем статистику дел о банкротстве (юридических лиц) и эффективность введения реабилитационных процедур в России – табл. 3.

Как показывает статистика, приведенная в табл. 3, институт банкротства в России имеет ликвидационный характер, то есть направлен не на погашение задолженности, а на ее списание, и реабилитационных процедур вводится всего несколько процентов. Эффективность реабилитации в банкротстве в России, по сравнению с зарубежными странами, остается на низком уровне. В зарубежных системах несостоятельности, при снижении количества процедур банкротства в 2016–2017 годах, количество реабилитационных процедур в

несколько раз выше, чем в российской экономике. Наибольшее количество реабилитационных процедур за рубежом наблюдается во Франции (до 1500 в месяц) и в США (до 500 в месяц). Во Франции реорганизационные процедуры реализуются в среднем в 30% дел от общего количества процедур банкротства, защитные процедуры – в 2,5%, а процедура ликвидации – в 67,5% дел.

За 13 лет применения действующего закона о банкротстве в России доля организаций, восстановивших платежеспособность, составила всего 0,13%. Эффективность банкротства для кредиторов также снижается: в 2017 году они получили порядка 5,5% включенных в реестр требований кредиторов, а в 2016 году им вернули 6% требований²⁴.

Статистика, представленная на рис. 1–2 и в табл. 1, показывает, что злоупотребления в применении института банкротства возрастают и наносят существенный урон экономике страны. Поэтому концепция субсидиарной ответственности остается важной составляющей в повышении эффективности института банкротства. Именно ее развитие должно обеспечить сокращение данных злоупотребле-

Таблица 3

Статистика дел о банкротстве юридических лиц в Российской Федерации за 2014–2017 гг.

Table 3

Statistics of bankruptcy cases of legal entities in the Russian Federation for 2014–2017

Год	Количество заявлений о признании юридического лица банкротом	Число дел о банкротстве, по которым проводилась процедура финансового оздоровления		Число дел о банкротстве, по которым проводилась процедура внешнего управления		Число дел о банкротстве, в которых введена процедура конкурсного производства
		всего	из них прекращено в связи с погашением задолженности	всего	из них прекращено в связи с восстановлением платежеспособности (удовлетворением требований кредиторов)	
2014	37715	22	4 (18%)	381	18 (4,7%)	15096
2015	40147	36	0 (0%)	413	14 (3,4%)	14916
2016	35292	41	1 (2,4%)	365	12 (3,3%)	14127
2017	38951	29	3 (10,3%)	334	13 (3,9%)	14142

Составлено авторами по материалам²³

Compiled by the authors on the basis²³

²² Алферов В.Н. Российская и зарубежная практика антикризисного и арбитражного управления в ликвидации кризисных процессов хозяйствующих субъектов. [Электронный ресурс] // Вестник Института экономики и антикризисного управления (ИЭАУ). 2018. № 19. URL: <http://www.ieau.ru/nauka-v-ieau/vestnik-ieau/publikacii-zhumala-vestnik-ieau/vestnik-ieau-2018.-n-19/>

²³ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов за 2014-2017 годы // Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. [Электронный ресурс]. Режим доступа. www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 22.04.2018)

Consolidated statistical data on the activities of federal arbitration courts for 2014-2017 // Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation [Electronic resource]. Mode of access. www.cdep.ru/index.php?id=79 (accessed 22. 04.2012) (in Russ.)

²⁴ Алферов В.Н. Российская и зарубежная практика антикризисного и арбитражного управления в ликвидации кризисных... Указ. соч.

ний, обеспечить экономическую безопасность и способствовать экономическому росту страны.

Институт банкротства можно признать реформированным и эффективно действующим тогда, когда процедура конкурсного производства будет применяться не для списания задолженности, а именно для исполнения обязательств перед кредиторами, при этом возможности для злоупотреблений в делах о банкротстве будут исключены.

Основной задачей совершенствования концепции субсидиарной ответственности является повышение эффективности предъявления претензий к недобросовестным (злоупотребляющим законодательством) контролирующим должника лицам, при сохранении принципа ограниченной ответственности для лиц, которые не причастны к данным действиям. Также необходимо предотвращение случаев, когда организации специально создаются с не целью ведения эффективного бизнеса и получения прибыли, а для банкротства с последующим аннулированием задолженностей кредиторов.

Одним из направлений совершенствования концепции субсидиарной ответственности должно быть пресечение недобросовестных действий при возникновении как относительной, так и абсолютной неплатежеспособности (признаков банкротства), когда необходимо принятие мер по предупреждению банкротства.

Во-первых, требуется совершенствование гражданского законодательства в части ответственности контролирующего лица. Для этого требуется внесение определенных дополнений в Гражданский кодекс Российской Федерации: для определения понятий контролирующего лица и подконтрольного юридического лица, а также регулирования отношений контроля и ответственности контролирующих лиц за убытки, причиненные подконтрольному лицу.

Во-вторых, требуется усиление ответственности контролирующего лица за неприменение мер по предупреждению банкротства и восстановлению платежеспособности. Для этого требуется внесение дополнений в статью 30 Закона о банкротстве «Предупреждение банкротства» в части конкретизации мер по предупреждению банкротства и сроков их реализации. Данные меры должны приниматься контролирующим должника лицом, которое должно нести ответственность за непринятие мер (аналогично как руководитель должника несет субсидиарную ответственность за неподачу заявления о банкротстве в месячный срок с даты возникновения признака неплатежеспособности).

В-третьих, для повышения эффективности реализации концепции субсидиарной ответственности целесообразно использовать зарубежный опыт в части,

когда привлечение к субсидиарной ответственности и взыскание с недобросовестного контролирующего должника (физического или юридического) лица является основанием для обращения на активы контролируемых ими других компании (в том числе акций, долей, паев и других активов принадлежащих недобросовестному контролирующему должнику лицу).

При привлечении контролирующих лиц к ответственности необходимо устранить две группы препятствий, связанные:

1) с установлением контролирующих лиц и доказыванием осуществления ими контроля должника в следующих случаях их экономической деятельности:

- продажа контролируемого должника третьим лицам (возможно, аффилированным и/или офшорным компаниям) со сменой руководителя;
- реорганизация должника в форме выделения/разделения, с последующей продажей выделенного неплатежеспособного общества третьим лицам;
- реорганизация должника в форме слияния/присоединения, с возможной последующей перерегистрацией в другой регион;
- субсидиарная ответственность, которая может возникнуть только в банкротстве, что затягивает привлечение или делает его невозможным по различным экономическим или правовым причинам;

2) с применением института субсидиарной ответственности:

- ликвидация юридического лица по подложным документам;
- исключение из ЕГРЮЛ недействующего лица;
- выкуп требований к контролирующему должника лицу после привлечения его к ответственности;
- формирование экономических признаков (отсутствие ведения хозяйственной деятельности, непредставление отчетности в налоговые органы и т.д.), установленных Законом о банкротстве для отсутствующего должника.

Выводы

Необходимость реализации концепции субсидиарной ответственности очевидна: раннее выявление неправомερных и недобросовестных действий контролирующего должника лица и использование мер предупреждения и ответственности являются серьезными факторами обеспечения экономической безопасности страны.

Проведенное исследование теоретических и практических процессов по привлечению к субсидиарной ответственности недобросовестного контролирующего должника лица позволило сформулировать понятие концепции субсидиарной ответственности.

Формирование и дальнейшее совершенствование концепции субсидиарной ответственности недобросовестного контролирующего должника лица является важной задачей, стоящей перед государством, целью которой является противодействие злоупотреблениям в предпринимательской среде как в период неплатежеспособности, так и до ее наступления, что, по мнению авторов, позволит обеспечить экономическую безопасность страны. Решением данной задачи является «привязывание» возникающих у должника обязательств, как юридически, так и экономически, к их исполнению лицами, управляющими предпринимательским процессом, целью неправомерных действий которых часто становится не столько обеспечение эффективной экономической деятельности, сколько извлечение личной выгоды через неисполнение возникающих у должника обязательств перед кредиторами, в том числе, перед государством.

В процессе исследования особенностей реализации концепции субсидиарной ответственности контролирующего должника лица рассмотрены положительные моменты действующего Закона об ответственности. Установлено, что, несмотря на принимаемые меры, функционирование института банкротства на сегодняшний день остается неэффективным, что отрицательно влияет на условия ведения бизнеса и является угрозой экономической безопасности страны. Данный вывод основан на практических примерах и статистических данных, подтверждающих причины сложившего положения (включая неправомерные действия должника в предвидении несостоятельности (банкротства) и недобросовестные действия должника в делах о банкротстве). Проанализированный зарубежный опыт применения субсидиарной ответственности показал, что во многих странах органы управления отвечают за неправомерные действия в отношении должника и принятие мер по предупреждению банкротства. Реализуемая в зарубежных странах доктрина «снятия корпоративной вуали» распространяется на контролирующее компанию лицо и положительно влияет на результаты процедур банкротства. Реабилитационные процедуры за рубежом реализуются в несколько раз чаще, чем в России, а процедуры банкротства используются для финансового оздоровления бизнеса, а не для его ликвидации и сокрытия неправомерных действий.

Рассмотренные направления совершенствования концепции субсидиарной ответственности, по мнению авторов, могут способствовать пресечению недобросовестных действия контролирующего должника лица в период возникновения признаков неплатежеспособности и банкротства, когда необходимо принятие мер по предупреждению банкротства.

Вместе с тем, концепцию субсидиарной ответственности можно будет считать усовершенствованной только тогда, когда с недобросовестных контролирующих должника лиц будут взысканы убытки за доведение до состояния банкротства, и ими будет возмещаться ущерб, нанесенный законопослушным участникам экономических отношений. Только устанавливая качественное экономико-правовое регулирование субсидиарной ответственности недобросовестного контролирующего должника лица, на наш взгляд, можно улучшить деловой климат в России и повысить эффективность предпринимательской деятельности, что стимулирует экономический рост в стране в средне- и долгосрочной перспективе.

Таким образом, представленное исследование показывает, что неэффективное функционирование института несостоятельности является угрозой формирования рыночной экономики, а потому требует принятия адекватных мер по преодолению данной ситуации со стороны государственных органов, саморегулируемых организаций арбитражных управляющих, профессионального сообщества арбитражных управляющих, ученых, специалистов и заинтересованных лиц в повышении эффективности и доверия к институту банкротства в России, а также его превращения в действенный инструмент обеспечения экономической безопасности государства.

Список литературы

1. *Богданов Е.В.* Особенности оспаривания сделок юридических лиц арбитражным управляющим в деле о банкротстве и арбитражным управляющим юридическим лицом // Адвокат. 2015. № 10. С. 8–13.
2. *Дорохина Е.Г.* Контрольно-надзорная функция государственного управления при банкротстве организаций // Юрист. 2012. №11. С. 7–9.
3. *Канцер Ю.А.* Привлечение к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в рамках дела о банкротстве // Общество: политика, экономика, право. 2011. № 4. С. 128–134. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17096188>
4. *Кочетков Е.П.* Повышение эффективности реабилитационного потенциала процедур банкротства в России // Стратегии бизнеса. 2017. № 2 (34). URL: <https://www.strategybusiness.ru/jour/article/view/2955>.
5. *Колесникова Е.Н.* О субсидиарной ответственности лиц, контролирующих организацию должника // Финансовый вестник: финансы, налоги, страхование, бухгалтерский учет. 2017. № 2. С. 20–25.

6. *Кравченко А.А.* Об ответственности за недобросовестность в отношениях несостоятельности (банкротства) // Предпринимательское право. 2015. № 2. С. 10–17.
7. *Кован С.Е.* Проблемы развития реабилитационного потенциала института банкротства // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2014. № 2 (83). С. 64–75. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21729612>
8. *Солдатенков В.Ю.* Преднамеренное банкротство должника: что делать кредиторам? // Налоговая политика и практика. 2011. № 9. С. 14–17.
9. *Тарасюк И.М.* Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц в деле о банкротстве // Арбитражные споры. 2016. № 4. С. 15–25.
10. *Pustylnick I.* Use of Z-Score in Detection of Revenue Manipulations (March 12, 2015). 21st International Conference on Economics and Management. Brno, Czech Republic (2016). Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2577473> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2577473>
11. *Rachappa Shette, Sudershan Kuntluru, Sunder Ram Korivi.* Opportunistic earnings management during initial public offerings: evidence from India // Review of Accounting and Finance. 2016. Vol. 15. Issue 3. pp. 352–371. DOI: <https://doi.org/10.1108/RAF-03-2015-0048>
12. *Tarjo N.H.* Application of Beneish M-Score models and data mining to detect financial fraud. Paper presented at the 2nd Global Conference on Business and Social Sciences (GCBSS-2015) on “Multidisciplinary Perspectives on Management and Society”. Bali, Indonesia, 2015.
13. *Scott D. Dyreng, Michelle Hanlon and Edward L. Maydew.* The Effects of Executives on Corporate Tax Avoidance // The Accounting Review: July 2010. Vol. 85. No. 4. pp. 1163–1189. DOI: <https://doi.org/10.2308/accr.2010.85.4.1163>
14. *Fich, Eliezer M. and Shivdasani, Anil.* Financial Fraud, Director Reputation, and Shareholder Wealth (April 17, 2006). AFA 2006 Boston Meetings Paper. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=687412> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.687412>
15. *Dyreng, Scott and Hanlon, Michelle and Maydew, Edward L.* The Effects of Executives on Corporate Tax Avoidance (September 9, 2009). Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=1158060> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1158060>
16. *Franceschetti B.M., Koschial C.* Do bankrupt companies manipulate earnings more than the non-bankrupt ones? // Journal of Finance and Accountancy. 2013. 12.
17. *Курбатов А.Я.* Субсидиарная ответственность участников организации при ее банкротстве // Хозяйственное право. 2015. № 3. С. 34–39.
18. *Ряховская А.Н., Кован С.Е.* Антикризисное управление: современная концепция и основной инструментарий // Управленческая наука. 2015. № 5 (3). С. 45–55. DOI: <https://doi.org/10.26794/2304-022X-2015--3-45-55>
19. *Шевченко И.М., Тарасюк И.М.* Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц в деле о банкротстве за отсутствие документов бухгалтерского учета и отчетности, наличие в них неполной или искаженной информации // Арбитражные споры. 2015. № 3 (71). С. 5–20.
20. *Vandekerckhove K.* Piercing the Corporate Veil. The Netherlands: Kluwer Law International, 2007. 788 с.
21. *Будылин С.Л., Иванец Ю.Л.* Срывая покровы. Доктрина снятия корпоративной вуали в зарубежных странах и в России // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2013. № 7. С. 80–125. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19119938>
22. *Гречнев А.В.* Проблема «снятия корпоративной вуали» в российском и французском праве: сравнительный анализ // Вопросы российского и международного права. 2016. № 1. С. 69–83. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25509517>

Об авторах:

Алферов Валерий Николаевич, доцент Департамента менеджмента, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (125993, ГСП-3, г. Москва, Ленинградский просп., 49), Москва, Российская Федерация, кандидат экономических наук, ORCID: orcid.org/0000-0002-0719-1087, expertavn@bk.ru

Коригова Марьям Микоиловна, аналитик ИТ-компании "GreenData" (614002, Россия, г. Пермь, ул. Белинского, 31), Пермь, Российская Федерация, ORCID: orcid.org/0000-0002-0056-7993, maryam.korigova@yandex.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Reference

1. Bogdanov E.V. Features of challenging transactions of legal entities by an arbitration manager in a bankruptcy case and an arbitration manager of a legal entity. *Advocate = Lawyer*. 2015; (10):8–13 (in Russ.)
2. Dorokhina Ye.G. Control and Supervision Function of Public Administration in Bankruptcy of Organizations. *Jurist*. 2012; (11):7–9 (in Russ.)
3. Kantser Yu.A. Involvement of vicarious liability of controlling persons of debtor in bankruptcy case. *Society: politics, economics, law*. 2011; (4):128–134 (in Russ.)
4. Kochetkov E.P. Improving the efficiency of rehabilitation potential bankruptcy procedures in Russia. *Business Strategies*. 2017; (2(34)):25–29 (in Russ.)
5. Kolesnikova E.N. On the subsidiary responsibility of the persons controlling the debtor organization. *Financial Bulletin: Finance, Taxes, Insurance, Accounting*. 2017; (12):20–25 (in Russ.)
6. Kravchenko A.A. On the responsibility for dishonesty in insolvency (bankruptcy) relations. *Entrepreneurship*. 2015; (2)10–17 (in Russ.)
7. Kovan S.E. Problems of development of the rehabilitation potential of the institution of bankruptcy. *Strategic decisions and risk management*. 2014; (2(83)):64–75 (in Russ.)
8. Soldatenkov V.Yu. Deliberate bankruptcy of the debtor: what should creditors do? *Tax policy and practice*. 2011; (9):14–17 (in Russ.)
9. Tarasyuk I.M. Subsidiary responsibility of persons supervising the debtor in the bankruptcy case. *Arbitration disputes*. 2016; (4):15–25 (in Russ.)
10. Pustynick I. Use of Z-Score in Detection of Revenue Manipulations (March 12, 2015). 21st *International Conference on Economics and Management*. Brno, Czech Republic (2016). Available from: SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2577473> or doi:<http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2577473> (in Eng.)
11. Rachappa Shette, Sudershan Kuntluru, Sunder Ram Korivi. Opportunistic earnings management during initial public offerings: evidence from India. *Review of Accounting and Finance*. 2016; 15(3):352–371. Available from: doi:<https://doi.org/10.1108/RAF-03-2015-0048> (in Eng.)
12. Tarjo N.H. Application of Beneish M-Score models and data mining to detect financial fraud. Paper presented at the 2nd Global Conference on Business and Social Sciences (GCBSS-2015) on “*Multidisciplinary Perspectives on Management and Society*”. Bali, Indonesia, 2015 (in Eng.)
13. Scott D. Dyreng, Michelle Hanlon and Edward L. Maydew. The Effects of Executives on Corporate Tax Avoidance. *The Accounting Review*. July 2010; 85(4):1163–1189. Available from: doi:<https://doi.org/10.2308/accr.2010.85.4.1163> (in Eng.)
14. Fich, Eliezer M. and Shivdasani, Anil. *Financial Fraud, Director Reputation, and Shareholder Wealth* (April 17, 2006). AFA 2006 Boston Meetings Paper. Available from: SSRN: <https://ssrn.com/abstract=687412> or doi:<http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.687412> (in Eng.)
15. Dyreng, Scott and Hanlon, Michelle and Maydew, Edward L. *The Effects of Executives on Corporate Tax Avoidance* (September 9, 2009). Available from: SSRN: <https://ssrn.com/abstract=1158060> or doi:<http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1158060> (in Eng.)
16. Franceschetti B.M., Koschtial C. Do bankrupt companies manipulate earnings more than the non-bankrupt ones? *Journal of Finance and Accountancy*. 2013. 12 (in Eng.)
17. Kurbatov A.Ya. Subsidiary responsibility of the organization’s participants in its bankruptcy. *Economic Law*. 2015; (3):34–39 (in Russ.)
18. Ryakhovskaya A., Kovan S. Anti-crisis management: a modern concept and the main instrumentarium. *Management Science*. 2015; 5(3):45–55. Available from: doi:<https://doi.org/10.26794/2304-022X-2015--3-45-55> (in Russ.)
19. Shevchenko I.M., Tarasyuk I.M. Subsidiary responsibility of persons supervising the debtor in the case of bankruptcy for the absence of accounting and reporting documents, the presence of incomplete or distorted information in them. *Arbitration disputes*. 2015; (3)5–20 (in Russ.)
20. Vandekerckhove K. *Piercing the Corporate Veil*. The Netherlands: Kluwer Law International, 2007. 788 c. (in Eng.)
21. Budylin S.L., Ivanets Yu.L. Tearing the veils. The doctrine of lifting the corporate veil in foreign countries and in Russia. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*. 2013; (7):80–125 (in Russ.)
22. Grechnev A.V. The problem of “piercing the corporate veil” in the Russian and French law: a comparative analysis. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava = Matters of Russian and International Law*. 2016; (1):69–83 (in Russ.)

About the authors:

Valery N. Alferov, Associate Professor of the Department of Management, Finance University under the Government of the Russian Federation (49, Leningradsky avenue, Moscow, 125993), Moscow, Russian Federation, Candidate of Economic Sciences, ORCID: orcid.org/0000-0002-0719-1087, expertavn@bk.ru

Maryam M. Korigova, analyst of IT company “GreenData” (31, Belinsky str., Perm, 614002), Perm, Russian Federation, ORCID: orcid.org/0000-0002-0056-7993, maryam.korigova@yandex.ru

All authors have read and approved the final manuscript.

УДК 338.242.4

DOI: 10.18184/2079-4665.2018.9.3.475-490

JEL: F44, F63, G18, G23, L26, L32, O4, O53

Институциональные основы системы стимулирования малого и среднего предпринимательства в Республике Казахстан

Алибек Абдыхашимович Байтурсунов¹

¹ Российский университет дружбы народов (РУДН), Москва, Россия

117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

E-mail: Alibai85@mail.ru

Поступила в редакцию: 18.07.2018; одобрена: 27.08.2018; опубликована онлайн: 28.09.2018

Аннотация

В статье освещается вопрос институциональной структуры стимулирования малого и среднего предпринимательства (МСП) в Республике Казахстан (РК). В частности, определяется сущность институциональной среды предпринимательства и предлагается её дефиниция на основании анализа научных источников, а также анализируется структура системы государственного регулирования и стимулирования предпринимательства в РК. Приводятся оценки предпринимательского климата Республики Казахстан, как объекта государственного воздействия для формирования благоприятных условий для развития МСП. Автором отмечается важность системного подхода к формированию государственной политики стимулирования и поддержки малого и среднего предпринимательства. Статья раскрывает особенности управления и стимулирования, а также определяет основные приоритетные направления и целевые параметры развития малого и среднего бизнеса в Республике Казахстан.

Цель: Цель статьи заключается в исследовании институциональных основ функционирования малого и среднего предпринимательства в Республике Казахстан и оценке влияния институциональной среды функционирования развития МСП. Для достижения поставленной цели решен следующий ряд задач: определена сущность институциональной среды предпринимательства; исследована структура системы и механизм государственного регулирования и стимулирования предпринимательства в РК; проанализировано фактическое состояние институциональной среды предпринимательства в РК; определены целевые критерии развития МСП в РК.

Методология проведения работы: Исследование выполнено с использованием методов теоретического анализа, формализации, классификации, статистического анализа, а также синтеза, дедукции и индукции.

Результаты работы: Сегодня малое и среднее предпринимательство представляет собой наиболее перспективный актор в развитии экономики постиндустриального типа, где приоритетом являются передовые технологии и инновационные решения. МСП, в силу своей мобильности и гибкости, наиболее восприимчиво к инновациям и может являться провайдером внедрения высоких технологий. Адаптивность МСП является фактором быстрого и адресного реагирования на малейшие изменения рыночной или технологической конъюнктуры. Кроме того, малые и средние предприятия – это существенный фактор снижения безработицы (особенно структурной и циклической). При этом МСП нуждается в протекции со стороны государства, поскольку незначительный объем капитала, а также сравнительно малый объем производственных документов (зачастую связанные с коррупционной незащищенностью в случае рыночной экспансии крупного бизнеса. Ошибки в системе государственного регулирования предпринимательства (ужесточение налогообложения, нецелесообразно жесткие нормативы и проч.) могут существенно замедлить или даже обусловить сокращение расширения предпринимательской инициативы. Таким образом, поиск путей организации наиболее благоприятной для МСП институциональной и рыночной среды (в особенности, для приоритетных в реализации государственной экономической политики сегментов МСП) является первоочередной задачей государственной системы регулирования.

Выводы: Проведенное исследование показывает, что институциональная среда функционирования МСП в Республике Казахстан является достаточно благоприятной в силу того, что государство реализует политику максимального благоприятствования развитию предпринимательской инициативы в стране. Более того, максимизируя свои усилия в создании эффективного механизма стимулирования и поддержки МСП, институциональная среда подвергается постоянному совершенствованию, что приносит свой результат, в виде улучшения общих условий ведения бизнеса. Одновременно, есть определенные аспекты, такие, как таможенные препоны, сложность в получении различного рода разрешительных документов (зачастую связанные с коррупционной связанностью чиновников), которые препятствуют формированию благоприятной для реализации предпринимательской инициативы среды. Поэтому система стимулирования МСП должна включать в себя действенный механизм, обеспечивающий соблюдение прав и защиту предпринимателей.

Ключевые слова: институциональная среда, малое и среднее предпринимательство, институты, организации, регулирование, стимулирование, поддержка, предпринимательская деятельность

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Для цитирования: Байтурсунов А. А. Институциональные основы системы стимулирования малого и среднего предпринимательства в Республике Казахстан // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2018. Т. 9. № 3. С. 475–490. DOI: 10.18184/2079-4665.2018.9.3.475-490

© Байтурсунов А. А., 2018

Institutional Framework of the Incentive System for Small and Mediumsized Enterprises in the Republic of Kazakhstan

Alibek A. Baitursunov¹

¹ Peoples Friendship University of Russia (PFUR), Moscow, Russian Federation

6, Miklukho-Maklaya street, Moscow, 117198

E-mail: Alibai85@mail.ru

Submitted 18.07.2018; revised 27.08.2018; published online 28.09.2018

Abstract

The article highlights the issue of the institutional structure of small and medium-sized businesses in the Republic of Kazakhstan. In particular, the essence of the institutional environment of entrepreneurship is determined and its definition is proposed based on the analysis of scientific sources. The structure of the system of state regulation and stimulation of entrepreneurship in the Republic of Kazakhstan is analyzed. Estimates of the entrepreneurial climate of the Republic of Kazakhstan as an object of state influence for the formation of favorable conditions for the development of small and mediumsized businesses are given. Author notes the importance of a systematic approach to the formation of the state policy to stimulate and support small and mediumsized businesses. The article reveals the features of management and stimulation, as well as determines the main priority directions and target parameters for the development of small and medium business for the Republic of Kazakhstan.

Purpose: the main objective of this article is to study the institutional framework for the operation of small and medium-sized businesses in the Republic of Kazakhstan and to assess the impact of the institutional working environment on the development of small and mediumsized businesses. To achieve this purpose, the following tasks were solved: to determine the essence of the institutional environment of entrepreneurship; to study the structure of the system and the mechanism of state regulation and stimulation of entrepreneurship in the Republic of Kazakhstan; to analyze the actual state of the institutional environment of entrepreneurship in the Republic of Kazakhstan; to determine the target criteria for the development of SMEs in the Republic of Kazakhstan.

Methods: this article is based on the methods of structural analysis and of the system approach.

Results: today, small and mediumsized businesses are the most promising actors in the development of a postindustrial economy, where advanced technologies and innovative solutions are a priority. Small and mediumsized businesses, by property of their mobility and flexibility, are the most susceptible to innovation and can be providers of high technology. In addition, the adaptability of small and mediumsized businesses is a factor of rapid and targeted response to the slightest changes in market or technological conditions. At the same time, small and medium businesses are an important factor in reducing unemployment (especially structural and cyclical). But at the same time, small and mediumsized businesses need protection from the state, since a small amount of capital, as well as a relatively small amount of production of each individual subject of small and mediumsized business, causes insecurity in the event of a market expansion of large businesses. Errors in the system of state regulation of business (tightening of taxation, inexpediently stringent regulations, etc.) can significantly slow down or even cause a reduction in the expansion of entrepreneurial initiative. Thus, the search for ways to organize the most favorable institutional and market environment for small and mediumsized businesses (in particular, priority for the implementation of state economic policy) is a priority task of the state regulatory system.

Conclusions and Relevance: the research carried out within the framework of the subject of this article shows that the institutional environment for the operation of small and mediumsized businesses in the Republic of Kazakhstan is quite favorable, because the state implements a policy of maximum favor to the development of entrepreneurial initiative in the country. Moreover, by maximizing its efforts to create an effective mechanism for stimulating and supporting small and mediumsized businesses, the institutional environment is constantly improving. This brings its results, in the form of improving the general business environment. At the same time, there are certain aspects, such as customs barriers, the difficulty in obtaining various kinds of permits (often this is due to corrupt officials). Therefore, the incentive system for small and mediumsized businesses should include an effective mechanism to ensure compliance with rights and protect entrepreneurs.

Keywords: institutional environment, small and mediumsized business, institutions, organizations, regulation, stimulation, support, entrepreneurial activity

Conflict of Interest. The Author declares that there is no Conflict of Interest

For citation: Baitursunov A. A. Institutional Framework of the Incentive System for Small and Mediumsized Enterprises in the Republic of Kazakhstan. *MIR (Modernizatsiia. Innovatsii. Razvitie) = MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2018; 9(3):475–490. DOI: 10.18184/2079-4665.2018.9.3.475–490

Введение

Наличие эффективной и качественно структурированной институциональной среды функционирования предпринимательской деятельности является сегодня первоочередной задачей, поскольку представляет собой основу обеспечения реализации государственной стратегии развития предпринимательства. При этом необходимо отметить, что в

условиях консолидации многих отраслевых рынков стимулирование МСП – это жизненная необходимость любого государства, ведь МСП – основа для сохранения здорового конкурентного рынка.

На развитие предпринимательской инициативы в необходимом для государства стратегическом направлении используются стимулирующие и поддерживающие меры. Но предпринимательская

инициатива имеет дуальный по отношению к целям государства характер: она может быть как желательной, так и нежелательной (если касается незаконных и деструктивных действий, нелегального ведения бизнеса, и проч.). Поэтому государством, наряду со стимулирующими и поддерживающими мерами, используются ограничительные меры. Итак, институциональная среда выполняет разноплановые задачи в пределах общей государственной экономической стратегии, формируя как поддерживающее и стимулирующее влияние, так и рестриктивное, с целью обеспечения наиболее соответствующей целям государства модели развития рынка.

Обзор литературы и исследований. В изучении институциональных основ системы стимулирования малого и среднего предпринимательства важное место занимает концепт «институциональная среда предпринимательства».

А.Е. Шаститко институциональную среду рассматривает как совокупность правил и норм, а также механизмов, обеспечивающих соблюдение этих норм [1, с. 25]. При этом он подчеркивает не только преимущества создания и поддержания институциональной среды, но и ее издержки, неизбежные при наличии принципиально различных интересов объекта и субъекта регуляторного воздействия.

Н.Г. Вовченко и Т.В. Епифанова рассматривают институциональную среду предпринимательства более широко, включая в нее не только регуляторные и поддерживающие, но и инфраструктурные институты, такие как финансовые учреждения, а также неформальные институты [2, с. 302]. С данным подходом следует согласиться, поскольку в целом институциональная среда предпринимательства не сводится к сугубо регуляторной, но представляет собой всю совокупность субъектов влияния.

Наиболее точно и емко характеризует институциональную среду предпринимательства А.М. Чернопятов, разграничивая рыночные и нерыночные институты [3, с. 24]. Данный автор показывает возможность благоприятного влияния нерыночных, контролируемых государством институтов на рыночные институты.

Итак, в широком смысле институциональная среда – это совокупность институтов [4, с. 13]. Под институтами понимаются исторически сложившиеся нормы и правила общественного поведения, которые выражаются через набор законов, нормативов, ограничений, являющихся обязательными для исполнения (формальный уровень), либо через набор моральных установок, принципов общественного поведения, традиций и т.п. (неформальный уровень) [5, с. 46].

При этом следует отметить, что вопрос о необходимости контроля и регулирования неформальных нерыночных институтов среды предпринимательства является достаточно актуальным, поскольку условия развития таких позитивных (грантовые организации, позитивные общественные ценности) и негативных (рейдерство, коррупция) аспектов предпринимательской среды могут создаваться на уровне формальных институтов посредством влияния на рыночные институты предпринимательской среды.

Материалы и методы. Данная статья основывается на методах теоретического анализа и классификации в рамках системного подхода. В частности, использовались законодательные акты Республики Казахстан, информация государственных и негосударственных структур, осуществляющих стимулирование и поддержку МСП, а также данные Комитета по статистике Министерства Национальной экономики Республики Казахстан (КС МНЭ РК). Таким образом, для представленного исследования автор использовал обзорную информацию, анализ институциональной среды и актуальные статистические данные (статистический анализ), на основании которых сформирована, посредством метода индукции, оценка качества институциональной среды функционирования МСП в РК. Следует отметить, что для оценки качества положительного влияния институциональной среды предпринимательства использовалась более узкая оценка: определение эффективности системы поддержки и стимулирования МСП в РК. Кроме того, автор использовал метод формализации в части обобщения теоретических аспектов сущности институциональной среды предпринимательства.

Для представления общей оценки качества институциональной среды предпринимательства автор использовал интегральную оценку по методике глобального рейтинга Всемирного банка. В частности, на основании оценки удаленности от передового рубежа был составлен профиль рейтинговой оценки РК по легкости ведения бизнеса, а на основании полученного профиля наглядно определяются сильные и слабые стороны институциональной среды предпринимательства в РК (при этом использован метод синтеза).

Данные КС МНЭ РК по деятельности МСП в РК позволили провести статистический анализ как динамики, так и структуры общей численности субъектов предпринимательства в Казахстане за период 2005–2017 гг.

Синтез полученных исходных данных позволил автору сформулировать ряд предложений по совершенствованию институциональной среды функционирования МСП в РК.

Результаты исследований

Автор считает необходимым остановиться на том, что: «Институциональная среда предпринимательства представляет собой совокупность рыночных и нерыночных (формальных и неформальных) институтов, в своей совокупности создающих нормативные условия, а также определенную инфраструктуру, в которых функционируют субъекты предпринимательской деятельности». Параметры функционирования субъектов предпринимательства тесно связаны с обязательным существованием и успешной реализацией для любого субъекта такой целевой функции как «экономическое выживание» (*англ.* Economic Survival) в определенном, не совсем благоприятном окружении [6, с. 24].

Определение успешного функционирования той или иной предпринимательской единицы в условиях конкурентного рыночного окружения требует установления условий такого выживания [7, с. 29].

Автор считает, что данное понятие следует дополнить и сформулировать его как «Экономическое выживание и развитие». Это означает, что внешняя среда обуславливает благоприятные условия, в которых возможен прогресс субъекта предпринимательства.

Предпринимательская деятельность очень уязвима к нестабильности и резким изменениям в состоянии внешней среды. Влияние совокупности ее факторов на формирование условий существования и функционирования субъектов предпринимательства в определенной степени будет определяться результатами деятельности и взаимодействия всех формальных и неформальных институтов, а значит, и результатами взаимодействия людей, работающих в этих учреждениях.

В наиболее общем плане именно условия предпринимательской деятельности можно характеризовать таким понятием, как «Предпринимательский климат». Предпринимательский климат (т.е. условия предпринимательской деятельности) формируется деятельностью государственных органов, органов местного самоуправления, отраслевых, корпоративных, частных институтов, формальных и неформальных объединений юридических лиц и граждан в условиях рискованной среды предпринимательства.

Таким образом, предпринимательский климат представляет собой совокупность экономических, социальных, регуляторных, ресурсных факторов среды предпринимательства, создающих условия для хозяйственной активности.

В числе факторов, формирующих предпринимательский климат, могут быть названы следующие:

состояние экономики страны; уровень стабильности законодательной базы; уровень развития инвестиционной инфраструктуры; валютная и фискальная политика, проводимая государством; финансово-кредитная система, включающая в себя финансовый рынок; уровень развития производительных сил; правовой статус инвесторов (в том числе иностранных) и прочие факторы.

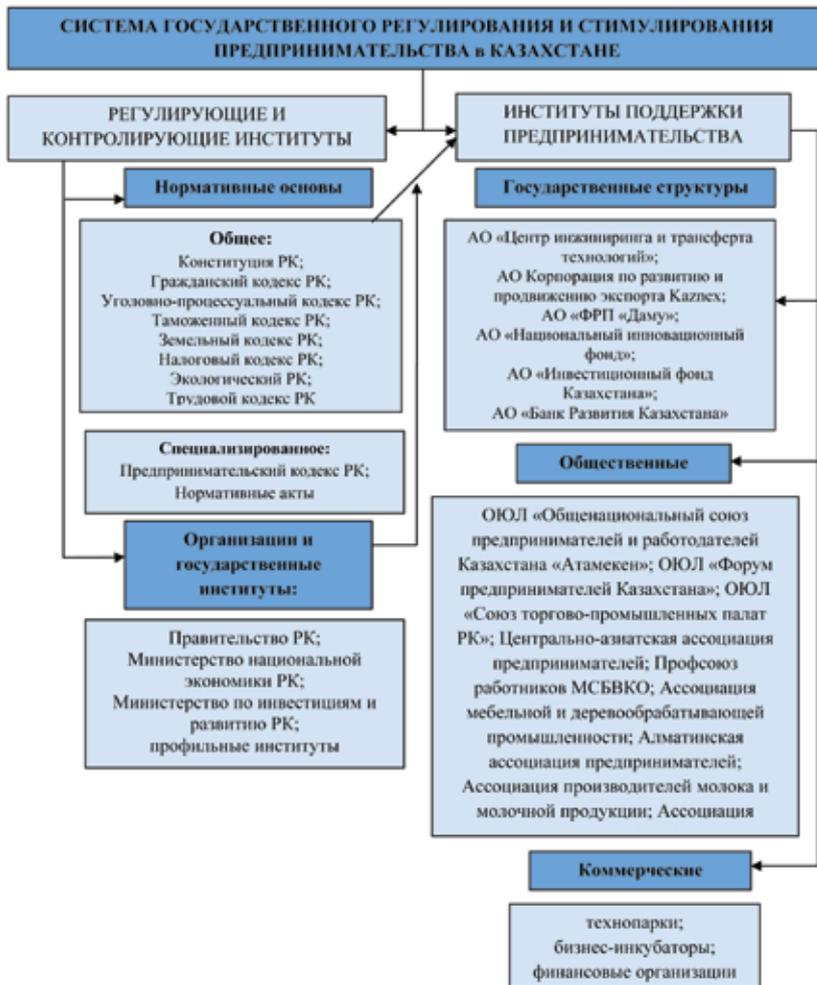
В Казахстане институциональная система государственного регулирования и стимулирования предпринимательства выглядит следующим образом (см. рис. 1): в нее входят структуры, контролирующие деятельность бизнеса; органы, ответственные за развитие предпринимательства и институты представительства интересов бизнеса во власти.

Институты, осуществляющие реализацию государственной политики по развитию предпринимательства, находятся если не под прямым, то под опосредованным подчинением президентской власти. К ним относятся: Комитет таможенного и финансового контроля; Налоговый комитет; Агентство по регулированию и надзору финансового рынка; Агентство по регулированию естественных монополий, защите конкуренции и прав потребителей; Агентство по борьбе с экономической преступностью (*разг.* – финансовая полиция).

В государственной власти присутствуют и органы, ответственные за развитие частного бизнеса. Центральным исполнительным органом власти в этом сегменте деятельности является Министерство национальной экономики РК, в структуру которого входит Департамент развития предпринимательства, реализующий функции по формированию государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере развития и поддержки предпринимательства. Основными задачами Департамента являются: создание условий для развития предпринимательства, разработка мероприятий по привлечению инвестиций, а также принятие мер по обращениям и жалобам предпринимателей на противоправные действия чиновников. На региональном уровне в республике при Акиматах (*рус.* – Мэриях) созданы департаменты предпринимательства и промышленности.

Для организации обратной связи на уровне центральных исполнительных органов создана Национальная палата предпринимателей РК «Атамекен» (*рус.* – «Отечество»).

Часто исполнительной власти принадлежит инициатива создания, а также функция контроля формирования институтов, призванных представлять интересы бизнеса (бизнесассоциации, которых насчитывается более 30-ти). К таким структурам необходимо отнести Совет иностранных инвесторов

Разработано автором

Рис. 1. Структура системы государственного регулирования и стимулирования предпринимательства в РК

Developed by the author

Fig. 1. Structure of the system of state regulation and stimulating entrepreneurship in the Republic of Kazakhstan

при Президенте РК (в рамках Совета действуют 4 совместные рабочие группы, членами которых являются представители государственных органов Казахстана, а также международных организаций и иностранных компаний) – консультативно-совещательный орган, возглавляемый Президентом РК, созданный по его инициативе. Целью работы данного Совета является обеспечение прямого диалога власти с иностранными инвесторами, которые осуществляют деятельность в РК.

Кроме того, в Казахстане создана сеть экспертных советов по вопросам предпринимательства при центральных государственных и местных испол-

нительных органах власти (Министерствах и Акиматах). В состав советов входят как представители органов исполнительной власти, так и члены отраслевых предпринимательских структур.

Цель функционирования этих консультативно-совещательных структур – получение экспертных выводов, а также разработка рекомендаций по проектам нормативно-правовых актов (далее – НПА), затрагивающих интересы бизнеса. В состав Совета могут входить только аккредитованные субъекты частного предпринимательства, при этом их количество ограничено: в соответствии с п. 34 ст. 25 Закона «О частном предпринимательстве в РК» от каждого региона или области может быть аккредитовано только одно объединение субъектов частного предпринимательства. Преимущество при аккредитации получает та структура, которая имеет большее количество работников в организациях¹. Такие ограничения при аккредитации фактически сводят значение экспертных советов к роли формальных каналов представительства интересов бизнеса.

Кроме вышеперечисленных органов и департаментов, также создан Казахстанский центр государственно-частного партнерства (КазЦентрГЧП). Его деятельность направлена на проведение исследований, оценку и экспертизу реализации инвестиционных проектов в области ГЧП.

КазЦентрГЧП оказывает консультационную поддержку проектам, способствуя их реализации. Он взаимодействует с законодательными и исполнительными органами, национальными компаниями и международными общественными организациями на всех уровнях². Центр выступает как инициатор и организатор популярных дискуссионных платформ, которые, в дополнение к актуальным

¹ Закон «О частном предпринимательстве в РК»: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30044096

² Официальный Интернет-ресурс Независимой Ассоциации предпринимателей Казахстана: <http://nap.kz>

вопросам развития ГЧП, составляют рекомендации экспертов для решения основных социально-экономических проблем. КазЦентрГЧП видит свою миссию в «создании условий для партнерства между государством и бизнесом, развитии и объединении их потенциала для реализации проектов ГЧП и увеличения инвестиций в экономику страны»³.

В РК существует ряд организаций, которые имеют отраслевое значение и являются в значительной степени независимыми в пределах четко определенного круга своих функций. К числу независимых организаций предпринимательства в Казахстане следует отнести: Независимую ассоциацию предпринимателей РК (НАПРК)⁴, Европейскую бизнес ассоциацию Казахстана («Евробак»)⁵ и ряд других отраслевых организаций бизнеса.

Между тем, и неправительственные организации, которые призваны выполнять роль посредников между государством и бизнесом, часто создаются по инициативе Президента или органов исполнительной власти.

К ним относятся НППРК «Атамекен» и Единый бизнеспортал всех предпринимателей РК «Территория бизнеса»⁶ (обе организации созданы по инициативе Президента страны). Одной из наиболее заметных и влиятельных организаций бизнеса является НПП «Атамекен».

В 1997 г. в Казахстане по инициативе государства создан Фонд развития предпринимательства «Даму» (рус. – «Развитие»)⁷. На данный момент эта структура имеет статус национального института развития, государственного фонда, целями работы которого являются: стимулирование экономического роста субъектов малого предпринимательства; повышение эффективности использования финансовых средств государства, направленных на стимулирование и поддержку малого бизнеса.

Данная структура находится в полном подчинении государства: 100%-м владельцем акций фонда является «Национальный управляющий холдинг «Байтерек» (рус. – «Опора, защитник») – холдинг, который руководит национальными институтами развития, а также национальными компаниями.

Он создан для оптимизации системы управления институтами развития, финансовыми организаци-

ями и развития национальной экономики Указом Президента РК от 22 мая 2013 г. № 571, а также информирует о реализации ряда образовательных проектов и оказания консалтинговых услуг субъектам МСП⁸.

Основой институционального обеспечения предпринимательства в РК является Предпринимательский кодекс РК (принят 29.10.2015 г., с изменениями и дополнениями по состоянию на 09.01.2018 г.). Он устанавливает как принципы предпринимательской деятельности, так и основы ее государственного и негосударственного регулирования и защиты. Разумеется, регулятивная часть является безусловной для соблюдения и выступает базой для формирования подзаконных нормативных актов относительно соответствующей деятельности всех государственных и коммерческих субъектов в направлении деятельности, сопряженной с предпринимательской средой.

Задекларированные в Кодексе принципы можно назвать концепцией идеального состояния предпринимательской среды. Т.е. их реальное воплощение означало бы наличие идеальной среды для предпринимательства. Поэтому все институты, связанные с управлением предпринимательской деятельностью, в своей деятельности должны руководствоваться данными принципами, как основой для достижения наиболее благоприятной предпринимательской среды.

Указ Президента РК «Об утверждении Концептуального плана законотворческой работы на 2016–2021 годы» предусматривает шаги по совершенствованию законодательства в сфере модернизации экономических институтов, направленных на развитие конкуренции и частного сектора. В качестве конкретных шагов по выполнению этой задачи «... будут приняты меры, направленные на сокращение роли государства в экономике, развитие МСП, совершенствование системы защиты интеллектуальной собственности» (Указ Президента РК от 16.06.2016 г.).

Установлен курс на оптимизацию разрешительной системы, что упростит регистрацию и вхождение в отраслевые рынки субъектов предпринимательства; также предусмотрены меры по оптимизации налогового администрирования. Одной из наибо-

³ Официальный интернет-ресурс Независимой Ассоциации предпринимателей Казахстана: <http://nap.kz>

⁴ Официальный сайт НППРК «Атамекен»: <http://palata.kz/ru/>

⁵ Официальный сайт Европейской бизнес-ассоциации в РК Евробак: <http://www.eurobak.kz/>

⁶ Официальный сайт Единого бизнес-портала для предпринимателей Казахстана «Территория бизнеса»: <http://business.gov.kz/ru/>

⁷ Официальный сайт АО ФРП «Даму»: <https://www.damu.kz/>

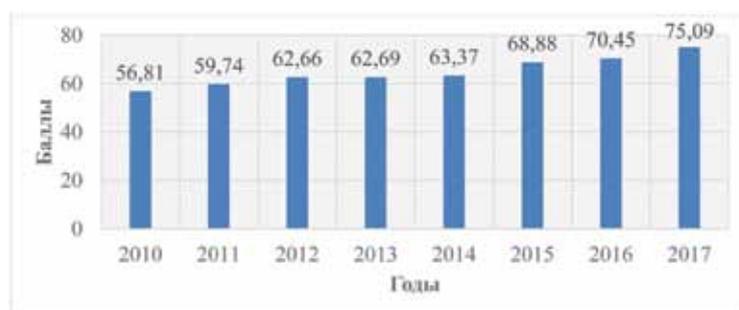
⁸ Официальный сайт АО «НУХ «Байтерек»: <https://www.baiterek.gov.kz/ru>

лее фундаментальных задач является определение роли государства в регулировании предпринимательской среды.

В целом, имеет место насущная необходимость государственной поддержки МСП и неотложных мер по повышению рентабельности бизнеса практически во всех отраслях.

Сегодня, с целью поддержки бизнеса в стране, Правительством РК реализуется Программа «Дорожная карта бизнеса–2020». Единая программа является одним из механизмов реализации государственной и инновационной программы развития Республики Казахстан на 2015–2019 годы и реализует инструменты государственной поддержки в рамках субсидий на процентные ставки по кредитам и лизингу и представления гарантий по кредитам. Кроме того, она направлена на оздоровление субъектов МСП и на снижение валютных рисков предпринимательства⁹.

Также в Казахстане действуют и другие государственные программы поддержки бизнеса, а именно: «Дорожная карта занятости–2020», «Государственная программа индустриально-инновационного развития РК на 2015–2019 годы» (ГПИИР), «Производительность–2020», «Экспорт–2020», «Агробизнес–2020», «Программа развития моногородов на 2012–2020 гг.», «Государственная программа инфраструктурного развития «Нурлыжол» (рус. – «Светлый путь») на 2015–2019 гг.» и др.¹⁰

Разработано автором по материалам: <http://www.doingbusiness.org/>

Рис. 2. Показатель удаленности от передового рубежа (передовой рубеж, или же наилучший результат = 100)¹¹

Developed by the author on materials: <http://www.doingbusiness.org/>

Fig. 2. Rating of distance on the forward line (forward line, or the best result = 100)

Рассмотрим фактическое состояние институциональной среды предпринимательства в РК на основании оценки глобального рейтинга Всемирного банка (см. рис. 2).

Всемирный банк проводит рейтинговую оценку условий ведения бизнеса по странам. Одним из видов анализа является показатель удаленности от передового рубежа.

«Передовой рубеж» представляет собой модель наиболее благоприятного правового режима страны, обуславливающего максимально комфортные условия для ведения бизнеса. Если говорить обобщенно, то данный показатель играет роль интегральной характеристики инвестиционного климата страны.

Разумеется, условия оценки рейтинга Doing Business и степени удаленности от передового рубежа являются усредненными, типизированными, чтобы их можно было применить к любой стране. Отчасти это несколько снижает точность оценки, поскольку условия рыночной конъюнктуры в различных странах существенно различаются. Не учтено также и влияние неформальных институтов среды функционирования предпринимательства¹².

Фактически, оценивается формальная среда функционирования. Поэтому точность оценки значительно повысило бы добавление 2-х групп показателей:

1. Потенциал страны для ведения предпринимательской деятельности: размер ВВП по паритету покупательской способности на душу населения (в единой валюте (например, в долларах США), что общепринято в аналитических исследованиях ВБ); реальный среднедушевой доход населения; среднедушевые расходы населения; потенциал прироста потребительского спроса (измеряемый долей сбережений в расходах населения); индекс Джини.
2. Степень и направленность влияния неформальных институтов предпринимательской среды: индекс восприятия коррупции; экспертная оценка рейдерской активности; экспертная оценка картелизации отраслевых рын-

¹⁰ Единый бизнеспортал для всех предпринимателей Казахстана «Территория бизнеса». URL: <https://business.gov.kz/ru/aboutus/> (дата обращения: 27.04.2018 г.)

¹¹ Там же.

¹² Здесь и далее до следующей ссылки: Байтурсунов А.А. Совершенствование институциональной среды предпринимательства // Научный журнал «Казахстан-Спектр» / Казахстанский институт стратегических исследований (КИСИ) при Президенте Республики Казахстан. Астана, 2017. № 2 (80). С. 56–68. URL: <http://www.kisi.kz/uploads/33/files/8UZ73m9q.pdf> (дата обращения: 25.07.2018)

ков; число правонарушений, связанных с частной собственностью предпринимательских структур в пропорции к общему числу субъектов предпринимательства¹³.

Это в определенной степени усложняет анализ (особенно в части экспертных оценок), но повышает качество рейтинговой оценки предпринимательской среды с учетом тех ее характеристик, которые дают оценку не просто легкости регистрации бизнеса, но и условий и перспектив его «выживания».

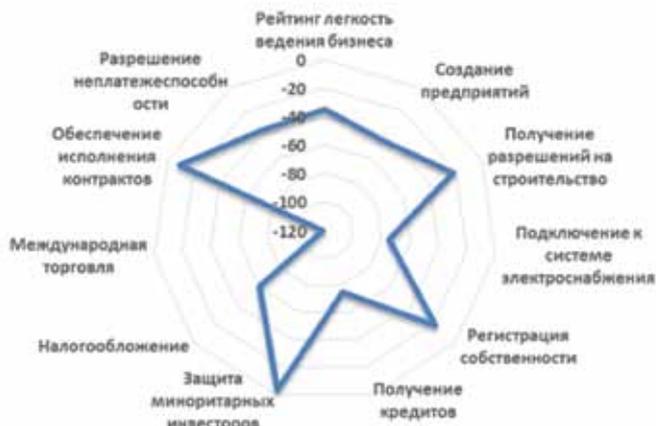
Данные показатели расширили бы информативность представленного интегрального индекса, поскольку давали бы более полное представление о предпринимательском климате в стране.

Одновременно, очень низкой является оценка простоты ведения внешнеторговых операций, что связано с существенными бюрократическими барьерами в виде множества разрешительных документов (как по импорту, так и по экспорту). В области ведения внешнеторговых операций Казахстан занимает 119-е место (см. рис. 3).

Это создает разительный контраст с такими показателями, как легкость получения разрешений на строительство (22-е место) и регистрация собственности (19-е место), и требует значительных усилий по доработке законодательно-нормативного обеспечения внешнеторговых процедур.

Оценивая данные по условиям ведения бизнеса, можно отметить существенные положительные сдвиги: регистрация предприятий, защита интересов и прав собственности миноритарных акционеров, а также процедура решения проблемы банкротства были объектами первоочередного внимания Правительства Казахстана в течение 2016 г., что и повлекло за собой существенное повышение рейтинговой оценки страны по методологии Всемирного банка.

Важен прогресс системы налогообложения: если в 2016 г. она находится на низком уровне содействия бизнесу (17-е место из 189-ти, ухудшение на 1 позицию), как и система защиты интересов сторон по обеспечению контрактов (14-е место

Разработано автором по материалам: URL: <http://www.kisi.kz/uploads/33/files/8UZ73m9q.pdf>

Рис. 3. Профиль рейтинговой оценки РК по легкости ведения бизнеса (по оси – степень удаленности от передового рубежа)

Developed by the author on materials: URL: <http://www.kisi.kz/uploads/33/files/8UZ73m9q.pdf>

Fig. 3. Profile of the rating assessment of the Republic of Kazakhstan on ease of doing business (along the axis – the degree of remoteness from the frontier)

из 189-ти, хотя и имеет место некоторое улучшение), то на начало 2018 г. положение существенно улучшилось: оценка налоговой нагрузки на бизнес оценивается на уровне 79-ти баллов.

По легкости ведения бизнеса Казахстан на данный момент находится на 36-м месте, это достаточно высокий рейтинговый показатель.

Одним из главных рисков для субъектов предпринимательства в Казахстане остается коррумпированность чиновников государственного аппарата.

Следует отметить, что предпринимательская среда в РК характеризуется значительным количеством рисков, но вышеупомянутый выступает одним из наиболее значимых. Это подтверждают и исследования индекса восприятия коррупции, проводимые международной организацией Transparency International¹⁴.

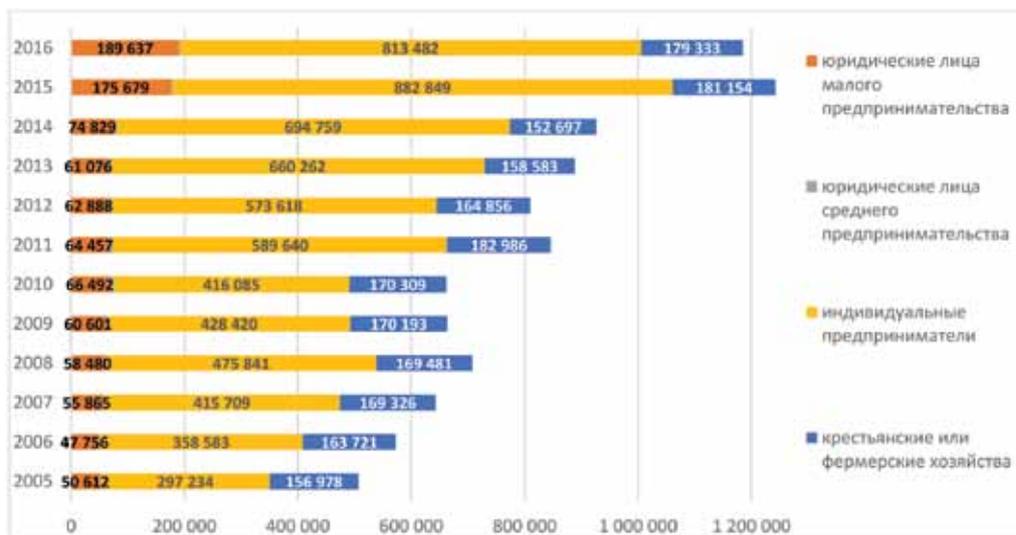
Исторически сложившиеся особенности казахского общества формируют национальные особенности предпринимательской среды¹⁵.

Казахстан, по своей территориальной структуре подразделяется на 5 административных регионов,

¹³ Байтурсунов А.А. Совершенствование институциональной среды предпринимательства // Научный журнал «Казахстан-Спектр» / Казахстанский институт стратегических исследований (КИСИ) при Президенте Республики Казахстан. Астана, 2017. № 2 (80). С. 56–68. URL: <http://www.kisi.kz/uploads/33/files/8UZ73m9q.pdf> (дата обращения: 25.07.2018)

¹⁴ Официальный сайт TengriNews. URL: tengrinews.kz/kazakhstan_news/kazahstanopustilsya-131-yu-strochku-indekse-vospriyatiya-310820/

¹⁵ Гусов А.З., Байтурсунов А.А. Предпринимательство как объект государственного регулирования // Ученые записки Российской академии предпринимательства. 2016. № 49. С. 87–96

Разработано автором по материалам: URL: <http://www.kisi.kz/uploads/33/files/8UZ73m9q.pdf>

Рис. 4. Динамика численности субъектов МСП в РК за 2005–2016 гг. (ед.)

Developed by the author on materials: URL: <http://www.kisi.kz/uploads/33/files/8UZ73m9q.pdf>

Fig. 4. Dynamics of the number of SMEs in the Republic of Kazakhstan for 2005–2016 (units)

различающихся как по ресурсной базе, так и по экономическому развитию. Кроме того, они неравнозначны и территориально [8, с. 1039].

В первую очередь, рассмотрим в динамике показатели количества субъектов МСП, как в целом, так и по территориям (регионам) страны (рис. 4).

Что касается общей структуры субъектов МСП, то юридических лиц среднего предпринимательства имеется совершенно незначительная прослойка в течение практически всего периода 2005–2016 гг. Это – порядка 0,2–1% (в зависимости от периода). Такую ситуацию можно объяснить тем, что субъекты среднего бизнеса, с одной стороны, не имеют того эффекта масштаба, как крупный бизнес, поэтому

проигрывают ему в плане ценовой и технологической конкурентоспособности. С другой стороны, субъекты среднего предпринимательства (кроме функционирующих в сельском хозяйстве) не имеют тех льгот, которыми пользуются субъекты малого предпринимательства. А это – налоговые льготы и возможность ведения бухгалтерского учета по упрощенной системе (кроме того, предприниматели–физические лица имеют право не вести бухгалтерского учета в обязательном порядке, поскольку уплачивают фиксированные налоговые платежи).

Таким образом, на начало 2017 г. структура субъектов МСП по видам представляет собой следующую картину (см. рис. 5).

Разработано автором по материалам: URL: <http://www.kisi.kz/uploads/33/files/8UZ73m9q.pdf>

Рис. 5. Структура численности субъектов МСП в РК на начало 2017 г. (%)

Developed by the author on materials: URL: <http://www.kisi.kz/uploads/33/files/8UZ73m9q.pdf>

Fig. 5. Structure of the number of SMEs in the Republic of Kazakhstan at the beginning of 2017 (%)

Рост численности субъектов МСП происходит за счет роста численности предпринимателей – физических лиц, а с 2015 г. – и за счет прироста числа юридических лиц – субъектов малого предпринимательства. Это связано со значительным сокращением административных барьеров для регистрации и ведения бизнеса, введением моратория на проверки субъектов МСП и другими положительными шагами со стороны государства.

Тем не менее, прямого субсидирования МСП в Республике Казахстан не проводится. Государство, посредством ФРП «Даму», а также в рамках программ помощи МСП по приоритетным отраслям, осуществляет содействие в льготном кредитовании таких субъектов. Это можно назвать достаточно эффективной государственной поддержкой.

Данная поддержка государства (как финансовая, так и правовая) в значительной степени нивелируется ужесточением налогообложения бизнеса. Так, введенный налог с продаж в размере 5%, наряду с налогом с розничных продаж в размере 5–12%, достаточно ощутимо повлияли на эффективность ведения бизнеса в РК.

Кроме того, 10кратное снижение порогового значения оборота при постановке на учет плательщиков НДС автоматически распространило необходимость уплаты данного налога даже на некоторых представителей микробизнеса. Т.е. малый бизнес был в существенной мере затронут новым для него достаточно обременительным налогом¹⁶.

Средний бизнес практически весь оказался в состоянии необходимости уплаты НДС. При этом устойчивость МСП перед финансовыми рисками намного ниже, чем устойчивость крупного бизнеса, по причине весьма незначительных резервов.

В этой ситуации под угрозой оказывается сам институт предпринимательства, а не только отдельные его субъекты. Поэтому для защиты МСП на данный момент требуются неотложные меры по корректировке системы налогообложения с целью адресного применения льгот по приоритетным отраслям (по аналогии с приоритетами ДКБ–2020)¹⁷.

Тем не менее, на данный момент следует отметить последовательный рост численности субъектов предпринимательства – юридических лиц.

Численность же ИП, а также фермерских хозяйств, имеет неровную динамику: после резкого увеличения их численности в 2015 г. наблюдается спад в 2016 г. Это связано с тем, что, в отличие от ИП и фермерства, юридические лица в малом предпринимательстве пользуются более широкой финансовой поддержкой, в связи с наличием разнообразных отраслевых программ финансирования.

Условия ведения бизнеса в Казахстане диктуются, в первую очередь, политикоэкономическими условиями, а также особенностями национального менталитета, обусловленными исторически.

Автократизм политической власти РК распространяется и на отношения с бизнесом: несмотря на наличие формального институционального фасада, способного обеспечить конструктивный диалог власти и бизнеса, центральное место в системе отношений власти и бизнеса принадлежит все же власти; бизнес занимает подчиненное положение. Довольно часто взаимодействие носит прямой, а не опосредованный институтами характер, и капитал вынужден согласовывать свои интересы, прежде всего, с интересами власти; общественные интересы вторичны.

Государство, осознавая свою ответственность за поддержку бизнеса, осуществляет комплекс мер, направленный на всестороннюю оптимизацию функционирования предпринимательских структур в стране. При этом выделяются наиболее приоритетные отрасли экономики, в которых МСП принимает участие.

Важным видится, в первую очередь, дальнейшее усиление государственного стимулирования и поддержки МСП и пересмотр налоговых нормативов. Это позволило бы воспрепятствовать выведению «в тень» доходов малых предприятий и нивелировало бы риск деградации системы МСП в стране.

В современных условиях внешняя среда определяется как неблагоприятная, вследствие ее высокой турбулентности и ускорения НТП, что ставит перед предпринимателями задачу двойного направления: быть готовыми к резким колебаниям конъюнктуры своего отраслевого рынка и способными оперативно диверсифицировать свою деятельность, а также постоянно отслеживать и внедрять в свою практику новейшие разработки¹⁸. Поскольку гибкость и мобильность является одной из не-

¹⁶ Налоговый и юридический вестник. URL: <https://www.pwc.kz/ru/pwc-news/ta-reports.html> (дата обращения: 29.04.2018 г.)

¹⁷ Yamoah E.E. Institutional Framework for Promoting Small and Medium Scale Enterprises in Ghana: Perspective of Entrepreneurs / E.E. Yamoah, S. Arthur, Abdullahi I. // Australian Journal of Business and Management Research. Vol. 3. No.10 [28-45], January-2014. (accessed 20 June 2018)

¹⁸ Гусов А.З., Байтурсунов А.А. Предпринимательство как объект государственного регулирования // Ученые записки Российской академии предпринимательства. 2016. № 49. С. 87–96

отъемлемых черт МСП, для них соблюдение этого условия является посильной задачей [9, с. 6385].

Крупный бизнес не обладает такими свойствами, поскольку, в силу масштаба, является менее гибким, и любые изменения в бизнеспроцессах крупных компаний требуют длительного периода времени для разработки и согласования изменений, а также определенного периода для внедрения и адаптации.

Кроме того, и риски у крупного бизнеса в случае неудач значительно больше. Поэтому именно МСП являются локомотивами прогрессивных изменений, столь необходимых в условиях ускоряющегося НТП.

Следует отметить еще одну особенность современной глобальной экономической конъюнктуры: «сжатие» экономических циклов, сокращение времени больших экономических волн. Это обуславливает еще большую важность развития МСП, как наиболее оптимальных форматов ведения бизнеса в крайне изменчивых условиях.

Поэтому стимулирование МСП является не просто предусловием сохранения здорового конкурентного рынка, но и необходимостью, продиктованной объективными условиями глобальной экономической конъюнктуры.

Таким образом, задача государства по отношению к МСП, как неоднократно отмечалось выше, заключается не просто в деятельности регуляторного характера, но в создании наиболее благоприятных условий, стимулировании и поддержке МСП, а также в «подталкивании» развития его приоритетных направлений.

Эту задачу государство решает как централизованно, так и на региональном и местном уровнях. Совокупность действий по всей вертикали государственной системы власти является единой и подчинена общей стратегии, на основе которой вырабатывается государственная политика содействия развитию МСП. И здесь важна эффективность предпринимаемых государством усилий, как залог эффективного развития МСП в том направлении, которое является для государства стратегически важным.

Провайдером является региональная исполнительная власть. Формирование адекватной рыночным условиям предпринимательской среды представляет собой важную составляющую региональной политики. Передавая полномочия по вопросам государственного управления развитием МСП на региональный уровень, следует внести ясность в вертикаль государственного управления [10, с. 7].

Структура и механизм взаимодействия центрального и регионального уровней исполнительной

власти позволяет сделать вывод о том, что полномочия органов власти по управлению развитием МСП целесообразно разделить между тремя уровнями управления: высшими органами государственной власти; региональными органами власти; органами местного самоуправления.

Таким образом, важной основой для оценки эффективности механизма стимулирования МСП является степень глубины такого взаимодействия, поскольку только во взаимодействии вырабатываются наиболее адекватные управленческие решения, учитывающие интересы всех сторон, и поэтому они наиболее точны.

Для эффективного взаимодействия государственных и предпринимательских структур в выработке централизованной политики стимулирования и поддержки МСП необходим весь комплекс инструментов, направленный на построение механизма совместной деятельности государства и МСП при создании концепции развития.

Важным, по мнению автора, является четкое распределение задач и, соответственно, полномочий и ответственности, между теми институтами, которые будут основаны для реализации государственной политики стимулирования и развития МСП. Разумеется, это предусматривает наличие как единого центра ответственности на государственном уровне, так и территориальных органов на региональном и местном уровнях.

Механизм государственного стимулирования МСП реализуется именно на региональном уровне. Региональная политика управления развитием МСП исходит из того, что основные функции управления переносятся на региональный и местный уровни.

На данный момент эффективность рыночных финансовых механизмов стимулирования МСП является драйвером общей (интегральной) эффективности, в то время как прямые государственные меры не имеют существенной эффективности. Поэтому в дальнейшем следует использовать прямое государственное стимулирование только как вспомогательный механизм стимулирования развития МСП, и активно применять опосредованные инструменты, такие как: целевые программы финансирования, поддержка приоритетных направлений предпринимательской деятельности посредством создания условий, при которых обновленная предпринимательская инициатива получает развитие в виде более широкого доступа к необходимой ресурсной базе.

В современных условиях государственная политика стимулирования МСП должна формироваться на компромиссных началах, исходя из интересов

потребителей и производителей, государства, регионов и предпринимателей, инвесторов. Государство формирует собственную систему мер поддержки развития субъектов МСП с учетом успешной международной практики и собственных традиций. Комплексная научно обоснованная система государственного стимулирования МСП способна решить объективные проблемы развития МСП и трансформировать его в равноправный и полноценный сектор национальной экономики.

Также считаем необходимым остановиться на вопросе оценки регулирующего влияния в Республике Казахстан. Система оценки регулирующего влияния нормативно-правовых актов в Республике Казахстан (ОРВ НПА РК) представлена на рис. 6.

Разработано автором

Рис. 6. Система оценки регулирующего влияния нормативно-правовых актов в Республике Казахстан

Developed by the author

Fig. 6. System for assessing the regulatory impact of normative acts of the NAP of the RK

По результатам мониторинга, в случае необходимости вносятся предложения по совершенствованию норм действующего законодательства. В результате применения системы ОРВ осуществляется разработка проектов, соответствующих нормативно-правовых актов (НПА), в случае выявления противоречащих законодательству РК, устаревших, коррупциогенных и неэффективно реализуемых норм права.

Институт ОРВ позволяет выявлять и оценивать возможные положительные и отрицательные последствия принятия проекта законодательно нормативного акта на основе анализа проблемы, цели ее регулирования и возможных решений, а также определения в проекте акта положений, предусматривающих излишние обязанности, запреты и ограничения для физических и юридических лиц в области предпринимательской и иной экономической деятельности, или способствующие их

внедрению, а также положения, способствующие возникновению неоправданных издержек в области хозяйственного и иного предпринимательства или бюджетов всех уровней.

С помощью механизма общественных консультаций и других процедур в рамках ОРВ также предоставляется доступ к юридической и другой информации, необходимой для ведения бизнеса.

На первоначальном этапе ОРВ законопроекта, предусматривающего проведение публичных консультаций с предпринимательскими структурами, субъектами ОРВ являются следующие функционирующие в системе институциональной среды предпринимательства в РК субъекты: НППРК

«Атамекен», Экспертный совет по вопросам предпринимательства, Аккредитованные объединения субъектов частного предпринимательства.

Экспертные заключения при этом представляют собой консолидированное мнение членов НПП РК «Атамекен», аккредитованных объединений субъектов частного предпринимательства. Конечным документом является имеющее рекомендательный характер изложение консолидированного мнения членов НПП РК «Атамекен», экспертного совета и аккредитованных объединений субъектов МСП.

Положительным моментом является участие представителей общественных объединений предпринимательских структур в обсуждении проектов законодательно норма-

тивных актов, хотя их заключение и носит рекомендательный характер. Однако данная система не обладает должным уровнем прозрачности.

Таким образом, к недостаткам системы ОРВ в РК следует отнести следующие аспекты:

- отдельные субъекты предпринимательства не принимают участия в широком обсуждении НПА;
- информация о НПА и их оценке общественными предпринимательскими структурами не находится в общем доступе по причине отсутствия специализированного интернет-портала (это не дает возможности учесть мнение каждого заинтересованного субъекта МСП);
- невозможность инициации ОРВ другими субъектами, кроме их разработчиков;
- отсутствие возможности привлечения других субъектов оценки НПА (общественности, независимых юристов и проч.).

Регулирование предпринимательской деятельности предполагает учет внутренней социально-экономической природы любого предприятия или предпринимательской структуры [12, с. 87], однако важнейшее место в регулятивной деятельности государства занимают вопросы формирования и совершенствования институциональной среды предпринимательства.

Обобщение результатов современных исследований в области предпринимательства показывает, что качество институциональной среды существенно влияет на конкурентоспособность субъектов хозяйствования, сказывается на инвестиционных решениях и организации производства, а также влияет на экономический рост.

Институциональная среда предпринимательства определяется правовой и административной инфраструктурой, в рамках которой предприниматели и предпринимательские структуры, компании и Правительство взаимодействуют с целью создания благосостояния нации [10, с. 8].

Значение государственных институтов не ограничивается созданием законодательной базы и контрольными функциями. Взаимодействуя между собой, институты обеспечивают формирование институционального механизма, который представляет собой систему взаимосвязей между формальными и неформальными институтами, а также институтами, способствующими согласованию и корректировке интересов различных общественных групп, координируют совместную деятельность для достижения задекларированных целей развития в сфере предпринимательства.

Таким образом, для Казахстана, как и для любой другой страны, развитие предпринимательства не может происходить, минуя институциональную среду, являющуюся основой поддержки и координации такого развития, обеспечивая и регулируя и экономику страны, как среду предпринимательства, и действия субъектов предпринимательства в этой экономической среде.

Инструменты государственного стимулирования предпринимательства по сферам воздействия в общем виде представлены на рис. 7.

В то же время, следует определить параметры эффективного развития малого и среднего бизнеса для Республики Казахстан (рис. 8).

При создании программ и проектов развития, по нашему мнению, следует акцентировать внимание на указанных параметрах, а также достижениях и отставаниях РК, поскольку именно они, ориентируясь на международные индексы развития, влияют в большей степени на современную экономику и бизнес.

Приведенные целевые критерии выглядят несколько обобщенно, но, в сущности, их соблюдение обеспечивает эффективное развитие предпринимательства. Некоторые из них в РК обеспечивают

Разработано автором

Рис. 7. Инструменты реализации государственного стимулирования предпринимательства по сфере воздействия

Developed by the author

Fig. 7. Tools for implementing state incentives for entrepreneurship in the sphere of impact

Разработано автором

Рис. 8. Целевые критерии развития малого и среднего предпринимательства в РК

Developed by the author

Fig. 8. Target criteria for the development of small and medium-sized enterprises in the Republic of Kazakhstan

ся полностью (так, защита прав инвесторов и прав собственности, поддержка внешнеэкономической деятельности, стимулирование самозанятости и исполнение государством социальных функций являются сильными сторонами государства в направлении развития предпринимательской инициативы в стране), но многие – недостаточно.

Государственное регулирование в РК требует создания новых инструментов контроля и, на их основе, эффективных механизмов развития бизнеса.

Выводы

В целом, следует отметить существенный прогресс в отношении совершенствования предпринимательского климата в стране: Казахстан показывает постоянную динамику приближения к «передовому рубежу» по методике оценки Всемирного банка. Но при этом существуют определенные слабые места, присущие бизнессреде, препятствующие полноценному развитию предпринимательской инициативы: сложность ведения внешнеторговых операций и недостатки разрешительной системы, а также несовершенство системы бизнескредитования.

В Республике Казахстан существует достаточно разветвленная структура поддержки предпринимательства, в которую входят государственные и созданные по инициативе государства организации; неправительственные организации; коммерческие организации. Они осуществляют как регуляторную, так и финансовую, информационно-аналитическую и консультационную поддержку, хотя и являются не вполне скоординированной системой. Поэтому первой задачей, как показывает изложенный анализ институциональной среды предпринимательства в РК, является структурная институциональная оптимизация, поскольку дублирование функций придает механизму стимулирования и поддержки МСП недостаточную слаженность и обуславливает непродуктивную громоздкость принятия и реализации решений.

Кроме того, следует обратить внимание на развитие диалога между институтами, формирующими среду предпринимательства в РК и широкой общественностью, представителями бизнеса. Это даст возможность точнее учитывать потребности бизнеса, а также оценивать предпринимаемые регуляторные и стимулирующие меры и корректировать их в соответствии с целевыми критериями развития малого и среднего предпринимательства, определенными в соответствии с государственной стратегией.

Список литературы

1. Шаститко А.Е. Институциональная среда предпринимательской деятельности (Стимулы, ограничения, стратегии развития) // *Общественные науки и современность*. 2008. № 2. С. 24–35. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=10227693> (дата обращения: 16.05.2018 г.)
2. Вовченко Н.Г., Епифанова Т.В. Оценка институциональной среды предпринимательства в России // *Теория и практика общественного развития*. 2013. № 8. С. 300–305. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20261942> (дата обращения: 01.06.2018 г.)
3. Чернопятков А.М. Формирование и развитие предпринимательской среды в Российской Федерации // *Транспортное дело России*. 2016. № 5. С. 24–27. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27450907> (дата обращения: 01.06.2018 г.)
4. Васильева А.С. Институциональная среда как фактор обеспечения экономической безопасности // *Российское предпринимательство*. 2012. № 15 (113). С. 11–16. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17871868> (дата обращения: 29.05.2018 г.)
5. Adams R., Bessant J., Phelps R. Innovation management measurements: A review // *International Journal of Management Reviews*. 2006. Vol. 8. Iss. 1. pp. 21–47. DOI: 10.1111/j.1468-2370.2006.00119.x
6. Быдтаева Э.Е. Проблемы формирования целевой функции госрегулирования экономики // *Проблемы экономики и менеджмента*. 2014. № 7 (35). С. 24–26. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-formirovaniya-tselevoy-funktsii-gosregulirovaniya-ekonomiki> (дата обращения: 11.06.2018 г.)
7. Гусов А.З. Социальные факторы модернизации российской экономики: монография. М.: РАП; Агентство печати «Наука и образование», 2007. 320 с. URL: <http://www.rusacad.ru/research/issues/266/> (дата обращения: 15.06.2018 г.)
8. Abdymanapov S.A., Toxanova A.N., Galiyeva A.H., Muhamedzhanova A.A., Ashikbayeva Zh.S., Baidalinov A.S. Government Support of Innovative Business in the Republic of Kazakhstan // *IEJME: Mathematics Education*. 2016. №11(5). С. 1033–1049. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27963261>
9. Kidyrova Z.S., Satymbekova K.B., Kerimbek G.E., Imanbayeva Z.O., Saparbayeva S.S., Nurgaliev A.A., Ilyas A.A., Zhalbinova S.K., Jrauova K.S., Kanafina A.T. Entrepreneurship Development and Business Climate of Kazakhstan // *International Journal of Environmental and Science Education*. 2016. Vol. 11. №14. P. 6381–6394. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27843367>

10. Альжаханова К.Ж., Тлеубергенов Ш.А. Институциональный анализ регуляторного воздействия в Республике Казахстан // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2016. Вып. №2. С. 4–10. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26125666> (дата обращения: 17.05.2018 г.)
11. Гусов А.З., Кайбылдаева Ч.З. Сущность и основные факторы конкурентоспособности отраслей промышленности в современной экономике // Ученые записки Российской академии предпринимательства. 2014. № 41. С. 131–137. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22766115> (дата обращения: 21.05.2018 г.)
12. Гусов А.З. Управление предпринимательской организацией как социальноэкономической системой // Путеводитель предпринимателя. 2013. № 20. С. 77–86. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20407094> (дата обращения: 27.06.2018 г.)
13. Гусов А.З. Соотношение экономических и социальных функций в управлении производством. // Ученые записки Российской Академии предпринимательства. 2007. № 11. С. 84–97. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16897222> (дата обращения: 12.06.2018 г.)
14. Климкина И.В., Пилипенко А.В. Налоговые особенности ведения бизнеса в Республике Казахстан и Российской Федерации // Новая наука: теоретический и практический взгляд. 2016. № 4-1(75). С. 105–108. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25811631> (дата обращения: 10.06.2018 г.)
15. Чуворкина Т.Н. Малый бизнес как стратегический ресурс обеспечения экономической безопасности региона // Продовольственная политика и безопасность. 2014. Том 1. № 1. С. 41–52. URL: <https://creativeconomy.ru/lib/9767>. DOI: 10.18334/ppib.1.1.255
16. Tokbergenova Z.S., Djoldasova O.K., Abdirasilova Z.S., Sanay G.E., Dzhunusova D.A., Shashaev A.K. The history of formation and development of entrepreneurship in the Republic of Kazakhstan // Revista Espacios. 2018. Vol. 39. № 18. pp. 19. URL: <http://www.revistaespacios.com/a18v39n18/18391819.html>
17. Sagieva R.K., Zhuparova A.S. Management of Innovation Processes in Terms of Development of National Economy of Kazakhstan // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2012. Vol. 65. pp. 88–93. DOI:10.1016/j.sbspro.2012.11.096 (дата обращения: 17.06.2018 г.)
18. Yamoah E.E. Institutional Framework for Promoting Small and Medium Scale Enterprises in Ghana: Perspective of Entrepreneurs / E.E. Yamoah, S. Arthur, Abdullai I. // Australian Journal of Business and Management Research. 2014. Vol. 3. № 10. pp. 28–45. URL: <http://www.ajbmr.com/articlepdf/aus-29-159i03n10a3.pdf> (дата обращения: 20.06.2018 г.)

Об авторе:

Байтурсунов Алибек Абдыхашимович, аспирант кафедры менеджмента, Российский университет дружбы народов (117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6), Москва, Российская Федерация, Alibai85@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

References

1. Shastitko A.E. Institutional Environment of Business Activity. *Social Sciences and Contemporary World*. 2008; (2):24–35 (in Russ.)
2. Vovchenko N.G., Epifanova T.V. Assessment of the institutional environment of business in Russia. *Theory and Practice of Social Development*. 2013; (8):300–305 (in Russ.)
3. Chernopyatov A.M. The Formation and Development of the Business Environment in the Russian Federation. *Transport Business in Russia*. 2016; (5):24–27 (in Russ.)
4. Vasil'eva A.S. Institutional Environment as a Factor in Ensuring Economic Security. *Russian entrepreneurship*. 2012; 15(113):11–16 (in Russ.)
5. Adams R., Bessant J., Phelps R. Innovation management measurements: A review. *International Journal of Management Reviews*. 2006; 8(1):21–47. Available from: doi:10.1111/j.1468-2370.2006.00119.x (in Eng.)

6. Bydtaeva E.E. Problems of formation of the target function of economy's state regulation. *Problems of economics and management*. 2014; 7(35):24–26 (in Russ.)
7. Gusov A.Z. *Social factors of modernization of the Russian economy*. Monograph. Moscow: Russian academy of entrepreneurship; Press Agency "Science and Education"; 2007. 320 p. (in Russ.)
8. Abdymanapov S.A., Toxanova A.N., Galiyeva A.H., Muhamedzhanova A.A., Ashikbayeva Zh.S., Baidalinov A.S. Government Support of Innovative Business in the Republic of Kazakhstan. *IEJME: Mathematics Education*. 2016; 11(5):1033–1049. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27963261> [Accessed 27th June 2018] (in Eng.)
9. Kydyrova Z.S., Satymbekova K.B., Kerimbek G.E., Imanbayeva Z.O., Saparbayeva S.S., Nurgaliyeva A.A., Ilyas A.A., Zhalbinova S.K., Jrauova K.S., Kanafina A.T. Entrepreneurship Development and Business Climate of Kazakhstan. *International Journal of Environmental and Science Education*. 2016; 11(14):6381–6394 (in Eng.)
10. Al'zhakhanova K.Zh., Tleubergenov Sh.A. Institutional analysis of regulatory impact in the Republic of Kazakhstan. *Bulletin of Omsk University. Series «Economics»*. 2016; (2):4–10 (in Russ.)
11. Gusov A.Z., Kaiblydaeva Ch.Z. The essence and main factors of the competitiveness of industries in the modern economy. *Scientific notes of the Russian Academy of Entrepreneurship*. 2014; (41):131–137 (in Russ.)
12. Gusov A.Z. Management of an entrepreneurial organization as a socioeconomic system. *Guide entrepreneur*. 2013; (20):77–86 (in Russ.)
13. Gusov A.Z. Relation of economic and social functions in production management. *Scientific notes of the Russian Academy of Entrepreneurship*. 2007; (11):84–97 (in Russ.)
14. Klimkina I.V., Pilipenko A.V. Tax features of doing business in the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation. *New science: theoretical and practical view*. 2016; 4-1(75):105–108 (in Russ.)
15. Chuvorkina T.N. Small Business as a Strategic Resource for Provision of the Regional Economic Security. *Food Policy and Security*. 2014; 1(1):41–52. Available from: doi:10.18334/ppib.1.1.255 (in Russ.)
16. Tokbergenova Z.S., Djoldasova O.K., Abdirasilova Z.S., Sanay G.E., Dzhunusova D.A., Shashaev A.K. The history of formation and development of entrepreneurship in the Republic of Kazakhstan. *Revista Espacios*. 2018; 39(18):19. Available from: <http://www.revistaespacios.com/a18v39n18/18391819.html> [Accessed 28th May 2018] (in Eng.)
17. Sagieva R.K., Zhuparova A.S. Management of Innovation Processes in Terms of Development of National Economy of Kazakhstan. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2012; (65):88–93. Available from: doi:10.1016/j.sbspro.2012.11.096 [Accessed 17th June 2018] (in Eng.)
18. Yamoah E.E., Arthur S., Abdullai I. Institutional Framework for Promoting Small and Medium Scale Enterprises in Ghana: Perspective of Entrepreneurs. *Australian Journal of Business and Management Research*. 2014. January-2014; 3(10):28–45. Available from: <http://www.ajbmr.com/articlepdf/aus-29-159i03n10a3.pdf> [Accessed 20th June 2018] (in Eng.)

About the author:

Alibek A. Baitursunov, Postgraduate Student, Department of Management, Peoples Friendship University of Russia (6, Miklukho-Maklaya street, Moscow, 117198), Moscow, Russian Federation, Alibai85@mail.ru

The author have read and approved the final manuscript.

ISSN 2079-4665

9 772079 466001 09

A standard ISSN barcode with the issue number 09 to its right. The numbers 9, 772079, and 466001 are printed below the bars.